

НЕВЛЯ

18 • 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ЗА СТЕНОЙ

Дмитрий Морачевский «Известки» 4

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Статистика преступности 82

УИС в цифрах 86

Василий Малинин Борьба с наркоторговлей:
успех или фабрикация уголовных дел? 88

Акции протеста и нарушения прав заключенных 93

СИДИ И ЧИТАЙ

Олег Павлов Барак 102

Алексей Мокроусов О русском жандарме
замолвили слово 112

ИСТОРИЯ

Ростислав Горчаков Граждане пираты 118

ЗАКОН И/ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Юрий Александров Раньше срока 130

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Зам. главного редактора
Елена Ознобкина
Ответственный секретарь
Наталья Мальхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

Дмитрий Морачевский

«Известки»

Холод... Проснулся я уже давно и еще долго лежал на холодном полу, глядя в потолок и вспоминая вчерашний день. Где я нахожусь, меня не очень беспокоит, так как помню больницу, толстого врача в очках, медсестру и укол, после которого вся картинка пропала.

Но если я в больнице, то почему я на полу? Ничего как будто не болит, разве что страшно хочется пить. Во рту все аж посклеивалось. И холод... Почему так холодно? Где я?

Небольшая комната, примерно четыре на шесть, без какой-либо мебели, покрашенные зеленой краской стены, белый потолок, железная дверь с глазком, над ней – лампочка за решеткой, на противоположной стене – окно с решеткой и без стекол. Неужели тюрьма? Но за что?

До окошка можно дотянуться, а подпрыгнув и уцепившись за решетку, влезть на него уже не проблема. Ничего не понимаю! Где же я? Сразу под окном – асфальтированная дорожка, за ней участок как в детском садике, с беседкой и песочницей. Дальше – высокий деревянный забор, а за ним – какое-то серое пятиэтажное здание. Справа – тоже забор, и за ним видны пятиэтажки жилого района, но вот что это за район, пока не пойму.

– Не успел очухаться и сразу в побег собрался? – Голос из-за двери. Быстро спрыгиваю и подбегаю к двери, в отверстие которой на меня смотрит глаз.

– Дайте воды! Пить хочу.

– Потерпишь, скоро завтрак, а будешь решетку пилить, вообще отсюда не выйдешь.

– А где я?

– Еще дураком прикидывается.

Слышен удаляющийся голос и шлепки тапок-шлепок.

Кто эта тетка? Где я? Не больница – точно, но тогда что это за заведение?

На двери и стенах много нацарапанных надписей, в основном погребухи (прозвища).

«Босс, 30 суток. ЗЛО». Эта надпись первой бросается мне в глаза: ЗЛО – за все легавым отомщу. Эта надпись мне знакома. Похоже, камера. Тюрьма?

«СЛОН» – смерть легавым от ножа. «Здесь был Конь с Корсакова, 45 суток, иду на спец, привет анархистам».

Изучение надписей на стенах прерывает скрип открывающейся двери. В дверях красивая молодая женщина и однорукий мужик.

– Морачевский, на завтрак!

За дверью детский гомон. Выхожу в коридор. Там дети разных возрастов – от трех до двенадцати лет примерно. Девочки и мальчики – все вместе. Нас строят парами и ведут на первый этаж в столовую.

– Морачевский, помоги маленьким на лестнице, – говорит мне однорукий.

– А я где? Что за детсад?

– Меня зовут Сергей Иванович, а находишься ты в ДПР, детском приемнике-распределителе. Ты здесь самый старший, а потому надемся на твою помощь в заботе о малышах.

В столовой тепло и пахнет очень вкусно.

– А вот и наш новенький, – встречает меня полная женщина в белом халате. – Я повар, тетя Зоя, и очень надеюсь на твою помощь, – говорит она мне и показывает, за какой стол сесть.

За столом уже сидят трое пацанов, один другого меньше.

– Привет! Меня Пашей звать, – говорит самый маленький.

– Привет! А меня – Дима, – представляюсь я.

– Я был самый старший, а теперь ты будешь, – то ли с сожалением, то ли с облегчением сказал толстый парнишка и уткнулся в тарелку с манной кашей.

Третий же смотрел на меня из-под бровей и молчал.

– Ну, что косишься? Не нравлюсь?

– А он мало с кем разговаривает. Пережил много, – говорит тетя Зоя и ставит возле меня большую кружку яблочного сока, которую я осушил в два глотка.

– Не иначе с похмелья, – смеется повариха и наливает еще, а потом разливает сок всем.

После завтрака всех закрыли в игровой комнате, а меня – опять в ту же камеру, на двери которой я успел прочесть: «Дисциплинарная».

Сейчас я уже не ощущал того холода, и жажда уже не мучила, и я вновь стал изучать надписи на стенках.

«Тумас – Невельск. Иду на “Известки”. Там беспредел. Кто не был, то будет, кто был – не забудет».

«Менты – козлы. Капа. Углегорск. 3 побега».

«Не видала горя – полюби меня».

«Суд – это базар, где торгуют свободой, не знал ее цены».

Мое просвещение прервал шум открывающейся двери, и я поспешно сел в угол, чтобы не дать повода заподозрить меня в царпанье стен – а то потом заставят, как в школе, красить.

– Пошли к директору, – позвал однурукий.

Мы спустились на первый этаж и по длинному коридору прошли в кабинет директора, где была и моя мать.

Директором оказался мужик лет тридцати.

– Меня зовут Борис Борисович. Садись, разговор будет долгий. С матерью твоей мы уже поговорили, я уже имею общее представление о тебе, и, как ты здесь будешь содержаться, зависит от тебя.

– А как я здесь оказался? Ничего не помню, – задал я встречный вопрос.

– Ты нам расскажи, что помнишь, а мы потом дополним твой рассказ, – дала о себе знать мать, сидевшая до этого молча с мокрым от слез платком.

– Когда идет дождь, танцев в парке нет, – начал я, – и мы в такие дни устраиваем вечера в подвале. Там места много, и человек двадцать свободно себя чувствуют. Мы навели там порядок: не одну сотню пылесосов вытряхнули. Соседи до этого не возмущались, и я не знаю, чего они в этот раз взъелись. Мы вчетвером играли, а остальные танцевали. В общем, было весело до тех пор, пока не появилась милиция.

– Вы были все пьяны? – спросил директор.

– Не знаю про остальных, а я выпил бутылку вина, пол-литра. Милиция сначала всех переписала и потом отпустила, кроме нас четверых. Инструменты погрузили в одну машину, нас – в другую. Меня одного завезли в горисполком на комиссию по делам несовершеннолетних. Там стали обвинять меня в краже музыкальных инструментов из школы, в пьянках, хулиганстве, конокрадстве... Я, насколько мог, сдержанно отвечал им, что все эти обвинения безосновательны, а инструменты мы не крали, а взяли на время летних каникул, до начала учебного года. Мы сами на них играли в июле и считали, что ничего страшного в том нет, если мы их возьмем.

– Но вы ведь ни у кого не спросили, а мне ты наврал, что завуч разрешил. А когда вчера приехала милиция и спросили у меня, я показала, где вы собираетесь, – сказала мать.

– А что, я должен был сказать, что украл?

– Успокойся и давай продолжим, – сказал директор.

– За что меня сюда упрятали? – завелся я. – За то, что я сказал, что думал? Ах, молодой прокурорше не понравилось, что я посмел с ней спорить!

Я помню, что встала какая-то молоденькая и стала называть меня подонком, дармоедом, отбросом общества и даже врагом советской власти. Но чашу терпения мою переполнило то, что она затронула мою мать.

– Тебя не женщина рожала, а волчица! – вопила эта баба, а все кивали и смотрели на мою мать, которая сидела со мной рядом.

Тогда я ей и высказал, что думал:

– Ну ты, профура в мундире! Моли Бога, что ты сейчас за барьером. Я бы через него перевернул тебя раком и дал бы хорошего пинка...

– Дима! Дима, это же прокурор, – дернула меня за рукав мама.

– Да отвяжись ты со своим прокурором!

Прокурорша что-то визжала, но я ее уже не слушал. Я понял: попал!

Что они там дальше говорили, не знаю, так как вошли двое ментов и увели в машину, а через пятнадцать минут повезли в психбольницу. Под руки подняли на второй этаж, и первое, что я увидел, – две лысые беззубые здоровенные рожи, которые ржали и тыкали в меня пальцами. Эта сцена меня окончательно добила, и я повис на руках ментов совсем без сил, а в голове была одна мысль: неужели меня к ним?!

Меня затащили к дежурному врачу, усадили на стул. Врач измерил мне давление, посветил в глаза фонариком, постучал по коленке молоточком и велел медсестре сделать мне укол витамина. Та закатала мне рукав, уколола какой-то гадостью, после чего я почти сразу отключился. Больше ничего не помню. Проснулся на полу в холодной камере.

– Я что, так и буду там сидеть?

– Все зависит от тебя, я уже об этом говорил. А теперь мы с твоей мамой расскажем, что было дальше. Кроме витаминов, тебе было введено лекарство, которое чистит кровь и успокаивает нервную систему. Твоя мама была рядом и все видела, а так как она сама медик, то не позволила бы травить тебя гадостью, как ты выразился.

– Тогда почему я ничего не помню?

– Я же тебе объяснил: лекарство это не только чистит кровь, но и успокаивает нервную систему. Тебя же везли в детский приемник, а здесь, как ты сам видел, – дети, а детям в это время давно уже нужно

спать. Мы должны были быть уверены, что ты будешь вести себя спокойно.

– Борис Борисович, мне хоть и четырнадцать лет, но я многое понимаю. Кровь чистят через капельницу, и та доза, которую мне вкололи, раз в тридцать меньше той, которая нужна для минимальной очистки крови от алкоголя. Меня просто усыпили! Но я не собираюсь с вами спорить, я прошу лишь воспринимать меня как взрослого человека, а не ребенка.

– С ним невозможно разговаривать, – заплакала мать. – Я уже давно жалею, что с пяти лет заставляла его читать – вот и начитался.

– А вот это как раз то, что нам и нужно. Надеюсь, его знания помогут ему заботиться о младших?

– Из меня няньку хотите сделать?

– Значит, так. – Борис Борисович закурил. – Решением комиссии по делам несовершеннолетних и с согласия твоей мамы принято решение о направлении тебя в спецучилище. До тех пор пока не придет направление из Москвы, ты будешь находиться здесь. Если в течение 45 дней направление не придет, ты вернешься домой. Из дисциплинарной комнаты тебя переведут в первичную – там получше. Если будешь хорошо себя вести, тебя будут выпускать поиграть с другими детьми. Я сейчас уеду, а после обеда мы еще поговорим. Пока можешь поговорить с мамой. В вестибюле есть кресла, там вам будет удобно.

Мама вытащила из-за стола большую сумку, когда мы устроились в вестибюле. Она принялась разбирать сумку. Чего там только не было! Но самое главное – привезла мне переодеться. Я отложил вещи, мыло, пасту, щетку, немного конфет и яблок, а остальное отнес в столовую и попросил тетю Зою разделить на всех.

Мама сидела и тихо плакала, а когда я хотел что-то сказать, выложила пачку «Веги» и спички.

Мама знала, что я уже год курю, но чтобы вот так, самой купить мне сигареты... Я был в шоке. Я и по сей день, хотя мне уже тридцать восемь, никогда не курю дома и никогда не пил спиртного при маме.

Только я успел убрать за пазуху сигареты, как с улицы раздался звонок и вошли молодой парень и девушка.

– Извините, но сейчас не очень удобное время для свиданий.

Сергей – так звали парня – повел меня наверх и закрыл в первичную комнату. Комната была такая же, но в ней были две кровати и тумбочка, куда я сложил мыло-пасту и продукты, и залез на окошко покурить. А так как на окошке можно было только лежать, то я и ле-

жал, курил, смотрел на дома вдалеке. Я думал о маме, о том, сколько она уже перенесла со мной за мои четырнадцать лет. Еще думал о том, что забыл попросить, чтобы она привезла мне книг. С пяти лет мама заставляла меня учиться читать, и к тому времени, когда я пошел в школу, я уже свободно читал и писал. Как я ненавидел тогда эти буквари и азбуки: я их прятал, сжигал в титане, но, претерпев очередную экзекуцию скакалкой, садился читать вновь.

В десять лет я уже не мог жить без книг – читал все подряд, и теперь уже маме приходилось лупить меня за то, что я читал под одеялом при свете фонарика.

А еще я вспоминал Светку. Светка – это моя девчонка, с которой я познакомился в летнем кинотеатре. Ее с собой привели девчонки с нашего двора, и мы сидели с ней рядом на последнем ряду. Когда на экране стали целоваться, я, сам того не сознавая, повалил Светку с лавки на траву и стал жадно целовать ее в губы. После этого я не видел Светку дня три, да и не вспоминал о ней. И вот на третий день вечером, когда мы сидели на теннисном столе и пели песни под гитару, к нам подошла незнакомая девчонка и сказала, что меня ждут за углом дома.

Там на лавочке сидела какая-то девчонка.

– Со Светой ты уже знаком, а я Лена, – представилась моя провожатая. – Света хочет, чтобы ты был ее парнем. Ты ей очень нравишься. В общем, сами разбирайтесь, а я пойду.

Светка молча смотрела на меня, а я – на нее. Нужно сказать, что в тот вечер в кино я даже не разглядел ее – было темно, а потом мы как-то потерялись.

– Помнится, ты был смелее, а сейчас смотришь как на привидение!

Мне стало так неловко, что я не нашелся и не сказал ни слова в ответ. Молча подошел, сел рядом.

Мы почти всю ночь гуляли по парку и непрерывно целовались.

С тех пор мы четыре месяца были вместе и узнали друг друга полностью, но вот секса Светка боялась, да и сам я, видимо, не созрел еще...

Так я и лежал на этой узкой решетке, курил, вспоминал и вдруг услышал снизу девичьи голоса, и голоса эти показались мне знакомыми.

– Надо покричать, и кто-нибудь выглянет...

Ну, конечно! Это же Светка! Как она меня нашла?

– Света, я здесь, наверху! – закричал я.

И только я ее увидел, как открылась дверь.

– Нарушаем? – Это был Сергей. – Пошли, директор зовет.

Я спрыгнул с решетки и молча пошел за ним. Сергей спросил:

– Бегать умеешь?

– Умею.

– И быстро?

– Вполне.

– От меня убежишь?

– А зачем мне от тебя бегать?

Ответить он не успел, так как мы уже подошли к кабинету директора.

Когда мы вошли, директор не предложил нам сесть. Понятно, что-то случилось – он был явно озабочен.

– Бери его с собой. – Это он про меня. – Машина уже ждет. А Иванычу еще жену с дачи забирать.

– Пошли.

Сергей взял меня за плечо и повел к выходу.

– Не подведи меня, Дима, – услышал я голос директора уже в коридоре.

Я шел за Сергеем молча, хотя ничего не понимал. Сами объяснят... Мы поднялись на второй этаж в игровую комнату, где было два мальчика и три девочки лет четырех-пяти.

– Вот бери их и веди вниз, а я вас догоню, – то ли приказал, то ли попросил Сергей, и я опять не стал ничего спрашивать. Взял двух самых маленьких девчушек на руки и пошел по лестнице, а все остальные сами шли за мной. Спустились в вестибюль, где нас ждал Иваныч (водитель директора) и какая-то женщина, которая, взглянув на меня, спросила:

– А не сбежит?

– Не сбежит.

Это подошел Сергей с кучей бумаг в руках.

– Ну, раз так, давай грузиться, дорога дальняя.

Иваныч открыл дверь на улицу, и я увидел Светку и мою соседку Таню. Иваныч взял двух пацанов на руки и понес к машине, я – следом за ним с девочками. Сергей хотел взять на руки оставшуюся девочку, но ее взяла женщина, а ему сказала, чтобы шел рядом со мной – а вдруг я побегу?!

– Да не бойся, Сергеевна, я уже сказал, что не побежит, у него вот два тормоза за дверью стоят.

Сергей, смеясь, подошел к Светке и что-то шепнул ей на ухо. Она страшно покраснела и начала что-то бурно объяснять Тане. В это время я подсаживал в «газик» вторую девчушку и надеялся потом подойти к Светке, но Сергей разочаровал меня. Он везде успевал и все делал как настоящий профессионал. Несмотря на свои двадцать лет, он уже два года работал эвакуатором и имел достаточный опыт. Эвакуатор –

это человек, который сопровождает детей в детские дома, интернаты, спецшколы и спецучилища. Дети, случается, убегают, и эвакуаторам приходится быть все время начеку и пускаться на разные хитрости, чтобы избежать неприятностей, – могут лишиться премии, а могут и уволить.

– Садись в машину, по дороге все расскажу, а когда вернемся, тебя будет ждать большой сюрприз, – сказал он и подтолкнул меня к дверце «ГАЗ-69».

– Не надо меня толкать. И дай я хоть пару слов скажу Светке.

– Светка никуда не денется, а у нас совсем нет времени. И не злись, я не хотел тебя обидеть. И не забывай про сюрприз. А теперь поехали.

Только мы сели, как Иваныч тронул машину. Пока мы выезжали с территории детприемника, я смотрел на Светку через заднее стекло машины, а она улыбалась, и махала мне рукой, и вообще казалась очень счастливой.

Дорога нам предстояла действительно трудная и долгая. Когда выехали за город, Сергей объяснил, что мы возем детей в детский дом, который находится в поселке Правда, до которого ехать километров сто пятьдесят через Холмский перевал. Не очень приятное путешествие по разбитой пыльной дороге, да еще дважды – через перевал. А дело в том, что Марина – та девушка, которую я видел с Сергеем, когда сидел вместе с мамой в вестибюле, – тоже эвакуатор, но она дежурила в эту ночь, и директор предложил Сергею взять меня в помощь вместо Марины.

Не знаю, почему они были уверены, что я не убегу, но убежать я действительно не собирался, к тому же мне было интересно, что за сюрприз для меня приготовлен. Оказалось, Сергей сказал Светке, что мы вернемся часов в десять-одиннадцать вечера, и велел ей меня ждать. Потому она так и сияла, когда мы уезжали. Конечно, после такого известия я и не думал никуда убежать.

До поселка Правда мы доехали часа за три, и всю дорогу у меня на руках спали две девчушки – Леночка и Ксюша. Леночке было четыре года, Ксюше – пять. Их родителей лишили родительских прав, и детей направили в детдом. А у Ксюши еще и отца, и мать посадили за убийство соседки, которая не дала им три рубля на вино для опохмелки. Трем другим детям было по шесть лет, и они лучше переносили дорогу.

В «газике» было уже полно пыли, его кидало из стороны в сторону, из колдобины в колдобину. Дороги в семидесятых были не просто плохие... Японцы говорили, что их у нас вообще нет.

Тем не менее мы добрались до места. Сергей передал детей в детский дом, и в семь часов вечера мы выехали в обратный путь. В Холмске на полчаса остановились перекусить. До перевала молчали. На перевале снова сделали остановку. Сергей достал три бутылки пива и полбатона молочной колбасы, а Иваныч – бутылку водки и вареную курицу. Все это они разложили на капоте «газона», а я сидел на заднем сиденье пыльного салона и думал о Светке.

– Техталон у меня один (Иваныч имел в виду стакан), а потому по очереди и старшинству.

И стал наливать водку.

– А Димка где?

– Эй, мужик, иди сюда. Водки я тебе, конечно, не дам, а вот пивка, думаю, можно.

Иваныч выпил, оторвал от курицы крыло и налил Сергею. Я не стал стесняться – вышел из машины, взял с капота бутылку пива, открыл ее о другую, оторвал у курицы ногу, сел тут же на траву и стал есть, не обращая особого внимания на Иваныча и Сергея.

Когда они выпили по третьей, Иваныч вспомнил про меня.

– А ничего будет мужик, – сказал он то ли мне, то ли Сергею. – Жаль, что в колонию придется везти такого, я бы пожалел...

– Поехали, Иваныч. – Сергей собирал недоеденное в газету. – Нам еще два часа пылить.

Тронувшись, мы все закурили, но чувствовалось какое-то напряжение. Я невольно его разрядил:

– Иваныч, а куда меня повезут?

После пива я повеселел. Иваныч начал юлить: не знаю, дескать, все решает Москва, а может, никуда не повезут...

– Может, – подтвердил Сергей, – если за сорок пять суток путевка не придет.

– Лишь бы не в «Известки», – пробурчал Иваныч, объезжая очередную яму.

– Да не каркай ты, – откликнулся Сергей.

– А что это за «Известки» такие? – поинтересовался я, но Сергей перевел разговор на другое.

– Девчонка у тебя красивая...

– Светка? Да! – мечтательно воскликнул я.

Но загадочные «Известки» не давали мне покоя. Я вспомнил надписи на стенах. Почему Иваныч с Сергеем стараются избежать этой темы? И только я решил вновь задать интересующий меня вопрос, как мы въехали в Пятиречье. Иваныч резко тормознул у сельпо.

Пока Иваныч ходил в сельпо, Сергей снова заговорил о Светке.

– Ты бы лучше рассказал мне про эти «Известки», – попросил я.

– Вообще это спецучилище, но по сути ничем не отличается от колонии. Это все, что я знаю. А вот и Иваныч, – переключился Сергей.

– Иваныч, нагруженный бутылками и свертками, подходил к машине.

– Я тут взял немного нам и жене, чтоб не сильно лаялась, – объяснил Иваныч. – Тормознем в Огоньках у родника, а сейчас по пивку и в путь.

– Ты, Димка, как? Еще спать не хочешь? А то вот глотни бутылочку и покемарь пока. – И Иваныч протянул мне пиво.

Я пить не стал, положил бутылку под голову, свернулся калачиком и незаметно для себя уснул.

– Эй, пора вставать!

Я открыл глаза и увидел, что мы стоим у ворот детприемника, а на улице уже ночь. Светки нигде не было видно, и мне стало грустно, то ли потому, что меня не разбудили в Огоньках, то ли потому, что она меня не дождалась. По виду Сергея было понятно, что на остановке он приложился к стакану, и не раз. И мне вспомнилось, как говорил отец: «Напиться и не видеть этого бардака и всех вас».

– Пусть Иваныч едет, а мы пойдем поговорим, – сказал Сергей и вышел из машины.

– Ну, бывай. – Иваныч протянул мне руку и, задержав мою в своей, сказал: – Не хочу, чтоб тебя увезли...

– Да что с вами, Иваныч? Не убьют же меня там?

– Если бы только это, – вздохнул он. – Там ведь вас ломают, вы уже нечеловеки становитесь. Видел я тех, кто приходил оттуда...

Иваныч завел «газон», а я пошел к детприемнику.

Там я увидел Сергея, Светку и Марину, вместо которой я ездил. Они втроем выходили из столовой, и Светка тут же повисла на мне.

– Я уже думала, что вы сегодня не приедете!

На кухне нас ждала большая сковорода жареной картошки с мясом, брусничный пирог и два куска арбуза, который принесла мне мама, пока нас не было.

Пока Марина со Светкой накрывали на стол, Сергей повел меня в душевую, чтобы помыть руки, а на самом деле у него там была спрятана бутылка водки.

– Давай быстренько по стаканчику, а потом поедим и поговорим.

– Стакан я не выпью, – сказал я, так как к тому времени пил водку всего один раз и она мне не понравилась.

– Тогда наливай себе сам. – Сергей сунул мне бутылку и влил в себя стакан водки, которую проглотил одним глотком.

Я налил себе половину и долго цедил сквозь зубы.

– Ну все, пошли, а то Марина чего заподозрит.

И тут действительно раздался ее голос:

– Где вы там ходите? Все ж остынет!

Она шла к нам. Мы успели все убрать и уже выходили ей навстречу.

– Идем мы, не шуми.

Сергей тут же полез к Марине целоваться и схлопотал шуточную пощечину.

– Не при детях!

Марина, смеясь, обняла меня, и мы, как хорошие друзья, пошли в столовую, где Светка одна сидела за столом. Ужинать она отказалась, а вот арбуз весь съела сама.

Пока мы ели, я ближе узнал Марину и Сергея. Сергей жил рядом с приемником, через дорогу. Был он таким же, как и я, хулиганом, но с возрастом надо было устраиваться на работу, а это была совсем даже не пыльная работенка. Устроила его в приемник соседка, которая была здесь вторым поваром. В армию его не взяли из-за дистрофии почки, но, насколько это было правдой, я не знаю.

Марина приехала на Сахалин из-под Риги. Муж у нее был военным, его перевели на Сахалин. Это был ее третий переезд, и последний. Через год после переезда Марина развелась с мужем, поступила в пединститут и жила с четырехлетним сыном в общежитии при институте. На стипендию долго не протянешь, она перевелась на заочный и устроилась в детприемник дежурным воспитателем, а иногда для подработки отвозила детишек в детские дома. Марина была добрая, отзывчивая и очень-очень красивая. Со временем мы с ней очень подружились.

В тот день Марина должна была вместе с Сергеем везти детей, но случилось так, что ночной дежурный заболел, Марине пришлось его подменить, а Борисыч решил сразу же проверить меня на прочность – предложил Сергею взять меня вместо Марины. И за эту поездку я заработал деньги для Марины, а заодно и доверие администрации. Меня перевели в обычную палату, там со мной был семилетний Женька, который сбежал из интерната. Он только и ждал, когда его повезут обратно, чтобы по дороге опять сбежать. Женькин отец убил по пьянке жену, Женькину мать, получил пятнадцать лет. Из интерната Женька сбежал уже второй раз.

Но это все я узнал только наутро, а ночь я провел со Светкой в первичной комнате. Мы все говорили, целовались, Светка каждые полчаса бегала в туалет после арбуза, и самого интересного (и желанного) у нас не получилось. А как мне хотелось... А в шесть часов пришла Марина и сказала, что наша малина кончилась, так как сейчас придут по-

вара и они не должны видеть Светку. Сергей увез ее на мотоцикле домой, а я остался с Мариной ждать смену. Мы проговорили до завтрака, и я понял, что мы станем хорошими друзьями.

Сводив детей на завтрак, я лег спать, а Марина стала заполнять журнал, куда заносились сведения о том, как прошла смена.

– Эй, Морачевский, пора просыпаться!

Кто-то тряс меня за плечо. Я, еще не отойдя от сна, подскочил. Это был однорукий мужик, но в хорошем костюме и галстуке.

– Меня зовут Олег Викторович, – назвалса однорукий. – А тебя ждет директор. Потом поспишь...

С директором мы проговорили целый час, а так как я проспал до одиннадцати, то получилось, что до самого обеда. Борисыч сказал, что теперь я буду жить, как все, в палате, но закрывать меня не будут даже на ночь. Он разрешил мне посещения знакомых в любое время, кроме ночного, а за все это я, по его просьбе, должен был помогать присматривать за детьми.

В приемнике я провел 29 дней, и это, наверное, были лучшие дни за последние пару лет. Я просто отдыхал и наслаждался жизнью.

Светка с Мариной договорились, что в ее ночные смены Светка будет приходить ко мне.

И уже на следующее утро в день заступила на смену Марина. После обеда приехала мама. Она, как всегда, навезла кучу продуктов и сладостей. Половину я тут же положил на стол, и дети облепили его, мы с мамой и Мариной наблюдали эту сцену, сидя в беседке. Мне было жаль этих детишек, многие из которых впервые пробовали такие вкусности.

Только мама уехала, явилась Светка. Она привезли пять жареных кур и большой термос с пельменями.

– Вы с ума сошли, – смеялась Марина. – Думаете, он здесь с голоду умирает?

После часовой прогулки Марина повела детей на дневной сон, а мы ушли в другую часть двора, где был сад – смородина, крыжовник, клубника, яблони. Повара варили нам из всего этого компот.

Мы улеглись в тени яблони, и Светка тут же оказалась в моих объятиях.

Светка была горячая, ее всю трясло, и время от времени она шептала:

– Завтра, завтра...

Ночью я почти не спал, а весь следующий день ходил как лунатик и лишь после ужина смог поспать часа три. Но вместо Марины пришел Сергей. Он сказал, что Марина задержится и просила меня подождать.

Я ответил, что жду Светку, а Сергей сообщил мне, что задержатся они обе, но и мы не будем скучать – сейчас уложим детей, потом сходим в душ, а там...

Там у него была, как он выразился, дежурная бутылка вина.

Когда мы допивали вино, я снова задал мучивший меня вопрос про «Известки».

– Ну, ты сам напросился. Одним словом, это самая плохая из всех колоний. Оттуда постоянно бегут и не хотят возвращаться, потому что их там бьют. Да и сказать «бьют» значит ничего не сказать. Над пацанами там вытворяют такое, что можно сравнить с концлагерьями у немцев во время войны. В общем, – подвел он итог, – тебе туда лучше не попадать. Ну все, пошли, сейчас уже наши придут.

И действительно, только мы вышли из душевой, как услышали настоящий звонок.

– Ну, что я тебе говорила?! Утащил Димку в душ и напоил...

Марина была очень красивая, а Светка – такая, что я готов был пыль с нее сдувать...

– Все, забирай Свету, стаканы и сок. И чтоб я до утра вас не видела. Первичка открыта...

Еще две недели пролетели словно сказка; но, как все хорошее, кончилась и моя счастливая жизнь. Однажды утром меня разбудил безрукий и попросил срочно зайти к нему в воспитательскую. Я быстро оделся и пошел к нему – видно было, что он сильно чем-то озабочен. Сергей Иванович налил мне кружку кофе, пододвинул сахар и две «ром-бабы».

– У меня к тебе большая просьба. Пока ты ешь, я тебе ее изложу. Скоро завтрак, смена еще не пришла, и я один, а ночью привезли парня, который убежал из Известкового и умудрился как-то добраться до Сахалина. Одним словом, он очень опасен, и за ним нужно постоянно следить, чтобы он не убежал. Я сейчас поведу детей на завтрак, а тебя закрою к нему в дисциплинарку. Посидишь, пока дети позавтракают, приглядишь за ним. Его в обед должны увезти в аэропорт.

Особенного в его просьбе ничего не было, и я не возражал. К тому же я надеялся подробнее разузнать, что это за «Известки»...

В камере кто-то лежал, закрывшись с головой. Только дверь закрылась за мной, он откинул одеяло – это был здоровенный парень, на голову выше меня, с сильно развитыми бицепсами.

– Я Капа, а ты кто?

– Я – Марата, – представился я. – Это правда, что ты из «Известок» сбежал?

– Да, я уже четвертый раз убегаю. Два раза – из этого приемника, а два – из самих «Известок». В этот раз удалось даже до дома добраться на пароме – зарылся в уголь. Первый раз не удалось, поймали меня в Хабаровске, когда с товарняка спрыгивал. Нарвался на обходчиков – сдали. Не хочу назад, все равно убегу. Не отсюда, так когда повезут.

– Неужели там нельзя ужиться?

– Ха! Ужиться можно. Но как? Если у тебя нет «кирюх» (в смысле земляков), которые тебя «поднимут» и «подогреют», то я тебе не завидую. Там все через кулак – место за столом, место в строю, место в спальной секции. Не будешь врубаться и «замочишь рога» – «заминируют» или «опустят».

– Как это опустят?

– Вот ты уже и не врубаешься, – засмеялся Капа.

– Ты бы не ржал, а рассказал, во что и как я должен врубаться и что значит «мочить рога».

– А ты ничего, дерзкий, но там это может только погубить. Опустят – значит отпорют, в смысле изнасилуют. Хотя насиловать не будут – западло... Будут бить, пока сам не дашь, а вздумаешь отмахаться, вообще на «пику» посадят. Но если стучаешься (в смысле дерешься) хорошо, уважать будут, но стучаться часто придется – раз проиграешь, потеряешь уважение, и начнутся придирки.

– А ты случайно сам – не опущенный? – как бы невзначай спросил я.

– Да я тебе сейчас «чичи» загашу, – заорал Капа и попытался средним и указательным пальцем ткнуть мне в глаза. Я был готов и, перехватив пальцы, взял их на излом. У меня была знакомая девчонка, которая занималась самбо с третьего класса, и нам с пацанами часто доставалось от нее, хотя и самой перепало не раз. В общем, научила она меня некоторым приемам самообороны и такому в том числе.

– Все, сдаюсь.

У Капы аж слезы выступили на глазах.

– А ты не дергайся и не смотри, что худой и кашляю...

– Ладно, но за такие слова и на «пику» попасть можно. –И он вытащил заточенный черенок от ложки. – Не ссы – это я стену ковыряю, чтобы убежать, – сказал он.

И я вспомнил, что его в обед должны везти в аэропорт, значит – снова в «Известки». Я знал, что подведу Иваныча, но и промолчать не мог – и жалко было Капу, и ведь мы могли еще встретиться, он бы мне тогда вспомнил, что я его не предупредил. Вот тогда бы точно опустили или на пикку посадили.

– Слушай, а тебе много еще ковырять эту стену?

– А что?

– Да безрукий сказал, что в обед тебя повезут в аэропорт.

– Хорошо, что предупредил, а то я хотел ночи дожждаться.

И Капа стал отодвигать кровать от стены, вынул один шлакоблок, второй выбил наружу.

– Все, я полез, если хочешь, давай со мной.

– Нет, ты лучше ударь меня, чтоб синяк был, – попросил я. – Ударь-ударь и не тяни, сейчас с завтрака придут. Ты подумай, что я-то скажу? А так будет видно, что не мог с тобой справиться, – понял?

И в этот миг я получил такой удар в глаз, что потерял сознание. Когда я пришел в себя, надо мной стоял безрукий. А Капа убежал.

– Что здесь случилось? Что я скажу директору? Меня точно уволят, – причитал и причитал Иваныч.

Я пошел в умывальник, умылся и осмотрел себя – да, видок был тот еще, глаз полностью заплыл, да и на затылке была огромная шишка – это я ударился об стену, когда падал. Удар у Капы был хороший, не зря мускулы нарастил. Интересно, а в драке я смог бы с ним справиться? Узнать это мне было суждено через полгода, а пока я завалился на свою койку и уснул. Но поспать мне не дали, так как пришла медсестра и стала меня осматривать и ощупывать.

– Тут болит? Там болит?

Я только мычал в ответ и показывал, что у меня очень болит голова и я хочу лечь. И вдруг меня вырвало прямо на нее. У меня было сотрясение, видимо, я сильно долбанулся о стену.

До обеда меня оставили в покое, и я смог поспать. Обед мне принесли прямо в палату, но есть я не стал – чувствовал себя очень плохо. Хотел снова уснуть, но пришли мама, директор и какой-то толстый мужик. Мама стала выкладывать продукты в тумбочку и, плача, все твердила, что я не помру своей смертью.

Толстый мужик оказался следователем из прокуратуры. Он задавал вопросы о том, как все произошло, но я сказал, что ничего не понял, все произошло очень быстро. Мы сидели и разговаривали, потом – удар, и больше я ничего не помню. Следователь с Борисычем хотели, чтобы я написал заявление на Капу, но я отказался. Пожаловался маме, что меня снова тошнит и побежал в умывальную. Правда, сказать «побежал» слишком сильно будет – еле доплелся по стенке, ужасно болела голова. Когда я вернулся в палату, там был только Пашка.

– Следак уговаривал твою мать, чтобы она уговорила тебя написать заявление, но мать просила не давить на тебя, потому что это бесполезно: если ты сам не захочешь, тебя не заставишь. Тогда он сказал,

что мать сама должна написать вместо тебя, так как ты еще несовершеннолетний, и они ушли.

Я завалился на койку, сказал Пашке, чтобы разделил на всех детей то, что принесла мама, и попытался уснуть. Но не тут-то было... Мысль о том, что мама напишет заявку и все будут считать меня стукачом, угнетала меня, и так я промаялся до полдника. Пашка сам принес мне полдник – печенье и молоко. Я выпил полстакана и почувствовал, что сейчас меня снова вырвет. Отдал Пашке – у него всегда был зверский аппетит. Пришла Светка, но увидеться нам не разрешили. Мы минут десять поговорили через окно, но я не мог долго стоять...

Еще две недели я должен был провести в приемнике. Я уже упоминал, что если бы за сорок пять суток из Москвы не пришла путевка-распределение, то меня бы выпустили.

Дни шли однообразно, меня никуда не выпускали, единственное, что разрешили, – свободное перемещение по жилому этажу в то время, когда других детей запирали в палатах. Каждый день приезжали мама и Светка. С мамой я мог разговаривать в вестибюле первого этажа, а вот со Светкой видаться не разрешали, и мы по часу разговаривали через окно. Меня даже на прогулку не выводили. Потом я узнал: из-за того, что я отказался писать заявление на Капу. Мама тоже писать не стала – она вообще всех жалела...

На тридцать девятый день вечером пришел Сергей и сказал, что через час придет машина и он повезет меня и еще одного пацана в Шуштолепское спецучилище.

– Надеюсь, от меня ты не побежишь?

Я был настолько ошарашен этим известием, что не мог сказать ни слова. Каких-то пять дней, и все – я был бы свободен. Как мы ждали со Светкой этого дня... А теперь я даже не смогу сказать ей «до свидания».

– Ты пока собирайся, а я спущусь вниз за документами. Сергей ушел, а я так и сидел на кровати, тупо глядя в пол.

Прибежал из телевизионки Пашка и, видя мое состояние, сел напротив, но тут же вскочил и стал рыться в тумбочке.

– Вот, возьми на память. – И протянул мне шерстяные носки. – Это еще бабушка вязала.

Он так надеялся, что я возьму его подарок, что я не смог отказаться. Пашка был очень добрый мальчишка и все время приносил мне разную ерунду: значки, зубную щетку, носовой платок...

Носки я взял, но решил пойти на хитрость: вытряхнул сумку и протянул ему свои, что привезла мне мама. Оказывается, она знала, что

меня сегодня повезут, но ничего мне не сказала, когда приходила днем и принесла эту сумку с вещами. Я еще спросил у нее, зачем мне теплые вещи летом, но она как-то неопределенно ответила, мол, пригодятся, мало ли что... И вот это «мало ли что» настало.

Пришел Сергей.

– Ну, пошли, сейчас машина придет, а там тебя ждут внизу.

На первом этаже меня ждал сюрприз: Светка сидела в кресле, и не успел я сделать к ней и шага, как она с ревом кинулась ко мне и повисла у меня на шее.

– Димочка, милый, Марина позвонила и сказала, что тебя увозят. Я все бросила и к тебе.

На нас смотрел милиционер и ехидно улыбался:

– Этого, что ли, повезем?

Светка перестала реветь и сильно вцепилась в меня руками.

Глядя на этого ехидного милиционера, я решил, что обязательно убегу, и посмотрим, какая у него тогда будет рожа.

– Меня повезешь, козел. Только смотри лучше, с твоим брюхом меня не догонишь.

Это была моя ошибка, так как на меня надели наручники и усадили в «уазик», где уже сидел какой-то парень. Светка хотела передать что-то в пакете, но этот козел грубо оттолкнул ее, и она упала на газон.

– Не положено.

– Ты что, гнида толстая?!

Чем бы это кончилось, не знаю. Из машины вылез второй мент.

– Чего смотришь на него? Давай выведем и посмотрим на этого героя!

Он стал уже открывать дверь, но тут прибежал Сергей.

– Все, поехали.

– Эй, подождите! – От калитки бежала Марина. – Думала, не успею.

И тут же кинулась к Светке, которая размазывала грязь по зареванному лицу.

– Сергей, что случилось? Где Димка?

– Нормально, Марина, – крикнул я из машины. – Прорвемся!

– Ну, нет, это вам так не сойдет, – ткнула она пальцем в сторону ментов. – А ты где был? – накинулась она на Сергея.

Марина увела Светку на улицу – там стояло такси. Они поехали за нами.

Всю дорогу до аэропорта никто не сказал ни слова, лишь парнишка хотел было заговорить со мной, но я не ответил.

Руки мои распухли от туго затянутых наручников, но я не обращал на это внимания, думал о Светке и маме. Ну почему все хорошее так быстро кончается? Еще недавно я был самым счастливым человеком, пусть и в детприемнике. Но там я впервые обрел любовь и вновь обрел маму.

Мама была до мозга костей коммунист сталинский, она не могла себе представить, что сын ее будет красть из гаражей и сараев продукты – варенья-соленья. И не потому, что был голоден, а чтобы как-то выделиться.

Ехал я и вспоминал всю свою короткую жизнь, а еще думал: хорошо хоть не в «Известки» везут.

О том, чтобы убежать, я уже не думал – это была просто вспышка гнева, реакция на толстого «мусора». Я бы не смог подвести Сергея.

К моему удивлению, в аэропорту с меня сняли наручники и позволили ходить куда хочу, правда, за мной постоянно ходил милиционер-водитель. Я не мог усидеть на месте и до самой посадки так и ходил со Светкой по аэропорту. Светка была очень расстроена из-за нашего расставания и почти ничего не говорила, я же говорил беспрерывно...

Перед регистрацией Марина позвала нас и сказала, чтобы я особо не расстраивался, что через полтора года уже точно буду дома и так далее. Обычные слова, которые говорят, когда нечего сказать. Сергей молчал, но было видно, что он собран, как пружина. Он протянул мне пакет:

– Это мама твоя и Светка собрали тебе поесть в дорогу, и еще мама твоя передала сто рублей, но я их тебе не дам. Говори, что купить, – я куплю.

Я подошел к нему и сказал:

– Не бойся, я не побегу.

Я не слышал, что говорит мне мой попутчик, что говорит Сергей. Я уткнулся лбом в иллюминатор, смотрел на огни родного города под крылом самолета и пытался собраться с мыслями, но вновь и вновь перескакивал с одного на другое.

– На, Димка, это мама передала тебе, чтобы в самолете не укачивало, – сказал Сергей. Слово «мама» выдернуло меня из мысленной мешанины, я обернулся и увидел, что Сергей протягивает мне две какие-то таблетки. Мама знала, что я тяжело переносу самолет и поэтому вполне могла передать лекарство. Я, не задумываясь, проглотил его и снова уставился в иллюминатор.

– Ты не против, я и Ване дам, чтобы его не укачивало?

Я не ответил. Значит, этого парня зовут Ваня. Да мне-то какая разница? Меня увозили неизвестно куда от родного города, мамы, Светки,

друзей, и такие мелочи меня совершенно не волновали. Что меня ждет? Как вести себя при первой встрече? Я помнил все до единого слова из рассказа Капы про «Известки» и не раз пытался ставить себя на место тех, про кого он рассказывал. Как бы повел себя я? Я пытался понять тех, кого били и унижали, но каждый раз приходил к выводу, что только их слабость или трусость позволяли другим так обращаться с ними. И вдруг я вспомнил слова Шайбы, который был «королем» в нашем дворе: «Ездят на тех, кто везет». И мне все стало ясно и легко. Я все понял и все решил: на себе я никого не повезу, а убить ведь не убьют...

Я и не заметил, как пролетел час, и вот мы уже катим по посадочной полосе хабаровского аэропорта. Обернувшись, я увидел Сергея, который сидел с краю и читал журнал. Ваня спал в среднем кресле.

– Ну что, выспался? – спросил Сергей, и тут я ощутил слабость во всем теле и понял, что страшно хочу спать.

– Я не спал. Всякие мысли в голову лезут.

– Ничего, в поезде выпишься, – заметил Сергей и стал готовиться к выходу. – Давай буди Ваньку.

Но Ванька уже проснулся и тарачил на меня свои косые глаза.

– Мы что, уже прилетели?

– Вань, а ты действительно косой или только когда просыпаешься? – спросил я шутя.

– Я не косой, но глаза открыть не могу, хоть и проснулся. Вялость какая-то...

– Сергей, я и сам какой-то вареный и спать хочу. Может, мы простыли?

– Да нет, это на вас так самолет подействовал. Сейчас выйдем на воздух, и все пройдет, – успокоил он нас.

На улице я действительно почувствовал себя лучше, хотя голова немного кружилась и сонливость не проходила. Ванька же еле тащился за нами, а в здании аэропорта сразу же плюхнулся в кресло и задремал.

Я бы сделал то же самое, но тут увидел мороженицу, которую катила толстая баба, и очень захотел мороженого. Во-первых, я много слышал, что в Хабаровске мороженое лучше, чем у нас, а во-вторых, во рту у меня страшно пересохло. «Я все же заболел», – подумал я и попросил Сергея дать мне на мороженое из тех денег, что передала мама.

Мороженое мы ели в ментовском «УАЗе», который ждал нас у здания аэропорта. Хорошо, наручники не надели, да и вообще казалось, что хабаровских ментов эта перевозка нисколько не волнует. Они выгрузили нас у здания железнодорожного вокзала и уехали. Хочу заметить, что мороженое оказалось ничуть не лучше нашего.

К моему удивлению, на вокзале мы были предоставлены самим себе. Сергей оставил нас сидеть возле группы солдат-новобранцев, а сам пошел за билетами. Солдаты под аккомпанемент двух гитар пели «На позицию девушка провожала бойца» и были явно навеселе. Ванька все никак не мог побороть сон и снова задремал, а я невольно начал подпевать новобранцам.

– Эй, парнишка, подсаживайся к нам, – окликнул меня сержант, который сидел у меня за спиной и, услышав, что я подпеваю, решил позвать в компанию. Я не стал ломаться, тут же пересел на их сторону и попросил дать мне гитару.

– Так он еще и играет! Ну-ка, налейте ему винца, – отдал приказ сержант.

У меня в руках оказалась гитара и полстакана вина «Кавказ».

– Пей, потом споешь.

Я одним махом проглотил вино и протянул стакан:

– Еще!

– Эй, вы пацана-то мне не спаивайте, а то нам еще далеко ехать.

Новобранцам объявили посадку, явился их старший лейтенант, и они пошли.

Сержант обнял меня и пошел было, но вдруг остановился и полез в карман.

– На, держи на память. – И протянул мне перочинный нож с двумя лезвиями, вилкой, штопором и шилом. – Если пригодится, вспомни меня, – сказал он и побежал догонять своих.

Вернулся из буфета Сергей с большим пакетом пирожков, банкой яблочного сока и бутылкой вина.

– Раз солдаты уже уехали, то вино оставим на поезд. – И убрал бутылку в пакет с курицей. – Сходи, Димка, купи пива по бутылочке, пирожков с рыбой какой-нибудь...

Пиво оказалось теплым и кислым, но я все равно съел четыре пирожка с треской и яйцом – та еще гадость – и выпил полбутылки пойла. Мне и до сих пор кажется, что лучше «Жигулевского» нашего разлива пива не бывает. Хотя о вкусах не спорят.

В поезд мы сели в восемь тридцать утра. Я раньше никогда не ездил в материковых вагонах, да еще в плацкартных. Как бы сказала моя бабка – «кошмар и с боку бантик».

Целый час ехали, сидя на самом краю жесткой лавки, обитой рас-трепанном дерматином. Вагон был набит до отказа, по проходу беспрестанно кто-то ходил, и меня постоянно толкали в плечо. Сколько можно терпеть? С каждым толчком волна бешенства била меня по моз-

гам. Я уже готов был сорвать злость на следующем, кто меня бы задел, но в этот самый миг поезд остановился, и двое мужиков, которые сидели у окна, стали выходить. Как только первый мужик поднялся, но еще не успел сделать и шагу к выходу, я уже сидел на его месте.

– Сергей! Ваня! Здесь два места освобождаются. Идите сюда, потеснимся.

– Ну и наглец, – начала было баба лет сорока, которая сидела рядом со мной и никак не могла осознать, что ее мечта занять место у окна не сбылась.

Сергей с Ваней пересели, и я понял, что Сергей одобряет мой поступок. Если честно, наплевать мне было на его мнение. Не ехать же мне на проходе трое суток! Я бы точно кинулся на кого-нибудь. И чтобы разрядить обстановку и чтобы все поняли, что места эти – наши, я спросил:

– А не поесть ли нам? Где там наша курица? Доставай, Сергей, всем по курице.

Когда мы разложили еду и выставили бутылку вина, произошла заминка – у нас не оказалось стаканов.

– Мамаша, у вас не найдется стаканчика случайно? – обратился я к своей соседке, которая все бубнила себе что-то под нос. – Да и сами к нам присоединяйтесь, – добавил я самым доброжелательным тоном.

– Сейчас, сыночки, сейчас посмотрю...

И полезла в свой баул, стала выставлять на стол банки с огурцами, с грибами, с еще горячей картошкой с укропом, лук зеленый, помидоры и в довершение водрузила на стол литровую бутылку с домашним вином из рябины.

– Угощайтесь, сыночки!

– Ну, мамаша, а я-то думал, что мы всю дорогу дуться будем, – развеселился Сергей, обводя руками заставленный едой стол, на котором совсем не оставалось свободного места...

А стакана так и не было.

– Мамаша, я же стаканчик попросил, – сделал я удивленное лицо, и все сидевшие рядом рассмеялись, а тетка громче всех. Отсмеявшись, вытерев глаза платком, она снова полезла в баул и вытащила четыре пластмассовых стаканчика. Я ненароком глянул в этот баул и аж приревновал – чего там только не было!

– Мать, ты куда это собралась с таким пищеблоком? Тут же на роту солдат хватит.

– Да к сыну я еду, на свиданку.

И все сразу замолчали. Я взглянул на Сергея и увидел, что он чем-то обеспокоен. И надо сказать – не зря. Я представляю, что бы сказа-

ли наши попутчики, если бы Сергей сказал им, что везет нас в колонию. Для них слово «спеучилище» – пустой звук, «колония» – привычной. А тут еще Ваня решил подать голос:

– А мы тоже...

Я перебил его на полуслове:

– Мы тоже на свидании были, а потом девчата нас до поезда провожали. Ну все, я наливаю. – И стал разливать домашнее вино.

Сначала выпили мы четвером – я, Сергей, Ваня и наша попутчица, а потом и остальные трое – парень с девкой и старичок. Немного закусили, и я налил еще. После второй Ваня снова стал клевать носом и вскоре уже спал, привалившись к плечу Сергея.

– Уморился, – констатировал старичок. – Крепка твоя настоечка, хороша! А как зовут-то тебя, хозяйшкa? – балагурил дед, который тоже явно захорошел от выпитого. Да и я был бы не прочь закемарить.

– Зовут меня Серафима Матвеевна, а лучше просто – тетя Сима. Да вы закусывайте, а то ехать еще долго, а спать негде. Сидя-то много не напишь... Давайте-давайте... Я еще вот сметанки достану. – Тетя Сима, сама красная от выпитого, отерла пот со лба и вновь полезла в свой баул.

– Э, нет, Серафима, погоди. Сметанка – дело хорошее, и она у тебя домашняя, надо полагать, – остановил ее дедок. – Я так понимаю, что сын у тебя в колонии парится, а там разносолами не балуют, я сам по молодости шесть годков пахал на хозяина на лесоповале. Мы не голодные, а им там в лагере домашняя еда по ночам снится. Вези все сыну, – подвел он черту.

Тетя Сима, явно растроганная его словами, оторвалась от своего баула, обвела всех вопросительным взглядом и разревелась.

– Ой, да что это я разревелась, дура, – взяла она себя в руки. – Совсем он не в колонии. Это законы у них там как в колонии, а так это «спеучилище» называется. Дети там не судимые, а по направлению комиссии по делам несовершеннолетних. А все из-за чего? – продолжала тетя Сима, видя, что все ее внимательно слушают. – Учиться не хотел, стервец... школу прогуливал, стал из дома убегать... Вот и задержали его на какой-то хате вместе с уголовниками и шлюхами ихними. Оказалось, они грабили поздних прохожих. Взрослых из этой компании посадили, а моего оболтуса отправили в «Известки». Вот сейчас еду в последний раз, к Новому году должен быть уже дома. Третий раз уже еду за год, – добавила тетя Сима и снова разрыдалась.

– Пойдем в тамбур, поговорим, – позвал меня Сергей.

В тамбуре было полно курящих, и мы некоторое время молча курили. Я закурил вторую сигарету – видимо, из-за рассказа тети Симы я

разнервничался. Когда она упомянула «Известки», я ощутил какое-то беспокойство. Нехорошее предчувствие не проходило. Да и Сергей после этого упоминания как-то переменялся, стал настороженным, что ли... Наконец мы остались вдвоем.

– Вот видишь, тетя Сима тоже говорит, что вас там год продержат, – начал он разговор.

– Но это же «Известки», а ты говорил, что мы едем в Шушталеп, – почти прокричал я.

– Просто... везде одинаково... что там спецучилище, что здесь. А что ты так разнервничался? Надо было спать в самолете и на вокзале, а не думать всякую ерунду, – тоже повысил голос Сергей.

– Извини, – сказал я. – Пошли еще дерябнем, и я немного покемарю.

Мне и в самом деле хотелось спать. Парня, девушки и дедка не было – они пошли в вагон-ресторан. Ванька спал в уголке, а тетя Сима листала журнал.

– Ну, кто ж это будет доедать? Совсем же ничего не ели, – затараторила она, как только мы уселись на свои места.

– А это мы сейчас исправим, – сказал Сергей и стал будить Ваню.

– Давай просыпайся. Надо все доесть, не выкидывать же.

Я снова налил по полстаканчика, мы молча выпили и стали есть. Я ел-ел и никак не мог насытиться. Скоро все было съедено, и со стола убрали.

– Вот и мой Сережка так же ест на каждой свиданке – как будто в последний раз, – сказала тетя Сима и стала упаковывать свой баул. Собирала и как бы сама с собой разговаривала. – Ест и ест, ест и ест... – И вдруг разрыдалась. – Бьют их там, наверное, – не то спросила, не то уточнила она. – Не такой он какой-то стал... замкнутый какой-то. Денег постоянно просит и успокаивается только, когда спрячет их куда-то в трусы. И не рассказывает ничего про жизнь ихнюю. Говорит – нормально, но я не верю, сердце материнское не обманешь.

Я слушал тетю Симу и думал: я ведь тоже сейчас ел, как будто в последний раз. Да и Сергей все мне подкладывал и говорил:

– Ешь, ешь, когда теперь домой вернемся...

Беспокойство мое не проходило.

«Наверное, это от усталости», – подумал я. Примостился в уголке и задремал.

Сквозь сон я слышал, как тетя Сима стала готовится на выход. Слышал, как Сергей сказал, чтобы она не волновалась, – мы поможем донести ей баулы.

– Ой, как хорошо, что вы здесь тоже выходите, а то я каждый раз мучаюсь, тяну эти мешки.. Как мне повезло!

И тут я подскочил: тетя Сима ведь едет в «Известки»!

Я смотрел на Сергея, а он на меня. Поезд уже стал тормозить, а мы так и смотрели молча друг на друга. Когда поезд совсем остановился, я, не говоря ни слова, взял один из тети-Симиных мешков и пошел к выходу. Мне не хотелось сейчас ни с кем разговаривать. Я пытался понять Сергея. Почему он меня обманул? Боялся, что я сбегу?.. Козел!..

Я выскочил из поезда и ничего вокруг не видел, кроме букв на крыше вокзала – «Станция Известковое».

Не зря говорят: «Чего опасешься, то и случится». Известковое... какой-то барак вместо вокзала, за ним дорога, а дальше сопка. На сопке раскиданы частные дома, а посередине – красивый двухэтажный домик за высоким деревянным забором. Неужели это оно?

– Скажите, сыночки, а вам в какую сторону? Вот бы еще и до зоны по пути было.

У тети Симы два здоровенных баула и сумка. Бедная женщина.

– По пути, тетя Сима, по пути... Теперь нам точно по пути, – обернулся я на ее голос и подхватил баул. – Ну, показывайте, куда идти-то? Сергей с Ваней стояли рядом.

– Туда, что ли? – указал я на домик на сопке.

– Нет, это детский сад. Я и сама, когда первый раз приехала, точно так же думала. Красивый домик, в глаза сразу кидается... и забор... А зона по ту сторону путей. Вот перейдем их и сразу увидим. Она недалеко. Ой, сыночки! Да неужто и вас туда же? – В глазах тети Симы – испуг и жалость. Она села на сумку и заревела.

– Да что ж это делается? Вы ж нормальные ребята, за что же вас туда? А я-то, дура, со своими мешками... И вдруг, будто что-то вспомнила, замолчала, посмотрела на меня и уже спокойным деловым тоном сказала: – Если есть деньги, спрячь, а то отберут при обыске, а там они очень нужны.

Я посмотрел на Сергея.

– Там отдам... Никто не увидит.

Я подхватил баул и пошел через пути.

Перейдя шесть линий путей, я увидел метрах в пятистах белый деревянный забор с колючей проволокой поверху – это и был пункт моего назначения. Рядом – три двухэтажки, общаги дубаков, учителей и мастеров. Все это стояло в низине, дороги не было, туда вела одна

тропинка. По ней я и пошел. Шел быстро, не оглядывался. Во мне будто что-то оборвалось. Дойдя до ворот, остановился. На воротах – колючка и вывеска «Спецпрофучилище». Возле ворот открылась дверь, и вышла женщина в телогрейке.

– Если на свиданку, то подождите там, в беседке. Сейчас подойду. – И пошла навстречу моим «попутчикам».

Я сидел в беседке, курил, смотрел, как Сергей говорит с этой женщиной, а сам думал: это конец!

Говорили они недолго, и все вместе подошли ко мне.

– Этот, что ли? – указала на меня вахтерша.

– Да, если можно побыстрее, а то у меня поезд через два часа... и воспитанник второй, – показал он на Ваньку.

– Да ты не бойсь за второго, он у тебя, видать, спокойный. А этому здесь быстро рога обломают. Ну-ка, марш на вахту, а то раскурился тут. И побыстрее шевелись, – распорядилась тетка...

Я спокойно курил и смотрел на нее.

– А, характерный... Ну-ну... Здесь и не таких ломали.

Я неспешно докурил и пошел за теткой. Сергей с Ванькой зашли за мной, а тетя Сима осталась сидеть в беседке.

Вахта, узкое помещение метров шесть в длину. Справа – три двери, слева – окно, из которого видна часть стадиона жилой зоны. Возле окна – стол, за ним – другая вахтерша.

– Сергевна, снова новеньких привезли? – спросила она. – И почему всегда в мою смену?

– Да не таракхи, одного привезли, второй не наш, – отозвалась первая. – Отведи второго, пусть посидит в комнате для свиданий. Вахтерша открыла среднюю дверь и завела туда Ваньку, а меня посадила у стола.

Пришла врач, красивая женщина. Велела мне раздеться до трусов. Осмотрев меня на наличие кожных заболеваний и насекомых, ушла.

Сергевна, а она оказалась замом начальника по режиму, обыскала мои вещи, забрала сигареты и спички, разрешила одеться. Когда я оделся, заперла меня в последней комнате, это был кандей (карцер). Голые стены, к правой пристегнута нара, под потолком – маленькое окошко с решеткой и без стекла. Холод страшный – осень там ранняя. Я сел на пол, обхватил колени руками и так пытался согреться, но это не помогало. Минут через тридцать к глазку подошел Сергей и через него просунул мне восемьдесят рублей, две пачки «Веги» и коробку спичек.

– Все, Дима, мы поехали. Ваню я повезу в Шушталеп. Может, передать что Светке?

– Да пошли вы все, – огрызнулся я и снова сел замерзать.

– Как только закрылся глазок, я закурил и стал ходить по камере, разгоняя дым. Я выкурил две сигареты подряд, и мне стало как будто теплее. На вахте был какой-то шум. Прислушавшись, я понял, что это обыскивают тети-Симины баулы. И вдруг раздался ее голос:

– А вот там мальчика сейчас привезли, мы ехали вместе... Передайте ему, пожалуйста.

И голос Сергевны:

– Не положено.

Я никогда еще так не замерзал. Когда у меня стало ломить колени, я вспомнил выражение «промерз до ломоты в костях».

Я курил одну сигарету за другой, до тошноты... ходил и ходил по этому холодильнику все быстрее и быстрее. Весь последующий час я делал разные физические упражнения, уставал, садился на пол, замерзал и снова принимался за физкультуру.

Я слышал, как пришел на свидание тети-Симин сын – комната свиданий была за стеной. Я слышал, как плакала и причитала тетя Сима, потом они бурно и долго обсуждали что-то важное, но я не понял, что именно. Потом разговор затих, тети-Симин сын позвал Сергевну, и дискуссия возобновилась. Минут через пять открылась дверь, и Сергевна передала мне полкурицы, кусок торта, хлеб и два яйца.

– Ешь быстрее. Сейчас за тобой придут. И не кури.

От холода и физкультуры я изрядно проголодался и набросился на еду, мысленно благодаря тетю Симу. Доесть я не успел – снова открылась дверь.

– Все выкинь в ведро и идем со мной.

В дверях стояла другая женщина. Красивая. Подошла Сергевна.

– Я же говорила, ешь быстрее. Ничего, скоро научишься. Выходи.

Я все же доел остатки курицы и хлеба, мусор выкинул в ведро, которое служило парашей, и пошел за новой женщиной.

– Я – твой воспитатель. Зовут меня Наталья Андреевна, – представилась она, когда мы вышли за калитку и пересекали стадион. – Сейчас идем в баню, там быстро переоденешься и на ужин. И вообще, привыкай все делать быстро – медлительных здесь не любят. После ужина еще поговорим.

Мы зашли в баню, и Наталья передала меня в распоряжение пожилой женщины.

– Михайловна, поторопись с ним, пожалуйста, на ужин опаздываем.

Михайловна велела раздеться мне догола, а когда я разделся, осмотрела меня и ушла. Вернулась с ворохом одежды – трусы, носки, белая

рубашка и костюм-форма, которую носят в училищах на свободе. В довершение подала мне фуражку с кокардой ПТУ. Видно было, что глаз у нее наметанный – вся одежда была моего размера. Я оделся, и Михайловна повела меня в другую комнату, заваленную обувью. Пока я подбирал туфли, она расспрашивала меня: за что попал, чем занимался, а когда узнала, что я с Сахалина, вдруг расстроилась и больше ничего не говорила, только одно: «бедный мальчик». Я думал, что Михайловна всем так говорит, но скоро я узнал, что это относилось ко мне лично.

Баня, санчасть, двухэтажное деревянное здание (первый этаж – первый отряд, второй этаж – второй отряд), за зданием – длинный деревянный туалет, перпендикулярно – двухэтажное каменное здание (первый этаж – третий отряд, второй этаж – четвертый). Так выглядела дальняя сторона жилой зоны. По углам стоят будки, в которых сидят дубаки-женщины, старушки-пенсионерки. Оружие им заменяют молоток и рельс, висящий на цепи или проволоке. Сунешься в сторону забора или будки, они выскакивают и бьют в рельс, на звон сбегаются мастера.

Меня распределили во второй отряд.

Только мы ступили на порог, как Наталья схватила меня за рукав:
– Стой!

Я замер на пороге вместе с ней. Мимо нас со страшным топотом и криком неслось такое! Впереди – парнишка моего возраста с двухпудовой гирей в руках, за ним – двое с черенками от лопат. Пробегая мимо нас, один из них прокричал:

– Наталья, один круг остался.

Они пронеслись в конец коридора и остановились, давая нам пройти.

– Сейчас же прекратили свои дурацкие игры и строиться на ужин!

Пока запишу новенького, чтобы все были в строю!

Тут же у дальней двери появился накачанный парень в наколках.

– Алё! Бегом строиться на ужин!

– Серов, когда-нибудь будет порядок в отряде?! – обратилась к нему воспитка и, не слушая ответа, прошла со мной в воспитательскую.

– Садись, – указала она мне на кожаный диван. – Ты видел, во что играют?

– Я не совсем понял, – сознался я.

– А тут и понимать нечего. Провинишься и будешь вот так бегать... пока без яиц не останешься. И не смотри на меня так. Не понимаешь? Тут быстро объяснят. Гирию держишь в руках, но она привязана к твоим яйцам капроновым шнурком. Бегаешь три круга. Круг – туда и обратно по коридору, двадцать пять метров. Упадешь – поднимут палками и пинками, а уронишь...

– Дикари...

– Ну все, пошли на ужин. Потом поговорим.

Только я встал в конец строя, раздалась команда «пошли!», и отряд очень быстро двинулся по асфальтированной аллее.

В столовой наш отряд занимал два ряда столов, другие два ряда занимал первый отряд. Я зашел последним и сел за последний стол, который был накрыт на одного. На ужин дали творог со сметаной и маслом. До этого я никогда не ел творог – не любил, а тут ел с удовольствием. Ел я не спеша и смотрел по сторонам. Меня поразило, что все ели очень быстро и ни на что больше не обращали внимания. Не успел я съесть и половины, как последовала новая команда: «Параши собрать!» Смысл команды я понял быстро, так как со всех столов передавали и ставили на мой железные миски. Я продолжал есть.

– Первый... второй... третий... четвертый...

Новая команда Серова, и пацаны по одному ряду вставали и выбегали на улицу. Я сидел во втором ряду, и, когда все встали и побежали, я остался на месте, продолжал есть. Когда все уже были на улице, я только начал пить чай.

– Алё! Ты чо, не врубаешься?

Я обернулся и увидел Серова и Наталью.

– Бегом строиться!

– Да не ори ты на него... Он же новенький, – заступилась за меня Наталья. – Веди отряд. Я сама его доведу.

Серов ушел, а Наталья села рядом со мной и ждала, пока я доем.

Я уже давно понял, что сделал что-то не так, и не сомневался, что неприятности меня ждут уже сегодня, но изменить ничего уже было нельзя. Да и весь вид Натальи говорил то же самое – с такой жалостью она на меня смотрела и молчала. Я решил понять, в чем состоял мой проступок. Первый отряд заканчивал ужин, и я внимательно следил за действиями пацанов.

То, что лидеры отряда сидят за первым столом, я понял сразу, так как они почти ничего не ели, а «бугор» отряда вообще не ел и с пренебрежением поглядывал, как едят остальные. Вот его терпение лопнуло, прозвучала команда: «Собрать параши!» Это было понятно, миски собрали на последний стол, за которым сидели невзрачные, грязные и даже с синяками – «чушки», как я решил.

Когда собрали миски, «бугор» встал и стал указывать пальцем по рядам стульев. Как только палец переходил на следующий ряд, пацаны бросали недоеденные куски хлеба и бежали на выход.

После того как первый отряд вышел, Наталья тоже встала.

– Ну все. Насмотрелся, а теперь пошли в отряд. Ты хоть и понял все – я за тобой следила, – но это мало чему поможет. Хотя... сообразительные выживают...

Мы вышли на улицу, и Наталья опять заговорила со мной:

– Ты драться умеешь?

– Умею! А что?

– Ну, раз умеешь, я не очень боюсь за тебя, хотя...

Она не договорила, и почти до самого отряда мы шли молча. Уже в дверях она сказала:

– Только не зли сильно Серова...

И ушла к себе в воспитательскую.

– Алё! Новенький в каптерку! – тут же услышал я чей-то писклявый голос. Я не стал делать вид, будто не понял, что обращаются ко мне, и пошел на голос. Это оказался маленький тщедушный пацан.

– Бегом ходить надо, – пропищал он, когда я подошел к нему.

– Ты чего так громко пищишь? Я не глухой, – сказал я ему достаточно громко, чтобы слышали еще трое пацанов, которые стояли в трех шагах, но сделал вид, что говорю маленькому на ухо. Он сначала выпучил испуганные глаза – сыграл свою роль фактор неожиданности, с его точки зрения, наглости. Он молча указал на открытую дверь в каптерку, и по взглядам тех троих я понял, что они все слышали.

– Я те е...ло порву! – крикнул он, когда я уже был в каптерке. Типичная реакция труса.

В каптерке кроме «бугра» было еще трое здоровенных парней, но особенно выделялся один. У него была бородка, как у взрослого мужика.

– Ты откуда, сынок? – спросил он. Голос у него был хоть и грубый, но все-таки пацанячий, несмотря на бородку.

– С Сахалина, – просто и спокойно ответил я.

– П..ц тебе... сынок!

Я хотел было спросить, что он имеет в виду, но не успел – тут же получил сильный удар сзади табуреткой по голове и отключился. В себя я пришел от того, что меня хлестали по щекам.

– Вставай. Ишь, развалился.

Это тощий, что был в коридоре, приводил меня в чувство.

– Иди, тебя Наташка зовет в воспитательскую... И не дай бог сучень – убью.

Мне до чертиков надоел его писк, и голова просто раскалывалась. Так как удар был сзади, я решил, что это он и отоварил меня тубарем. Поднимаясь с пола, я как бы нечаянно угодил ему головой в подбородок. Дразнили его «сосиской», что вполне соответствовало его виду.

– Так, пацан, ты сейчас идешь к Наталье, а потом мы продолжим... Стукаться будешь. – Серый кинул мне полотенце. – Утрись!

Я вспомнил рассказы Капы о разных подъебках, которыми встречаются здесь, а потому отбросил новое вафельное полотенце в угол. «Стукаться будешь» я принял за вопрос и ответил:

– Буду!

В коридоре на меня тут же налетел Сосиска.

– Я тебе чичи почищу, – запищал он и ткнул было вилкой из пальцев в глаза.

– Я поймал его за указательный палец и вывернул его так, что раздался хруст. А Сосиска завопил и снова растянулся на полу. На шум из воспитательской вышла Наталья, что позволило мне проскользнуть мимо троих пацанов, которые были рядом с Сосиской и уже были готовы кинуться на меня.

В воспитательской Наталья орала на меня, что я хулиган, бандит... что меня не сюда надо было везти, а в колонию по суду... что я, не успев войти в отряд, уже устроил драку. А в заключение сказала, что на ночь меня в отряде не оставит, а то я покалечу еще кого-нибудь. Я молча смотрел на нее и думал: «Какая же ты сука...» Я ведь понимал, что она все понимает, но обвиняет во всем меня.

– Ну что молчишь? Будешь писать объяснительную?

– Да пошла ты, сука, – тихонько сказал я и сел на диван. – Это не меня надо в колонию, а вас всех – в дурдом. Делайте что хотите! Ничего я писать не буду!

Из коридора донеслась команда Серого: «Отбой!» И тут же десятки ног забегали, а через пару минут все стихло. Дверь отворилась, и вошла Сергевна, режимница, которую я видел на вахте.

– Что тут у вас? Пора считать.

– Этого отведу в кандей. Пусть посидит до утра, а там старший решит, что с ним делать. Не успела его в отряд вывести, а он уже пацана избил.

– Не того, что сейчас в санчасти? Ему сейчас гипс накладывают на палец.

– Все он, бандюга, – ткнула в меня пальцем Наталья.

– Да не переживай ты так, Наташа. С Сосиской ничего страшного, а этому утром мастера мозги вправят. Сейчас посчитаю и заберу его.

– Серый, пошли считать, – обратилась она к Серому, который все это время стоял в дверях и все слышал.

Они прошли по секциям, пересчитали пацанов, сдали отряд ночной дежурной (дубачке) и велели мне обуться и ждать в вестибюле. Пока

Наталья и Сергевна о чем-то говорили с дубачкой, ко мне подошел Серый.

– Плохо, что ты с Сахалина... Я не смогу тебе помочь, хоть ты мне и нравишься... – На, спрячь, – протянул он мне пачку «Примы» и коробок спичек. – Посмотрим...

– Я не пидор, чтоб нравиться... А за курево спасибо. Что это за спектакль устроила Наталья, – осторожно поинтересовался я у Серого.

– А это она тебя оберегает и сама страшется. Вот побьют тебя, а ей отвечать потом – смена-то ее. А там завтра придет старший воспет, и вся ответственность ляжет на него.

– А что, без этого нельзя? – прикинулся я дураком.

– Нет, ты с Сахалина...

– Ну и что?

– А то...

Договорить он не успел, так как появились Наталья с Сергевной.

– Ну что, Серый? Мозги ему прочищаешь? – спросила Сергевна. – Он еще попортит нам крови... всем... Чего встал? Пошли на вахту.

– А я не пойду с вами! Я ничего не сделал, чтобы меня в кандей садить. И прятать меня не нужно – я сам за себя постою.

– Ой, Сергевна! Ты посмотри на этого героя! Сломал Сосиске палец и думает, что легко отделается! Да тебе за ночь башку отшибут совсем, а мне отвечать потом!

– А у вас здесь дурдом, что ли?

– Алё! Хватит рыпаться! Давай бегом, делай что говорят, а завтра побазарим, – прикрикнул на меня Серый.

По его глазам я понял, что лучше подчиниться сейчас, здесь свои правила, о которых я ничего не знаю.

– Ну, ведите! Куда идти? А то еще заблужусь!

Всю дорогу Сергевна поносила меня на чем свет стоит.

– Понавезут придурков... Либо они других калечат, либо их опускают. Вот зверье!

– Да парень-то вроде неплохой, – пыталась заступиться за меня Наталья. Сосиска этот сам виноват. Всё выслуживается за сигаретку. Шестерка!

В кандей меня заперли, даже не прошмонав. Огромная нара в два метра шириной, была опущена, и на ней лежали два пацана.

– Опа! Ты откуда такой?

– Здорово, пацаны! Я из второго отряда. Сегодня только привезли.

Я сел на нару, достал «Приму» и протянул им.

– Закуривайте!

Один, что помельче, взял сигарету, а второй в это время ударил меня ногой в спину так, что я отлетел к двери.

– У нас расписание нужно спрашивать, – сказал второй.

Целый день напряженной работы над тем, чтобы сдерживать себя и не поддаваться на провокации, сильно утомил меня, да и голова раскалывалась после удара табуреткой. И это чуть все не испортило. Я уже готов был кинуться на своего обидчика, но в последний миг вспомнил рассказы Капы и просто сказал в ответ:

– А я слышал, что у вас здесь не просят, а стучаются за лучшее место.

– Шира, этот новенький стучаться хочет... смертник.

– Вот ты, Пес, и стукнешься с ним сейчас.

Пес спрыгнул с нар, потянулся и встал в стойку. Роста он был небольшого, но хорошо развит.

– Что ждешь? Нападай! – сказал он.

– Я хотел бы уточнить... какие правила?

– А Пес тебе их по ходу пьесы объяснит. Не тни время, давно уже отбой был. И не очень шуми... там все слышно.

Я стал снимать пиджак и на миг упустил Пса из виду. И сразу же получил сильный удар в ухо. Боль была такой острой плюс больная моя голова... Я свалился прямо ему под ноги. Удары ногами сыпались на меня один за другим. Пес просто топтал меня, а я слабо уворачивался, не давая попасть в голову.

– Кричи «бастую», – услышал я голос Шири с нар. – Кричи, а то Пес тебя забьет.

Пес на время остановился, и я переборол боль. Все то время, что он топтал меня, я не мог себе простить, что второй раз за вечер из-за невнимательности был свален на пол. Я ударил коротким снизу ему в пах. Пес взвизгнул, согнулся пополам и стал заваливаться на бок, и так удачно – прямо под мою правую пятку, которой я с удовольствием врезал ему в переносицу... Пес затих.

Я поднял пиджак с полу, закинул его на нары и сел на них сам.

– Дай сигарету, – сказал я Шире.

– Возмой с нары, козел! – заорал он на меня. – Ты разве не знаешь, что стареньких не бьют?

– Я не слышал твоего «козла» и сильно спать хочу. Хочешь стучаться, давай завтра.

– У тебя как кликуха?

– Дома Маратой звали.

– Ну так вот, Марата, спать ты будешь на полу или не будешь спать совсем. Бить будем!

– Ну что ж, Пес уже вне игры, а с тобой – завтра.

И я повернулся к стене и сразу уснул.

Мне снилась Светка. Мы в саду детприемника. Я кормлю ее клубникой, которую срываю тут же с грядки. У Светки губы, подбородок и даже щеки измазаны клубничным соком, и я слизываю его у нее с лица. Светка переворачивает меня на спину, садится на меня, берет горсть клубники. Измазала мне в лицо, медленно облизывается, смеется, глядя на меня.

Я открываю глаза и слышу, как Шира говорит Псу:

– Не бойся! Если что, вдвоем справимся. Нельзя допускать, чтобы новенькие так борзели.

Что я им сделал?

– Дайте поспать!

И в тот же миг я почувствовал, что лечу. Полет был короткий – с нар на пол, но мне он показался затяжным. Это как прыжок с трамплина – можно сразу приземлиться, а можно тянуть, сколько хватит высоты и скорости. Но в этот раз было как в детстве, когда мы ныряли в бассейн. Тогда я нырял, и мне казалось, что плыву я долго-долго, и так мне хорошо было... Раз я ткнулся головой в дно, и, если бы не пацаны, жизнь моя там бы и закончилась – от удара меня парализовало так, что я два часа не мог пошевелиться.

Сейчас тоже было больно. Это Пес, после того как они с Ширей столкнули меня с нары ногами, прыгнул мне на спину. Боль была адская, но в этот раз я мог двигаться. От боли мне хотелось заорать, но я знал, что за это я буду наказан и ко мне прилипнет позорная кличка «суч».

Пес стоял у меня на спине, и, стоило мне повернуться, он не удержал равновесие и упал на жопу. Я тут же впился в его ногу зубами и завыл во весь голос. Так я компенсировал невозможность заорать. Вместо меня заорал Пес.

– Заткнись, сучара!

– Ты же сейчас нас определишь, – набросился на меня Шира и стал отрывать меня от Пса.

Он встал передо мной, нагнулся, чтобы схватить за ворот рубахи. Лучшего момента не придумать. Я сильнее сжал зубы – до боли в скулах – и почувствовал вкус крови. Пес заорал как резаный поросенок. Я отпустил его ногу и ребром ладони резанул снизу вверх Ширу по яйцам. Когда он согнулся, я впился зубами в его лысую голову. Теперь пришла очередь орать Шире, и он заревел как самолет на взлете. Я

уже почти ничего не соображал и все сильнее сжимал зубы. Я даже не слышал, как открылась дверь и вошли мастера, вызванные Сергевной. Я почувствовал, что меня отрывают от Шири, и в последний раз сжал зубы. Все это совпало, и у меня во рту остался клочок мяса, который я тут же выплюнул. Ширя корчился у меня под ногами, заливая все кровью, а Пес забился под нары и жалобно скулил.

– Не вой, Псина! Ты же пацан! – заорал я на него.

Я рвался из рук Могилы, старшего мастера, но это было все равно, что рваться из-под пресса, – такой он был огромный.

– Я же говорила, что это звереныш.

– Посмотрите, что натворил, выродок!

– Вызывайте срочно Горбулеву, – верещала Сергевна.

– Разберемся утром. Этих в медчасть, а этого... Пусть поспит спокойно.

– Да ты что, Мочилин, – взорвалась Сергевна.

– Да не ори ты, Сергевна. Эти давно искали приключений. Хоть один вот нашелся.

– Бегом в медчасть! Развылись. Может, пожалеть вас еще! Сами завели парня, а теперь воют...

Пришла начальница медчасти и увела Ширю с Псом. Мочилин выходил последний, как бы невзначай выронил пачку «Примы» и спички.

– Поспи, парень. Завтра трудный день будет у тебя, – сказал он напоследок и закрыл дверь.

Это будет завтра, а сейчас я хочу спать. Болело буквально все, я чувствовал себя загнанным в клетку зверем. Но самое огорчительное то, что я не знал толком, что происходит. Куча вопросов роилась у меня в голове, и боль от них была посильней, чем физическая.

Все! Хватит себя уничтожать. Будет день – будет пища. Спать! Как хорошо растянуться на нарах – кайф! Уснул я мгновенно, но сон был очень тревожный, в нем перемешалось все сразу – и подлость Сергея, и улыбающаяся Светка, и бородатый пацан...

– Ты откуда, сынок?

– С Сахалина.

– Ну и пиздец тебе!

Этот пиздец и есть самая большая непонятка. Почему здесь так не любят сахалинцев? Теперь становилась понятной реакция той старушки в бане – как она запричитала, когда узнала, что я с Сахалина. Мы предполагаем, а Бог располагает. Он пока к моим мольбам глух. Мне не суждено было выспаться и в эту ночь.

– Вставай! Развалился как на курорте!

В камере стояла Сергеевна.

– Посмотри, что наделал! Кто убираться будет?

А картинка была действительно та еще. На полу огромная лужа – кровь вперемешку с мочой из опрокинутой параша, стены тоже в брызгах крови.

– Вот тряпка, вот ведро с водой. Чтоб через час все было чисто!

Дверь захлопнулась.

Да, повеселились... Минут десять я лежал, курил и смотрел на весь этот бардак. Хочешь не хочешь, а убрать надо – кто знает, сколько мне еще здесь сидеть?

Ох, как все болит! Малейшее движение вызывает острую боль по всему телу. Но то ли еще будет! А потому я скрипя зубами сполз с нар и стал медленно собирать лужу из крови и мочи в парашу. Превозможная тошнота и боль, я собирал это дерьмо тряпкой, а потом отжимал. Сначала процесс шел очень медленно, но потом дело пошло, так как я понял – чем быстрее я с этим покончу, тем быстрее лягу спать. А спать хотелось нестерпимо, глаза так и закрывались сами собой, но я продолжал тереть и тереть.

Провозился я часа два, но никто меня так и не побеспокоил больше. Пока я работал, боль куда-то как будто ушла, а сейчас я сидел на нарах, курил, и боль снова напомнила о себе.

Все! Докуриваю, и спать! Тут до меня донесся шепот под дверью. Я как можно тише подобрался туда и стал слушать. Кто-то просился зайти ко мне, а дежурная боялась, что могут спалить и тогда ей влетит.

Я глянул в глазок и увидел дубачку и сына тети Симы. Дубачка тут же спалила меня, так как я заслонил собой полоску света, которая шла из глазка в полутемный коридор.

– Он еще и уши греет, – сказала дубачка. – Разговаривайте через глазок. В камеру не пуцу!

И ушла к себе за стол.

Пацан подошел к самому глазку.

– Тебя как зовут?

– Дима Марачевский. Сам с Сахалина, – сказал я.

– Здесь не принято представляться и звать по именам. Как кличка? – спросил он.

– На воле Маратой звали, – сказал я. – А ты кто?

– Я Кочегар с Комсомольска. Я на третьем отряде, – представился он.

– Вот ты, Кочегар с Комсомольска, и объясни мне, что у вас тут за правила и почему здесь такое отношение к сахалинцам? – спросил я.

– Да, паря, попал ты не в лучшие времена. Рассказывать тебе будут в отряде, когда выйдешь. Здесь всем рассказывают вначале, вводят в курс про все и про всех. Если память хорошая – запомнишь, а нет – доведут через хребет.

– Бить будут? – спросил я, хотя и так ясно было.

– Бить – это мягко сказано, – сказал Кочегар, – через кол будут пропускать. За каждый косяк будут бить колом по хребту – колонская совесть!

– Да какая же это совесть?

– Колонская совесть как раз в этом и заключается. «Пакшами» тебя могут бить больше, а колом, или «лялькой», бьют по три раза, не два, не пять, а именно три – «колонская совесть».

– Как они будут бить, если я не дамся? – возмутился я.

– Тебя загибают «зю», на тебя кладут телогрейку и через нее бьют. Уворачиваться нельзя, падать после удара нежелательно, а вскрикивать – боже упаси! Сразу сучом объявят, а это сам знаешь, кто такие и как к ним относятся. Терпи, вот и весь сказ. Сейчас ты новенький, а в отряде три группы: старенькие, полустаренькие и ваша – новенькие. Полустаренькие врубаются только стареньким, а вы, новенькие, врубаются всем. Старенькие уйдут, полустаренькие займут их место, а вы, соответственно, станете полустаренькими. Потом, когда придет время, старенькими станете. А сейчас главное – врубаться во все и не кыркаться ни с кем.

– А это как? – спросил я.

– Значит не огрызаться и не спорить, все равно будешь не прав. Вот сейчас ты побил стареньких. Это равносильно смерти. Хорошо еще, что Ширя и Пес с другого отряда – им вы не врубаются, поэтому, может, и обойдется. Но Ширю бойся – он самый анархист в отряде.

– Анархист – это блатной? – спросил я.

– Здесь нет блатных, здесь фраера. В каждой группе по пять фраеров, из них один – бугор группы. В старенькой группе один из них – бугор отряда. Ширя – фраер в старенькой группе, но он анархист, с ним никто не связывается. Чуть что, хватается за пику, будь с ним настороже. Пес тоже старенький, живет пацаном, шестерит Шире. Пойду посмотрю, как там мать, а ты покури пока.

Он ушел, а я стал ходить из угла в угол. Ходил, курил и пытался собрать весь этот ворох информации в одну кучу, но получался какой-то хаос. Нормальному человеку все это трудно осознать. Дурдом какой-то!

– Эй, Марата, – позвал меня Кочегар. – На этот раз он уговорил дубачку, и она пустила его ко мне. – Вот, поешь, – протянул мне бан-

ку сгущенки и кусок торта. – Съедай все, а то Сергевна «определит», и я попаду! Ах да, у тебя же еще вольные пирожки не повыскакивали! Скоро пройдет, и тогда сможешь съесть в два раза больше, – смеялся Кочегар и уже допивал свою банку молока.

– Силен! Я так сразу не смогу, но потихоньку попробую.

Я стал отпивать сгущенку и есть торт. Осилит полбанки. Закурили.

– Кочегар, а за что к сахалинцам такая неприязнь? – задал я главный вопрос.

Он закурил еще одну сигарету и стал рассказывать:

– Сейчас в зоне нет бугра зоны, а только бугры отрядов, а еще полгода назад был такой – Немец с Сахалина. Беспредельщик был конченный. Бил всех, и пацанов, и фраеров, а вот петухов не трогал – запаadlo ему было мараться.

Ему оставалось сидеть здесь всего два месяца, так он совсем озверел. Кто-нибудь провинится, так он собирает всех фраеров с этого отряда и пропускает через кол. А теперь прикинь, что они потом сами творят с провинившимися? В конце концов подставили Немца. Раскрутили по 121-й и по 206-й – за мужеложество и избиение. Дали три года, пошел на малолетку в Биробиджан. С тех пор бугров зоны больше нет. И приняли решение всех сахалинцев, которые будут приходиться, гноить до последнего, и никаких поблажек. Ты это уже почувствовал?

Я рассказал, что произошло в каптерке.

– Это только начало, – обрадовал меня Кочегар. – Я бы на твоём месте в бега ушел и стал бы проситься в другую спецуху, так как здесь в любом случае отъебут. Мало тех, кто после побега остались пацанами. Вот представь: ты в побеге, отряд садят на казарменное положение и лишают всех льгот до тех пор, пока тебя не поймают. Потом тебя привозят и отдают на растерзание.

– Да уж, представляю! И что, все равно бегут?

– Еще как бегут! Сам увидишь. Пока ты новенький, тебе жизни нет вообще, вот и не выдерживают. Раз не выдерживают, значит, слабые. А слабых не уважают – их ебут. Но я бы на твоём месте все равно убежал, – подвел черту Кочегар. – Ты мамке моей помог и понравился ей очень, да и сам я смотрю, ты ничего пацан. Я на третьем отряде. С сегодняшнего дня стал стареньким. В общем, если нужно что, обращайся – чем смогу, помогу. Пойду я к мамке, а то Сергевна спалит – дубачку подведем.

– Подожди, Кочегар, – остановил я его. – Вот у меня восемьдесят рублей. Ты возьми их себе, а то я их здесь просрать могу.

– Да уж, это запросто можешь. Ну давай, а там разберемся, когда в зону выйдешь.

Он взял деньги и ушел.

Я допил сгущенку, выкинул банку в парашу и залез на нары. Спать хотелось страшно, но я старался побороть сон, чтобы проанализировать всю информацию. Как ни боролся, но сон все-таки сморил меня. Проснулся я от лязга открывающейся двери.

– Да он тут неплохо устроился, – услышал я голос какого-то мужчины. – Один ворует на нарах. А ну, встал, быстро вынес матрасы и поднял нару, – пробасил он. – Пошевеливайся!

Матрасы я скрутил, вынес в коридор, положил их в шкаф, а вот нару поднять, как ни тужился, не смог.

– И как это такой дохляк мог уделать Ширю с Псом?

В дверях стояло человек пять мастеров и воспетов и смотрели как я бодался с нарой.

– Ладно, брось ее. Пойдем, сейчас мы с тобой поговорим.

Меня повели в штаб, в кабинет старшего мастера, которым оказался тот самый мужик, который разбудил меня. Сам штаб находился в рабочей зоне. В нем помимо кабинетов начальников и старшего мастера находились классы по спецтехнологии и металловедению, а также два цеха – токарный и слесарный. Рабочую зону от жилой отделяет забор, через ворота которого уже начали выводить пацанов поотрядно – третий и четвертый отряды работали до обеда, а первый и второй учились в школе, а после обеда наоборот.

Кроме штаба в рабочей зоне была школа, литейный цех и цех механический, в котором была токарка, столярка, цех, где собирали станки заточные и сверлильные и водяные насосы.

Когда меня выводили с вахты, через ворота проходил второй отряд, в который меня определили. Я понял это, так как сразу увидел Серого, который стоял с Сергевной, а та по парам пропускала пацанов через ворота.

Мастера меня вели параллельно строю, а оттуда мне кричали, как мне показалось, почти все:

– Только выйди в отряд, мы тебе разорвем все что можно. Мне хотелось крикнуть им в ответ: «Что я вам сделал?» – но понимал, что это бессмысленно, и шел молча.

Меня привели в кабинет старшего мастера, где уже было человек десять мастеров. Меня посадили на стул посередине комнаты, и посыпались вопросы:

– Как жить-то думаешь? Тепло тебя встретили? Как сумел избить Ширю с Псом и за что? Ты понимаешь, что тебе этого не простят?

Вопросы сыпались один за другим, но ответов у меня не было. Я был в ступоре, ничего не понимал. Так продолжалось довольно долго, пока у старшего мастера не лопнуло терпение.

– Что ты молчишь? Ты понимаешь, что с тобой будет, если выпустить тебя сейчас в зону! – заорал он на меня.

– А я разве могу что-то изменить? – задал я им вопрос.

Теперь уже они впали в ступор. С минуту стояла напряженная тишина.

– Все, ведите его в кандей. Пусть посидит пока, а мы тут решим, что делать дальше.

– В чьей он группе? – спросил старший мастер.

– В моей, – поднялся невысокий, но крупный мужик (о том, что все его звали Морячок, я узнал позже).

– Веди, Владимирыч, его, и сразу назад.

Шли уроки, и мы молчали, пока не вышли на улицу, а там он сказал:

– Собственно, ты молодец, что не побоялся дать отпор. Таких пацанов уже давно здесь не было.

Мы шли не спеша к вахте, а он говорил, как будто сам с собой.

– Тебе, конечно, несладко придется, но ты выдержишь. Я такую породу знаю. Когда-нибудь ты станешь бугром. Ты не можешь сломаться, не имеешь права.

Он резко схватил меня за плечо и посмотрел мне в глаза:

– Понял?!

Я кивнул, но если честно, то не понял ничего. Все походило на бред сумасшедшего в сумасшедшем доме, в который засунули нормального человека. Больше мы не разговаривали. Он привел меня на вахту. Сам завел в камеру, положил на пенек пачку «Беломора», сказал:

– Убери!

И ушел. Я сел в угол, закурил – мне хотелось быть волком. Я ничего не понимал.

Только я задремал – а спать хотелось страшно, – появилась Сергевна.

– Ну что, доигрался, звереныш? Подожди, вот выйдешь в отряд, там тебя быстро научат уважать законы.

Она что-то там еще орала в глазок, но я ее уже не слышал – отключился. Я проспал до обеда, никто меня не беспокоил.

Проснулся я от холода, сделал несколько упражнений, но тело отказывалось повиноваться, и я стал просто ходить по камере из угла в угол.

– Жрать будешь, звереныш, – то ли предложила, то ли приказала Сергевна и открыла дверь.

От обеда я отказался. Есть совсем не хотелось, да и от миски, в которой было что-то под названием рыбный суп, несло такой тухлятиной, что снова закружилась голова, и я вынужден был сесть на пол, в угол.

– Сергевна, да у него еще домашние пирожки не выскочили, – сказал пацаненок в белой куртке, который принес обед.

Сергевна посмотрела на меня, что-то прошептала этому пацану и закрыла дверь. Они еще о чем-то весело говорили и смеялись, но я разобрал лишь последние слова:

– Фу, наелась. Теперь и на обед идти не надо.

Оказывается, Сергевна съела обед за меня! Я не мог понять, зачем вольный человек будет есть эту баланду. Я тогда еще многого не знал о жизни.

После обеда пришел Владимирович, и у нас состоялся довольно продолжительный разговор.

– Вечером ты выйдешь в отряд и будешь жить как все. Будто ничего не произошло. – Так началась наша беседа, когда он присел на корточки возле меня: – Тебе придется смириться с теми законами жизни, которые здесь есть. Поэтому придется многое в себе переломить и многое вытерпеть. Но это сначала, а дальше тебя ждет карьера лидера, хочешь ты этого или не хочешь. Я многих здесь повидал и сейчас ясно вижу – быть тебе бугром. Главное – не сломаться и выстоять в первое время. Будут бить – терпи. Это закон. Скажут драться – дерись. Главное – узнать жизнь и научиться правильно ее понимать, чтобы уметь управлять.

– Да на кой черт мне это надо? – спросил я, чтобы не сидеть молча, как идиот. Хотя все услышанное абсолютно не укладывалось у меня в голове.

Закурили.

– А нужно это, сынок, потому что без этого ты не выживешь здесь и дня. Если не убьют, то превратят в скотину, в ничтожество. Я вижу, ты не глуп и сильнее многих здесь, можешь постоять за себя. Мы с тобой еще о многом поговорим, но это потом. А сейчас – смирись.

Владимирович ушел, а я остался сидеть в углу. После разговора для меня совсем ничего не прояснилось, напротив, еще больше запуталось.

Через час открылась дверь, и в камеру вошел Серый. Здесь я его разглядел – в отряде не удалось. На вид ему было лет восемнадцать–двадцать, хотя от роду было всего пятнадцать. Он был высокий, крепко сложенный, с волевым лицом и умными глазами.

С минуту мы молча смотрели друг другу в глаза, после чего он протянул мне руку:

– Здорово, Марата.

Он запомнил мое прозвище, которым дома меня звали друзья.

– Я говорил, что больше не подам тебе руки, но видишь, как оборачивается. – Так Серый повел свой разговор. – Дел ты натворил столько, что у тебя один путь – либо в побег, либо в петухи. Здесь такого не прощают. Должен сразу предупредить, что Ширия с Псом не простят – это уж точно. Ходи и оглядывайся, чтобы не прилетело откуда-нибудь... Но они в другом отряде, значит, мстить будут втихушку, так как я им тебя не отдал. Они приходили ко мне, и мы серьезно попыркались. Вначале я хотел им отдать тебя на РВ – на разрыв, но...

Серый не договорил, но мне и без его слов было все ясно. Я остро почувствовал, что говорю с авторитетом, в чьей власти решить мою судьбу в один миг. Отдай он меня на РВ, и меня бы не стало. В лучшем случае меня превратили бы в животное. Не отдав меня авторитетам из другого отряда, которым я нанес очень серьезное оскорбление, Серый невольно нажил себе врагов. Почему он пошел на такой шаг? Этот вопрос сверлил мне мозг, но так и остался без ответа.

– По всему раскладу ты не должен здесь выжить, но будешь жить, – продолжал Серый. – Ты будешь жить как обычный новенький, никакого подогрева к тебе не будет. Выживешь – будешь жить долго. Будешь мочить рога, будешь за это огребаться. Когда придет твое время, запомни: не гни пацанов по беспределу.

– А когда, по-твоему, это время придет?

– Сейчас ты новенький. Когда уйдет на волю старенькая группа, ваша станет полустаренькой, а те станут старенькие. Когда уйдут они, ваша группа станет во главе отряда. Это и будет твое время, но до этого много всего произойдет. Держись. Вечером в отряд. Все.

Так он закончил свое слово и вышел.

Я вынул сразу две сигареты, сел в угол, обхватил голову руками и заблудился в собственных мыслях...

Вечером за мной пришел старший воспет отряда и молча повел в столовую на ужин. Отряд уже сидел за столами. Когда мы вошли, все уставились на меня, как на привидение. Я, наверное, так и выглядел, так как был готов кинуться на любого, если б почувствовал угрозу для себя. Но сейчас угрозу я ощущал в каждом: они молчали, но глаза говорили за них.

Все столы были заняты, и лишь за последним было одно свободное место. Подойдя к нему, я вспомнил, что за последним столом сидят

петухи. Сяду – обрету соответствующую масть. Повисла пауза. Два отряда, забыв о еде, ждали развязки.

– Вы стали бы сидеть за одним столом с такими рожами? – спросил я воспета.

– Не хочешь – не ешь, – спокойно ответил тот, – и сразу же, будто попросил, сказал Серому: – Выводи в отряд.

Снова та же картина: пацаны бросают наполовину недоеденный ужин и бегом выбегают из столовой. Но теперь я спокойно смотрю на это и вместе со всеми выбегаю на улицу и встаю в строй. Мимо проходит Серый. Остановился, посмотрел на меня, ухмыльнулся и дал команду отряду:

– Пошли!

Я ждал, когда со мной начнут «профилактическую» или «воспитательную» работу, но про меня будто все забыли. Я ходил по отряду и с интересом наблюдал за суетой, которая не прекращалась ни на минуту: кто-то что-то точил, кто-то шил, кто-то гладил, рисовал, писал, кто-то играл в бильярд, и все носились туда-сюда, отовсюду слышались какие-то команды, кто-то кого-то звал. Но на меня никто внимания не обращал. Это было странно, ведь еще недавно каждый из них был готов разорвать меня на части, как кровного врага.

Я стоял и смотрел, как играют в бильярд, когда в коридоре кто-то писклявым голосом крикнул:

– Новенького – в каптерку! Новенький! Новенький! – кричал он.

Я знал, что зовут меня, но продолжал стоять и смотреть на игру.

– Ты что, уже не новенький? – раздалось у меня за спиной. Я обернулся и увидел того самого Сосиску. То-то голос мне показался знакомым.

– Вообще-то меня зовут не новенький, а Марата, – ответил я спокойно, что стоило мне огромных усилий. Держись и терпи, говорил я сам себе, терпи и держись.

В каптерке сидели четверо во главе с Серым и дышали краской.

– Стукаться будешь? – спросил меня Серый.

– Буду, – ответил я.

– Позови Дранку, – приказал Серый Сосиске.

Через минуту в каптерку вошел Дранка.

Дранка был с меня ростом и почти такой же комплекции, но видно было, что боец он никудышный: грудь впалая, ребра торчат, хотя бицепсы развитые.

– Вы будете стукаться за место за столом и в секции. Если Дранка проиграет, то ты, Марата, ложишься на его место и на «питере» будешь

сидеть за вторым столом. Если проиграет Марата, то будет спать и сидеть на пике, – сказал как отрубил Серый.

Было видно, что краска уже ударила ему по мозгам.

Я не успел сориентироваться и тут же получил удар сбоку в челюсть. Дранка ударил, отпрыгнул и стал прыгать на месте, выставив вперед свои длинные руки.

– Дранка, чичи ему, чичи выбей! – кричали обчумыженные зрители. И тот, почувствовав воодушевление, ринулся на меня и получил встречный удар пяткой в колено. Будто споткнувшись, он растянулся на полу.

– Вставай, вставай! – кричали ему, но я знал, что ему очень трудно будет это сделать: схватившись за колено, Дранка корчился на полу.

– Бей его, Марата! – кричали уже мне, но я стоял и молча смотрел на Дранку: он же ничего мне не сделал, ни малейшей неприязни я к нему не испытывал. Он, как и я, не мог не подчиниться приказу стареньких и бугра отряда. За все надо драться. Кто сильнее, тот и занимает лучшее место.

– Бастуешь, Дранка? – спросил его Серый.

– Бастую, – промямлил тот и с гневом глянул на меня.

– Взмыли оба в секцию, – приказал Серый.

Слово «взмыли» я понял правильно и, перешагнув Дранку, вышел из каптерки. У дверей караулил Сосиска. Он же и показал мне секцию и место, где я буду спать. Дранкин матрас тут же перекинули на пустую кровать, которая стояла возле самого входа. Дранка попал в разряд отверженных.

Я улегся на свою кровать и стал разглядывать тех, с кем предстояло жить бок о бок целый год. В секции было двенадцать кроватей, двенадцать человек. Все были на местах и с любопытством смотрели на меня. На противоположной стороне стояло пять кроватей, на них сидела элита – это я сразу определил: самые здоровые и наглые – Спецуха, Котях, Белый, Илья и Кеся. Спецуха был бугром группы, остальные – фраера.

– За фраера стукаться не предлагали? – спросил Спецуха.

– Нет, не предлагали.

– А ты смелый, коли не побоялся побить Ширю и Пса. Трудно тебе будет, – подвел итог Илья.

Приковылял Дранка и молча улегся на свое новое место.

– Смотри, Дранка, пику просеришь, пойдешь под кол, – с издевкой произнес Кеся.

– Секи за пикой, пикарь, и не кыркайся, – налетел на Дранку Котях, когда тот хотел что-то ответить Кесе.

– Да, Дранка, знай свое место. Сегодня ты упал, а завтра можешь подняться. Такова жизнь, – мудро закончил Илья.

Илья был самый здоровый в группе и мог претендовать на роль бугра, но мудро не лез. Это был спокойный увалень из деревни, далеко не глупый пацан.

Кеся с Белым были моего роста и телосложения. Спецуха – на голову ниже, но крепок и жилист. Котях был совсем кроха, но во взгляде читался вызывающий и дерзкий нрав. Во фраера он попал не потому, что побил кого-то, а потому, что был маленький, а маленьких бить запахло, к тому же у него был земляк, фраер из старенькой группы, Магадан. Одним словом, пригретыш. Таких не любили, но до времени не трогали.

– Отбой! Все по нарам! – крикнул Серый, и все тут же улеглись на свои места.

Через час, когда я уже почти заснул, меня разбудили и повели в секцию, в которой жили старенькие. Свет в секцию проникал через дверной проем, дверей не было.

Серый, как и подобает бугру, спал в дальнем от входа углу. Весь угол утопал в цветах, так что стен не было видно.

Посреди секции стоял Белый из моей группы, все старенькие лежали на своих местах, только Серый стоял на руках в своем углу. Он мог по часу стоять так. Когда я вошел, он встал на ноги, минуту смотрел то на меня, то на Белого, а потом спокойно так сказал:

– Чего стоите? Стукайтесь!

Только он произнес это, Белый налетел на меня, как таран. Он был длинный, с очень развитой грудной клеткой, а вот руки были слабоваты. Но он так ими молотил, что было похоже на мельницу. Я пытался защитить лицо от его мельтешащих кулаков. Сделал шаг назад, споткнулся о ножку кровати и чуть не вывалился в коридор. Пикарь, который стоял возле входа и следил за дубачкой, подставил руку, и это удержало меня. В секции стояла тишина. По закону меня уже можно было объявлять сучом, а раз так, то драка считается конченной. Белый стоял расслабившись, с ухмылкой на губах. И пока Светлый не произнес решающего слова, обрекающего меня на унижение до самого конца моего пребывания в спецухе, я собрал всю свою злость в кулак и этим кулаком нанес удар прямо по ухмыляющимся губам. Он секунд пять стоял с выпученными глазами, а потом рухнул как подкошенный. Я понял, что зубов у Белого больше нет, так как у меня с разбитых костяшек текла кровь. Тут поднялся большой шум. Половина кричала, что я не имел права, потому что уже проиграл драку, почти вывалившись в коридор, на пика. Другая половина считала иначе. Но решение было за Серым.

Он вышел из своего угла, подошел ко мне, потом к Белому. Тот уже пришел в себя и сидел, размазывая кровь и соплю по лицу.

Серый пнул его в грудь.

– В умывальник! Бегом!

Белого как сдуло. Когда он пробежал мимо дежурной дубачки, мы услышали ее голос:

– Да что ж это делается? Как моя смена, так кого-то бьют!

Пикарь сказал, что она идет к нам.

– Сядь на мою нару, – сказал мне Серый, а сам остался стоять посреди секции.

– Михайловна! Дорогая! Дай я тебя расцелую, – сказал он дубачке и стал ее обнимать.

– Да когда это кончится?! Меня из-за вас с работы попрут, – причитала она.

– Михайловна, ты же знаешь наши правила. Вот пришел новенький. – Серый указал на меня. – Стукались они с Белым. Белому не повезло. Такова жизнь. В общем, Михайловна, давай я тебя поцелую и иди читай свои мемуары дальше.

Она ушла.

– Кто тут говорил про какие-то правила? – спросил Серый у тех, кто голосил в пользу Белого. – Кто забыл, напоминаю, что правил у нас в стукаловке нет. Все видели, что Белый хотел вытолкнуть Марату в коридор, на пику к дубачке. Марата ответил Белому подлостью на подлость, и теперь место Белого за столом, в секции и в строю занимает Марата – по закону! Все, продернул спать, – сказал мне Серый, – завтра продолжим.

В нашей секции все спали, кроме фраеров. Когда я вошел, Илья как раз перекидывал мой матрас на место Белого.

– Теперь будешь здесь спать. Теперь ты фраер, – сказал он мне.

– Но ты не расслабляйся, – подал голос Котях. – Этим быдлом еще надо уметь управлять.

– Кого ты имеешь в виду? – спросил я.

– А всех тех, за кого ты и мы будем огребаться. Если кто-то из них, – он указал на тот ряд, где еще совсем недавно спал я, – если кто-то из них не будет врубаться, огребаться будем мы с тобой.

– Мы – фраера, они – быдло, – подвел итог Кеся.

Пришел Белый и как ни в чем не бывало лег на то место, которое до этого занимал я.

– Ну что, Белый, отфраерился, – подбежал к нему Котях. – Теперь смотри, не будешь врубаться, пойдешь под кол.

Белый молчал и прижимал полотенце к разбитому рту. Котях врезал ему в ухо.

– Чего молчишь? А может, тебя на пику определить?

– Да уймись ты, Котях, – встрял Кеся. – Что ты к нему вяжешься? Пусть отдохнет. Завтра у него новая жизнь начинается. Завтра решим, что с ним делать.

Ночь пролетела очень быстро. Казалось, я только что уснул, но вот меня уже толкает Илья:

– Давай быстрее! Не задерживайся!

В отряде стоял конский топот. Все бегом выбегали из своих секций и строились в коридоре. Когда я вышел, почти все уже стояли в строю. Я немного замешкался, но увидев злое, невыспавшееся лицо Серого, быстро сообразил, куда встать. Я отодвинул в сторону Белого и встал рядом с Ильей.

Началась обычная утренняя процедура. Серый со старшим воспетом прошли и просчитали отряд. Потом должна быть проверка на синяки (побои), но еще раньше оказалось, что кого-то в строю нет. Пересчет повторили, выяснили, что нет одного из нашей группы, Жабы. Посыпались вопросы, но никто ничего не знал и не видел. Позвали дубачку, она сказала, что ночью в туалет выходили четверо, но все вернулись. Потом выяснилось, что в три часа она сама отлучалась в туалет, и Жаба в этот момент мог проскочить на улицу.

– Всем строиться на завтрак, – сказал старший воспет.

– Бегом! – приказал Серый, и все ломанулись в каптерку одеваться.

Это было похоже на потоп или пожар, когда каждый спасается как может. В узкую дверь каптерки забегали сразу по нескольку человек, за ними вбегали следующие. Одновременно из каптерки уже бежали те, кто взял свою одежду. Вбегали, хватали одежду и обувь, и тут же спешили на выход, на ходу одеваясь, и выскакивали на улицу в строй. Кто-то падал, но этого не замечали, бежали прямо по нему. Кого-то пинали: «Куда прешь, черт!» Слышались звуки ударов. Кто-то отсталивал сапоги, которые хватанул по ошибке, но отдавать не хотел.

Я было тоже побежал вместе со всеми, но Илья придержал меня.

– Ты сейчас фраер. Не спеши. Нам принесут.

И действительно, подбежал пацаненок и подал нашу одежду. Как он нашел в этом хаосе мою, я понял потом: она была новая и сразу бросалась в глаза. Сам я вряд ли бы ее нашел, так как не помнил, куда ее повесил вчера.

Мы быстро одевались, а Илья говорил:

– Если Жаба взмыл (убежал), то, Марата, ты сейчас поймешь, что сказал тебе Котях вчера. Будем огребаться...

Мы вышли на улицу и встали в строй. Наша группа располагалась в конце шеренги. Пока ждали Серого и воспета, наши пацаны звали Жабу. Человек десять громко кричали:

– Жаба с восьмой! Жаба с восьмой!

Пришли воспет со Светлым.

– Хватит орать! Взмыл ваш Жаба! Пошли.

И сразу весь строй двинулся на питер (в столовую). Я до сих пор не могу понять, почему столовая называлась питером. Хлеб – кырка, это понятно, что-то твердое... Миска – параша – емкость. А вот столовая – питер – загадка.

Завтрак прошел еще быстрее, чем ужин, так как Серый за стол совсем не садился, он о чем-то говорил с воспетом. Я успел съесть пару ложек манной каши, и тут прозвучала команда Серого: «Параши собрать!» Все бросали ложки и куски хлеба, злобно глядя на нас, будто мы виноваты в том, что Жаба взмыл.

Пока шли от питера до отряда, в нашу сторону сыпались угрозы.

– Упустили Жабу, вам...

Со вчерашнего вечера, а собственно, с первой минуты пребывания в этом заведении я все воспринимал как пьесу-комедию, в которой действующие лица – больные пациенты из психушки. Где уж тут было думать о себе и о тех, кто остался дома.

Не успели мы войти в отряд и разуться, как раздался писклявый голос Сосиски:

– Фраера, в каптерку!

– Началось. Пошли, – сказал Илья.

– Если под кол, то терпи три удара – колонская совесть. Не вздумай кричать или падать – запахло, – наставлял меня Котях.

В каптерке сидели Серый и Магадан.

– Сейчас под кол идете вы, фраера, а с группой потом сами разбирайтесь. И так будет три раза в день, пока Жабу не поймают. Вы все, кроме Мараты, знаете, что на побег надо спрашивать разрешение у меня – закон. Жабе я разрешения не давал, значит, закон нарушен вашей группой. Теперь воспеты и мастаки будут давить весь отряд, а отряд будет давить вас и вашу группу. Но я решил, что группу никто трогать не будет, огребаться будете вы. Почему? Потому что плохо работаете с группой. Готовы? Кто первый?

Серый был спокоен, но немного бледен.

Первым на середину каптерки вышел Илья. Он прижал локти к животу и согнулся – зю – пополам. Магадан набросил ему на спину телогрейку и взял в руки черенок от лопаты. Замах с оттяжкой – и резкий удар посередине спины.

Я не верил своим глазам. Просто сцена из какого-то исторического фильма. Но это была горькая действительность, от которой нельзя убежать.

Илья выдержал первый удар спокойно, даже не шелохнулся, лишь сильнее обозначились желваки на скулах. Второй и третий удар Магадан бил по копчику, чтобы было больней, но Илья и это выдержал. Когда с него сняли телогрейку и он распрямился, то лишь по блеску бешеных глаз можно было понять, чего ему все это стоило.

Вторым вышел Кеся. Он сам накинул на себя телогрейку, прижал локти к животу и встал зю. При каждом ударе у Кеси подгибались ноги, но он падал только на одно колено, а это позволялось фраерам. Когда экзекуция кончилась, он подал мне телогрейку. Такого сумасшедшего взгляда я еще никогда не видел. Он и так был косой на один глаз, а теперь его глаза смотрели вообще непонятно куда.

– Нет-нет. Марата – новенький, пускай смотрит и учится. Будет последним. – Магадан забрал у меня телогрейку и накинул ее на Котяха. Тот принял ту же позу, что Илья и Кеся. Он был так мал ростом, что, казалось, после первого же удара переломится пополам, но в этом маленьком человечке было много силы духа. После каждого удара Котях лишь немножко приседал и очень широко открывал рот, будто хотел заорать, но не издал ни одного звука. Потом я узнал, что на выходе из каптерки у него отказали ноги и его на руках отнесли в секцию.

– Ну, давай, Марата! Будет твое первое крещение.

У Магадана после трех колонских лицо лоснилось от пота, а в глазах был то ли азарт, то ли сумасшествие. Он уже с утра успел нюхнуть бензина.

Когда я нагибался, когда на меня накидывали телогрейку, я знал, что выдержу, что должен выдержать, иначе здесь не выжить. Я так думал до того момента, пока на меня не обрушился первый удар. В глазах вспыхнул фейерверк, электрический ток прошел через каждую клетку организма. Потом свет потух, и осталась одна сплошная боль – боль была везде. Я еще не успел подумать, выдержал я или нет, а на меня уже обрушился второй удар. Этот пришелся по лопаткам. Та же невыносимая боль, искры из глаз и тьма. В ушах так шумело, что я не сразу понял, что со мной говорят. Мне стало страшно. Страшно от того, что если я не слышал, что мне говорили, значит, я потерял сознание.

То есть я упал, и теперь еще больший изгой, чем когда впервые переступил порог этой каптерки.

Но я все так же стоял посреди каптерки с телогрейкой на спине и ждал, ждал третьего, неминуемого удара. А тем временем Серый о чем-то спрашивал меня, но я то ли не слышал, то ли не понимал, чего он хочет. А случилось вот что: в каптерке появилось третье действующее лицо – Кайла. Суть сводилась к тому, что Серый давал мне шанс заслужить скащуху за то, что я с Сахалина. Для этого я должен выстоять под ударом сразу трех колов – по лопаткам, по спине, по копчику.

Мне уже было все равно, да и выбора у меня не было. Я только спросил:

– Но ведь колонская совесть – три удара, а два я уже получил?

– Три, но кто тебе сказал, что ударов будет больше? Удар будет один, но тройной. Согласен?

Я молча стоял и ждал, что же это будет.

Серый встал с одного бока – он бил посередине, а Магадан с Кайлой – с другого. Магадан бил по лопаткам, Кайла по копчику. Когда все заняли свои места, Серый сказал:

– На счет «три»!..

После первых двух ударов я воспринимал все происходящее как нечто естественное, и это меня чуть не погубило. Я стал осознавать реальность происходящего, и на счет «три» организм сам собой включил инстинкт самосохранения. Когда три кола обрушились на меня, локти сами собой поднялись, прикрывая меня от удара. Страшная боль! Мне стало ясно, почему пацаны прятали локти под животом. От боли я не завыл, не упал – я резко выпрямился и стал вертеться по каптерке, пытаюсь поднять руки. Они висели как плети, я их совсем не чувствовал. На пути попался Кайла, и я сбил его подсечкой, и в тот же миг получил крюк в челюсть. Это Серый вырубил меня. Потом меня облили водой и сказали, чтобы я бегом бежал строиться в школу. Если б не Котях, я бы еще долго искал выход, так как совсем не понимал, где я и что я. Прохладный воздух слегка отрезвил меня.

– Ну, где ты лётаешь? – заорал на меня Макс, пожилой воспет.

– В туалет ходил, – ответил за меня Котях.

На вахте наш отряд пересекся с четвертым. Впереди всегда идут бугры и фраера из стареньких групп. Во главе четвертого отряда шел Шира. Когда наши отряды поравнялись, Шира перекинулся с Серым приветствиями, а глазами кого-то искал.

– Тебя ищет! Ох, и огребешься ты! – заметил мне Кеся.

И в этот миг наши глаза встретились. В глазах Шири ясно читалось: ты труп. Мне впервые в жизни стало не просто страшно, а жутко. Жутко до коликов в кишках. Но я смотрел ему прямо в глаза и делал вид, что мне наплевать на его ненависть. Наши отряды разминулись. Четвертый вели в литейный цех.

До начала урока оставалось минут пятнадцать. Мы вчетвером зашли за угол, и Илья сказал, что в обед нас снова поставят под кол и вечером тоже. А поэтому нам надо вечером всю группу через кол пропустить. Все были солидарны с Ильей – такова жизнь.

Прозвенел звонок. Я с Кесей был в одном классе. Первый урок всегда был математика, и вела его наша классная руководительница Нина Николаевна, полная и добрая женщина. Нам раздали тетради и ручки. Классная что-то говорила, все что-то писали, а я никак не мог сосредоточиться. Я лишь делал вид, что пишу. Я видел только глаза Ширы и каждой клеткой ощущал опасность. Нина Николаевна это заметила и, когда урок кончился, попросила меня остаться.

– У тебя неприятности с мальчишками? – спросила она.

– С чего вы взяли?

– Я не первый год работаю и все вижу.

– Раз видите, так чего спрашиваете?

– Ладно, иди на перемену, а то покурить не успеешь. Перемены у нас короткие – три минуты.

Уже в дверях я услышал, как она сказала почти про себя:

– Бедные дети...

Я обернулся и увидел, что она смотрит мне вслед и плачет.

В коридоре на первом этаже собралась почти вся школа – первый и второй отряды. Все стояли почти вплотную друг к другу. Из-за дыма резало глаза – почти все курили. Я стал искать своих. Протискиваясь через толпу, я вдруг почувствовал острую боль под левой лопаткой. Схватился рукой и понял, что в спине что-то торчит. Стала кружиться голова. Я обернулся. Последнее, что я увидел, – рыжая голова. Это был Пес, он быстро продвигался к выходу. Очнулся я и не сразу понял, где нахожусь. Было такое чувство, что я качаюсь на качелях, но почему-то лежу на животе. Потом понял – лежу на одеяле и меня куда-то несут.

– Он очухался, – сказал чей-то знакомый голос. Рядом были Илья, Кеся, Спец и Дранка – они несли меня в санчасть. Я хотел перевернуться, но от острой боли снова отключился.

Второе возвращение в реальность было уже в больнице поселка Теплое Озеро. Мне сделали операцию, вынули нож, который всего од-

ного миллиметра не дошел до сердца. Я еще не отошел от наркоза и потому не чувствовал ничего – легко и свободно. Ведь я действительно был на свободе. Пусть временно, но это была свобода. Заходили медсестры, проверяли капельницу. Стояли и смотрели на меня, как на привидение. А я и был привидением – бледно-синий и худющий. Зашла лечащий врач Ольга Семеновна, все сразу разбежались.

– Ну, пришел в себя наконец? Здоров же ты спать, парень.

Ольга Семеновна померила мне давление и сказала, что лучше бы мне еще поспать.

– Пойду скажу мастеру, что ты пришел в себя.

Вошел Морячок.

Нет, только не это! Больше всего мне сейчас не хотелось видеть кого-то из колонии. На меня вдруг навалилась такая усталость. Я закрыл глаза и отключился. Я просто заснул. Проспал я всю ночь и проснулся утром от укола – мне ставили капельницу.

Когда медсестра, поохав и повздыхав, ушла, снова появился Морячок.

– Поговорим?

– О чем?

– Понятно, что ты не видел, кто тебя ударил. А что ты думаешь по этому поводу? Хотелось бы знать.

– А зачем?

– Ты же должен помнить наш разговор.

– Забыл.

– Ну если ты и дальше будешь корчить из себя героя, то в следующий раз тебя точно убьют.

– Если успеют.

Я начал заводиться, плечо уже болело, да и все тело тоже.

Нужно отдать должное – Морячок это заметил и позвал медсестру.

– Что-то он бледный стал. Может, укол какой сделать? – спросил он у сестры.

– Все в капельнице. Сейчас прокапает, и он уснет. Вы бы не утомляли его сейчас. Пусть отдохнет. Завтра можно будет его забрать, там и наговоритесь.

Значит, завтра мне снова в прожарку... А так хорошо лежать здесь и ни о чем не думать.

А если сбежать? Я стал думать, как это сделать, и не заметил, как уснул.

На следующее утро после капельницы я снова уснул, а когда проснулся, то не сразу понял, где я. А был я уже в зоновской санчасти. Они

предусмотрели и то, что я могу убежать по дороге, и снова набуторили в капельницу реланиум.

Следующие две недели я провел в санчасти. Каждый день приходили мастера, старший воспет, Сергевна. Всех интересовал один вопрос: кто ударил меня ножом? Ответа они не получали, а потому каждый раз перед уходом говорили, чтобы я получше вспомнил все и рассказал. В противном случае они за меня не отвечают. Но больше всех пугала Сергевна. Ей это как будто удовольствие доставляло. Толстая, с длинным острым носом, глаза навывкате, как у рыбы. Лицо постоянно опухшее. Верхняя губа тонкая, а нижняя как у Поля Робсона. Одним словом, мисс Известковое. Но надо отдать ей должное – она одна вычислила, что исполнителем был Пес.

– Не хочешь, не говори! – визжала она. – Но когда тебя снова избьют, потом выебут и еще проделают в тебе пару дырок, может, тогда что-нибудь поймешь. Врубаться надо!

Так она каждый раз заканчивала свою гневную тираду. А язык у нее был похлестче, чем у портового грузчика.

Конечно, каждый день приходили пацаны. У нас в группе появился новый фраер – Саша Рубцовский. Он занял сейчас мое место. Он, как и я, стучался с Дранкой и уделал его в одну минуту. Бедный Дранка. С Рубцовским мы очень быстро нашли общий язык. Он приходил ко мне по три раза в день. Мы о многом говорили, но главной темой была свобода.

Пацаны рассказывали, что многие видели, как Пес воткнул мне стилет в плечо. Всех опрашивали, но все молчали. Но самое главное было то, что в тот же день Серый сломал Псу челюсть, и сейчас Пес тоже лежит в санчасти. Говорят, что нас хотели положить в одну палату, но потом передумали. Не из-за того, что знали расклад, а из-за того, что боялись – вместе бежать легче.

Серый пришел на третий день. Принес куражей (пряников, конфет, сала и сигарет).

– Не знаю почему, но ты мне нравишься, – сказал Серый. – Мне кажется, что ты, один из немногих, настоящий. А вокруг одни приспособленцы. Но этим ты и опасен. Чем именно, сказать пока не могу, но чувствую, что натворишь ты здесь дел. Ладно, поправляйся. Разберемся.

Когда Серый протянул мне руку, я сказал:

– Спасибо за Пса.

– Уже настучали.

После его ухода меня не оставляло чувство, что зря я сказал ему про Пса. Но я даже представить не мог, насколько зря.

Утром после завтрака, как всегда, прибежал Рубцовский. Передал пачку махорки и сказал:

– Сегодня базара не будет. Вчера Серый от тебя пришел злой как волк. Собрал всех нас в каптерку и, ничего не говоря, пропустил нас через кол. Сейчас снова.

Рубцовский убежал, а я стоял ошалевший и думал: «Вот оно, это самое зря».

В обед пришли все, но говорили со мной только Илья и Рубцовский. Кеся, Спец и Котях стояли особняком. Видно было – злятся.

Оказывается, с утра, когда всех пропустили через кол, Илья спросил, за что.

– Меньше языком трепать надо, – сказал Серый и выгнал всех.

И они пришли к выводу, что это я что-то сказал Серому. Я слово пересказал свой разговор. И конечно же сказал, что еще вчера понял: что-то я сделал не так. Кеся сказал, что за это он будет со мной стучаться.

– За что? – спросил я.

– Ты нас сдал! – заорал Кеся и подскочил к окну.

– Да уймись ты, Кеся, – взорвался Илья. – Никого он не сдавал. Здесь что-то не так. Подумать надо.

– А, вот вы где!

Серый подошел неслышно, так как все мы были возбуждены и говорили громко.

– Что у вас тут за дерibas? Что затихли? Значит, Кеся считает, что Марата вас сдал? Я думал, Кеся, что ты умнее. А ты только кулаками махать можешь, а мозгов у тебя маловато. Взмыли все отсюда быстро, кроме Ильи.

Я уже не раз замечал у Серого такие резкие перепады. Вот только что был спокоен и вдруг взрывается.

– Вот что я вам скажу, фраера, – прервал мои мысли Серый. – Я не на вас злюсь, а на то, что, если вы сумели сопоставить события того дня, то это нетрудно сделать мастерам и воспетам. Поторопился я с Псом. Нельзя было в тот же день его бить. Ведь если сложить одно с другим, то нетрудно рассчитать, что Пса я прибил за Марату. То есть я сам определил Пса мастакам. А вы просто под горячую руку попались. – Серый посмотрел на Илью. – Надо было на ком-то оторваться. Трепать меньше будете.

– Второй, строиться! – раздался крик на всю зону.

– Нам пора. Не болей.

– Скоро выпишут.

– Ждет тебя сюрприз...

Серый протянул пачку сигарет и ушел. Ильи уже не было. Он ушел сразу, как услышал команду.

Первый сюрприз я получил уже через два часа. В палату ко мне зашел Морячок.

– Я пришел тебе сообщить, что сейчас в соседнюю палату из машины перенесут Пса.

Морячок очень внимательно смотрел мне в глаза. Я понял его игру и взгляда не отвел.

– Ну, конечно же я не собираюсь на тебя давить, – улыбаясь сказал он и сунул пачку папирос «Волна» мне под подушку. – Я лишь прошу тебя быть благодарным.

Я сделал вид, что ничего не понимаю, и честно смотрел Морячку в глаза.

– Я хочу напомнить тебе наш первый разговор. Если ты сейчас будешь мстить Псу, это будет большой минус в твоей репутации. Не мрай об эту мразь руки. Придумай что-нибудь оригинальное. Да о чем это я, – как бы спохватился мастак. – Ты же сам еще новенький и мало что знаешь.

Ухмыляясь, он ушел.

Зашли пацаны и сказали, что в соседнюю палату положили Пса, что его привезли из вольной больницы и поэтому он спит так же, как спал я.

– Это реланиум, – сказал я. – Его добавляют в капельницу, чтобы мы не убежали. Вот, берите пачку папирос и идите к Псу. Когда он проснется, позовите меня.

Вся зона знала о том нашем стукалове в кандее, а потому пацаны все поняли и с заговорщицким видом пошли сторожить Пса, его пробуждение.

Я же лег и стал думать, какой сюрприз ему приготовить. Через полчаса в палату ко мне вбежал Кызыл и сказал, что Пес проснулся. Еще он сказал, что только Пес увидел Кызыла и Колхоза – а оба они из его отряда, – как накинулся на них, сгоняя зло. Колхоза запряг чистить себе сапоги, а Кызыла погнал к дубачке на вахту – шустрануть курехи.

– На! – Я протянул Кызылу пачку махорки. – Возьми еще газету и спички и неси. Скажи, что на будке Томка в настроении... чтоб правдоподобно было, что ты так быстро сбежал.

Кызыл ушел, но через минуту вернулся.

– Как ему Серый челюсть сломал, он вообще озверел. Я когда зашел, он бил Колхоза по голове сапогами за то, что плохо блестят. А как они будут блестять, если крема нет?!

Кызыл стоял, он не знал, что делать дальше. Махорка, газета и спички так и остались у него в руке.

– Оставь себе, – сказал я и пошел в палату к Псу.

У двери я остановился и прислушался. В палате было на удивление тихо. Я потянул дверь на себя, но она оказалась запертой изнутри. Я вернулся к себе и попросил Кызыла вылезти в окно и посмотреть, что творится у Пса в палате. Мы отогнули гвозди, вынули стекло, и Кызыл, несмотря на свою комплекцию, вылез на улицу. Через пару минут он вернулся. Его нельзя было узнать: лицо то ли испуганное, то ли хитрое. Он ничего не говорил, только выкатывал глаза, открывал рот и махал мне рукой, зовя к себе. Я потихоньку вылез, и мы подошли к окну палаты, где лежал Пес. Я увидел настоящее порно: Пес с Колхозом лежали на одной кровати, штаны у них были спущены, и они дрыгали друг друга.

– Вот так Пес! Да он же маслобой!

Я был в шоке и минуту наблюдал за тем, как они корчатся от удовольствия.

Что делать? Я раздумывал: ведь я впервые столкнулся с таким, надо было понять, что к чему. Но Кызыл вдруг оттолкнул меня, ударил ногой в окно так, что стекло вылетело, и с криком «Маслобой!» вскочил в палату и стал избивать Колхоза, а тот не знал, то ли ему штаны натягивать, то ли от ударов защищаться. Только потянется за штанами, Кызыл его бьет в голову, только закроет голову, Кызыл его в живот.

– Я с тобой, животное, всем делился, а ты был маслобоем! А может, ты еще и вафля? Петух? Да я тебя убью, животное! – вопил Кызыл.

Я стоял у окна и молча наблюдал за происходящим. На Колхоза мне было плевать. Я следил за Псом. Когда Кызыл ворвался в палату, Пес тут же соскочил с кровати, натянул штаны и зажался в углу. Он не отрываясь смотрел на меня. В глазах читался животный страх. Оно и понятно: он же понимал, что с ним сделают, когда он вернется в отряд.

Хлопнула входная дверь, это с обеда вернулась врачиха. Я заскочил в палату и оттащил Кызыла от Колхоза, который лежал весь в крови. У него не было сил даже натянуть штаны. Я накинул на него одеяло.

– Что у вас тут происходит?!

Это начальница медчасти пришла посмотреть на Пса.

– Помогите! – заорал Пес и бросился за ее спину. – Они избили Колхоза и хотят убить меня!

Он визжал так, что лопнули шины у него на челюсти.

Врачиха подняла одеяло, глянула на то, что лежало под ним, пощупала пульс, схватила Пса за руку и с ним выскочила из палаты, закрыв за собой дверь на шпингалет.

– Сейчас вызовет мастаков и Сергевну...

– Пиздец нам, – как-то обреченно пробурчал Кызыл.

У меня же было другое мнение. Собственно, мне было плевать на последствия. Меня радовало одно – Пес был наказан.

Я ушел к себе в палату, но перед уходом сказал Кызылу, чтобы он поднял Колхоза.

– Пусть умоется! Меньше будет страсти... А то размазал кровяницу по всей роже...

Уже из палаты я слышал, как Кызыл пинками гнал Колхоза в умывальник.

Минут через пятнадцать, когда простыни с кровати были завернуты в газету и утоплены в нужнике, а сам Колхоз, умытый, лежал почти без сознания на матрасе, влетела Сергевна, за ней почти все мастера, а замыкали тревожную группу начмед и замполит.

Сергевна с начмедшей, как квочки, вились вокруг Колхоза, определяя тяжесть его травм. А ужас был голимый: сломан нос, сломано ухо, выбита челюсть. Лица не было видно совсем – сплошная гематома. Еще подозревали разрывы чего-то у него внутри. Как потом оказалось – разрыв селезенки.

– Звери! Звери! Ублюдки! – визжала Сергевна.

Мастера в это время пытали Кызыла, но он только посылал их на х...

– Где этот недобитыш? – сквозь шум долетело до меня. Я понял, что Сергевна имела в виду меня, а потому стал внимательно прислушиваться.

– Лучше б он не выжил! А то возят их, жизнь им спасают, а они потом сами пацанов калечат. Где этот недобитыш? Я тебя спрашиваю! – Это она Кызылу.

– Пошла на х... – был ответ, а потом что-то загремело. Это у мастера лопнуло терпение, и он зазвездил Кызылу в торец.

– Вы меня имели в виду?

Я был совершенно спокоен. Стоял в дверях и прямо смотрел Сергевне в глаза.

– Тебя! Тебя, звереныш!

Сергевна подскочила и, целясь в лицо, хотела меня ударить. А кулак у нее был что надо – гренадер в юбке!

– Успокойтесь, Сергевна!

Морячок перехватил ее руку.

– Здесь разбираться не будем – кто кого и за что. Я прихожу, а вы уже в кандее. Сергевна проводит.

Та, как гадюка, зашипела и пошла к выходу.

– Быстро собрались, жду одну минуту, – бросила она нам.

Я зашел к себе в палату, взял пачку «Примы» и спички, засунул это все в носки и вышел. На улице уже стояла машина «скорой помощи», в которую грузили Колхоза. Он совсем потерял сознание. Когда машина тронулась и мы пошли вслед за ней, я сказал Кызылу:

– Хорошо бы он не очухался. Тогда все свалили бы на Пса.

Ничего другого нам не оставалось. Сколько нас не били мастаки, мы повторяли одно:

– Колхоза избил Пес.

Мы сидели в кандее, а Пес за стеной, в комнате свиданий. Кандей был один, и мы могли с Кызылом все обсудить.

Но на третий день все изменилось. Утром после развода мы ждали очередных допросов, но к нам никто не приходил. И лишь перед обедом вызвали Кызыла. Больше я его не видел. Приехали менты и увезли его в Теплое Озеро на КПЗ.

На второй день Колхоз очнулся в больнице и все рассказал. Именно все. Он сказал, что уже полгода Шира и Пес насиляют его и иногда заставляют делать то же самое с ними. В зоне это узнали только после суда, два месяца спустя. Кызылу дали три года, а Шире с Псом по два. Всех отправили на малолетку в Биробиджан. За Колхозом приехала мать и увезла его домой. Его активировали по состоянию здоровья.

Такого ЧП в зоне не было ни разу. Старенькую группу, в которой были Шира и Пес, в срочном порядке представили на комиссию и отпустили по домам. Их боялись оставлять. Им уже никто не врубался, и нет-нет да избивали. Поэтому вся группа всегда держалась вместе, даже в туалет ходили по три-четыре человека. По одному боялись.

– Минеры! – кричали им при встрече.

В кандее я просидел десять суток. На девятый день пришел мастер, Морячок. Вначале мы молча курили, а потом он сказал:

– Ну что я говорил?

– Вы о чем?

– Да о том, что быть тебе бугром. Только теперь тебе надо стричь ушами на 360 градусов. И будь очень осторожен в разговорах и поступках. Сейчас только и будут ждать, чтобы ты где-то впорол косяк. Будут автоматом к этому подводить. Держись! Не хотел бы я ошибиться в тебе.

Меня вели в отряд. Глазами меня провожало множество пацанов, и ни в одном взгляде я не видел ни презрения, ни ненависти.

В отряде меня сразу позвал Серый, и мы часа три с ним говорили до отбоя и часа два после. Первое, что он мне сказал, что они с группой

уже прошли комиссию, скоро будет утвердон, и они разъедутся по домам. Седьмая группа, которая сейчас полустаренькая, станет старой, а мы полустарыми. Тогда сразу начнут набирать новую группу. Он мне сказал, чтобы я остерегался Шишка, бугра четвертой группы. Он станет бугром отряда после Серого. Потом он начал посвящать меня во все тонкости колонских законов. Столько всякой белиберды надо было запомнить! Когда я пошел спать, голова у меня гудела, как котел.

Напоследок Серый сказал:

– Кем бы ты ни был, никогда не лютуй над пацанами и не иди против фраеров. Будь жестким, но справедливым.

Уснуть в эту ночь мне так и не удалось. Я вновь и вновь прокручивал все, что он мне наговорил. Это становилось моей жизнью, но тогда еще я этого не осознавал.

На следующий день нашу группу отправили в третью зону грузить дрова для столовой. Третья зона не охраняется совсем, в ней склады, котельная, дизельная и свиарник.

Машина стояла возле кучи чурок, наваленных возле самого забора, в котором была огромная дыра, а за ней – воля... Ко мне подошли Илья и Хабарян.

Серый дал добро на побег. Ему терять нечего – документы уже пришли, всех утвердили.

– Хочешь, бежим вместе. Рвем в Хабаровск к Хабаряну, там он нас устроит. Соглашайся. Отказываться нельзя – рванет вся группа.

За старшего у нас был Бокс из седьмой группы. Он стоял возле дыры. Шофер стоял с другой стороны. Когда машина была уже загружена, Илья закричал:

– Восьмая группа, слушать всем меня! На волю!

И началось. Шофера и Бокса смело как волной, двадцать пять человек бросились по полю врассыпную. Но это только с виду казалось полем, на самом деле это осушенное болото, и бежать по нему очень трудно – кочка на кочке, и все травой поросло.

Мы бежали втроем и не обращали внимания на то, что происходит вокруг. Мы бежали к лесу, а до него надо было еще пересечь речку, в ноябре-то...

Другие пацаны, ошалев от неожиданной свободы, бежали либо просто по полю, либо в сторону вокзала. И то, и то равнозначно провалу. За ними даже не бежали. Осталось двое мастаков следить, кто куда рванул, а остальные на двух машинах поехали вокруг болота собирать беглецов. У тех уже не было сил, чтобы самим забраться в ку-

зов. Четверо сломали ноги. Мастерам приходилось закидывать их в кузов.

Кроме нас ушли еще двое. Их судьба неизвестна. Больше о них никто не слышал.

Мы уже переходили речку, когда раздался выстрел и прозвучал голос: – Всем лечь в воду! Стреляю!

Мы и без того были по пояс в воде, такой холодной, что сводило ноги и яйца. О том, чтобы лечь в эту воду, и речи быть не могло.

Мы стояли как вкопанные. Крик повторился, из кустов вышли двое охотников. Илья первый пришел в себя и зашептал:

– Не бойтесь, по нам не стрельнут. Мы не судимы, не имеют права.

Мы медленно выходили на берег. Холодно было ужасно, нас кололо, так что вид был жалкий. Охотники подошли совсем близко. Один орал: «Урло проклятое! Стрелял бы всех!» Он замахнулся на Илью, и когда в голову Илье летел огромный мужицкий кулак, тот как-то пригнулся, кулак воткнулся в пустоту, Илья выпрямился, толкнул мужика в живот, и вот он уже в реке. Падая, он выронил ружье. Илья поднял ружье и огрел им мужика по спине. Тот так и лежал в реке.

Второй кинулся к нему:

– Утонет же!

И тут же получил ружьем по почкам, лег рядом.

Мы забросили ружья в реку и побежали в лес.

Мы бежали долго, лишь бы подальше от того места, где оставили охотников. Остановимся минут на пять и снова бежим. Присесть или прилечь и подумать нельзя было – одежда-то мокрая, а в ноябре уже стоят заморозки. Мы бы, наверное, так и бегали по лесу, пока бы не рухнули без сил. Это означало замерзнуть. А сил уже не оставалось совсем, спать хотелось страшно – мы уже замерзли, хотя спины были мокрыми от пота, а ноги – от речной воды. И тут Хабаровян завопил:

– Дом! Дом, – повторил он.

Мы думали, у него крыша поехала, но он показал рукой, и мы увидели сквозь деревья дом. Когда подошли поближе, поняли, что это просто избушка.

Мы до того устали и замерзли, что еле тащили ноги. Нам уже было наплевать, что нас ждет.

Дверь была закрыта снаружи на засов. Замка не было. Значит, там никого нет. Это придало нам сил, и мы шагнули через порог. Это была чистая и теплая комната четыре на четыре. В ней были широкие двухъярусные нары с матрасами и одеялами. Посередине стоял стол с двумя лавками. Но главное – была печка (еще теплая!) и запас дров к ней.

Мы сразу ее растопили, сняли и повесили сушить мокрую одежду. Потом залезли на нары, закутались в одеяла и тут же заснули. Проспали весь остаток дня. Когда проснулись, в комнате горела керосиновая лампа, а за столом сидел второй охотник, которого огрели по почкам. Ружье было направлено на нас, но он улыбался.

– Ну, что, беглецы? Проснулись? Если не будете шалить, то на печке горячий чай и каша с тушенкой.

И действительно, в избушке стоял теплый такой аромат, что мы повскакивали и прямо голые набросились на еду. А мужик пересел на нары, смотрел на нас и приговаривал:

– Умаялись, сынки. Что ж вас страна не бережет, с таких-то лет по зонам...

Но при этом ружье смотрело на нас. Нам было не до него. Мы съели все, что мужик нам приготовил, и выпили весь чайник, заедая сухарями. Только наевшись, стали одеваться – шмотки уже просохли.

– А теперь, сынки, залазьте на нары и отдыхайте до утра. Утром вас заберут. А я за столом вас караулить буду. Чтоб не уснуть, буду рассказывать вам байки наши охотничьи. Я же с 12 лет здесь с отцом все леса обходил, каждую тропочку знаю. Зовут меня Мишкой. Хотя имя-то у меня другое, но я его вспоминаю, только когда иду на почту за пенсией. Пятьдесят девять мне уже, хотя выгляжу моложе. Это от того, что я всю жизнь в лесу и не курил никогда.

Тут он встал (ружье на нас).

– А ну, марш на нары. Так спокойней мне, и вам удобней.

– А как же в туалет? – спросил Хабарян.

– А вон в том углочке, за дровницей, есть ведро. Шторку задерни и делай свое дело. Это у нас на случай непогоды.

Хабарян сходил в угол. Потом и я с Ильей.

– Вот вам орешков, чтоб нескучно было, – сказал Мишка и кинул нам мешок с огромными кедровыми шишками. – Здесь этого добра навалом кругом. Вот только лазить за ними не с руки – высоко, так мы их из ружья снимаем. А знаете, почему меня Мишкой зовут? Гляньте-ка в тот угол. У верующих там икона висит, а у меня – он.

Под потолком, в углу, висела огромная медвежья голова.

– Этого медведя я в пятнадцать лет, можно сказать, голыми руками взял. Были мы с отцом километрах в ста отсюда, там такое же зимовье стоит. Зима, пуржит малость, ну, мы с отцом и решили переждать, а уж домой собирались. Отец вышел до ветру, и тут слышу – кричит что-то. Хватаю керосинку и на улицу, а там вот этот отца ломает. Зима, а ему не спится, пошатунить решил. Я с перепугу забыл и про ружья. Под-

скочил сзади и как трахну ему лампой вот по этой башке. Лампа вдребезги, керосин по его шкуре разлился и вспыхнул, как факел. Медведь заревел, отца отпустил и в лес. Ночь, а по лесу факел несется с ревом. Отца он сильно подрал тогда. С тех пор он больше не ходок в лес. А мишку через два дня нашли охотники и на санях притащили... Так меня и прозвали Мишкой.

– Ну ладно, Мишка, ты травы свои байки, а мы спать.

– Вот это правильно. А я пока еще чайку сварю.

Мы смотрим на Илью, а тот завалился и нам маякует. Легли мы к нему поближе с двух сторон. Он говорит:

– Сейчас ложимся спать, а утром я вас разбужу. Я в зоне всегда до подъема просыпаюсь. Нам нужны силы назавтра. А Мишка до утра измается, мы его и скрутим...

Мишка гремел посудой на печке, что-то еще рассказывал, но я его уже не слышал. Я так хорошо спал в эту ночь! Мне снилась Светка, мама, сестренка.

– Подъем!

Я подскакиваю. Сразу ничего сообразить не могу. Илья с Хабаровым еще спят.

– Что за подъем? Кто орет?

– Вставайте, черти, вставайте!

Мы поднимаемся.

– В общем, так, сынки, – говорит Мишка, – сейчас плотно завтракайте и дуйте отсюда. Я тут вам подсобрал в дорожку сала, тушенки, сухарей, махорки, спичек.

Мы смотрим на Илью. Тот пожимает плечами. Встаем. На столе макароны с тушенкой, нарезанное сало, чай. Едим молча, а Мишка нам объясняет:

– Сидел я ночь, сынки, думал и решил отпустить вас. Сюда придут часа через два. У вас будет время уйти далеко. Я вам покажу, куда идти, чтоб не заблудились, а там... Может, грех то, что я делаю, а может, наоборот, я тем самым с себя грех снимаю. Поели? Вот вам рюкзак с едой. Вот вам тулупчик и валенки.

– А валенки-то нам зачем? – смеется Хабаров.

– Ты зря смеешься. Еще спасибо скажешь Мишке потом.

Мишка подвел нас к лесу.

– Зарубки видите? Иди ровно по ним, они вас к поселку выведут. Но в поселок не ходите, побьют. Там железка огибает поселок и сбавляет ход. Ну, проваливайте, сынки.

Мы шли часа четыре, пока зарубки нас не вывели к поселку домов в двадцать. Товарняки шли, груженные лесом, один за другим. Но не полезешь же на лес. Стали ждать. Перекусили.

Часа через три появился товарняк с лесом, а сзади у него пять гондол (платформы с высокими бортами). Мы туда и загрузились. Гондола почти под борт была нагружена рудой, но если лечь, то мы как раз умещались. По дороге мы вообще разгрузили один стык, и стало совсем хорошо. А на третьей остановке мы оказались вновь в Известковом. Но мы – дальше и так доехали до Биры. А там гондолы отцепили и поставили в тупик.

Нужно сказать спасибо Мишке за его валенки. Если б не они, то поморозились бы мы. А так каждые полчаса валенки переходили с ног на ноги.

Дальше до Хабаровска ехали на цистерне с нефтью. Вот где хватили горя – ветер морозный свищет, того и гляди сдует, а варежек нет, руки пристают к металлу. А когда состав пошел под Амуром – вот это был ужас. Как в гостях у Сатаны побывали.

В Хабаровск приехали как черти, перемазанные в нефти. Замерзшие до костей и мокрые. Затерялись в толпе новобранцев. По одному сходили в туалет, умылись немного. Хабаровянин оставил нас на вокзале и поехал домой.

– Возьму у отца машину, и за вами, – сказал он.

Мы ждали, ждали, да уснули.

Разбудили нас двое ментов и мужик.

– Вы такие-то? – спросил мужик.

– Нет, – говорим мы.

– А откуда вы?

– Да в армию везут...

А сами глядь – зал-то и пуст.

В общем, вывели нас. Посадили в «Волгу» двадцать первую и привезли в детский приемник. Помыли в бане, переодели, и в камеру. А в камере сидит Хабаровянин.

Мы на него накинулись, а он объясняет:

– Приехал домой, рассказал все родителям. Меня помыли, накормили, и отец поехал за вами. А минут через двадцать меня взяли менты, и сюда.

Оказывается, отец заехал в ментовку и все рассказал. Одни менты поехали за Хабаровянином, а двое других и отец Хабаровянина – за нами. Вот и свиделись вновь.

В хабаровском детприемнике мы просидели целый месяц. Потом за нами приехали двое мастеров и повезли нас обратно в Известковое.

Десять суток мы просидели в кандее. Каждое утро приходили мастера и били нас. Били не спеша, с расстановкой и оттяжкой. Били так, что камера кандея (шесть на четыре) казалась нам спичечным коробком. Должен сказать, что Морячок меня никогда сам не бил, но очень внимательно наблюдал за этим процессом. Потом он мне скажет, что это была своеобразная проверка на прочность.

На одиннадцатый день нас вывели в отряд. За месяц власть в отряде сменилась. Серый и его группа освободились. Бугром отряда стал Шишок. Его группа, когда была новенькой, натерпелась и теперь, догнавшись до власти, лютовала страшно. Мне пришлось в первый же день вспомнить слова Серого: «Берегись Шишка». Нас завели в каптерку, где собралась верхушка – Шишок, Бокс, Бак и Мошь.

– Я знаю, что у вас было разрешение от Светлого на побег, и спрашивать за это с вас не будут, – сказал Шишок. – Но вот Бокс к вам имеет: ведь вы подняли на него руку при побеге, а это по закону запрещено. А поэтому каждый из вас сейчас пройдет через кол. Бокс лично прорубит каждого. Давай, Бокс, не тяни.

Бокс встал. Вытащил кол, и, глядя на Илью, сказал:

– Зю.

Илье кинули телогрейку, он нагнулся вперед, руками упершись в колени, чтоб не подогнулись, а локти упер в живот. Иначе руки непроизвольно поднимались, чтобы закрыться от удара. Были случаи, что руки от удара ломались, но редко. Обычно ушибленная рука повисала плетью недели на две.

Бокс бил со всей силы, с оттяжкой и злостью. После каждого удара спина Ильи прогибалась дугой, но он стоял как монолит. Лишь на третьем ударе на пол капнула кровь из прокушенной губы.

Три удара – колонская совесть. Больше по закону бить нельзя. С Ильи сняли телогрейку, он, не разгибаясь, отошел в угол и сел на пол, утер кровь с прокушенной губы, закрыл глаза и так сидел до конца прорубки.

Следующим били Хабаряна. Первый удар он выдержал, хотя одна нога все-таки подогнулась, и он упал на одно колено – это позволительно. Второй удар пришелся по копчику. Тело Хабаряна выпрямилось, потом ноги взлетели вверх, и он с воплем рухнул на спину, крича от боли и катаясь по полу.

– Суч, – сказал Шишок.

Бокс, Бак и Мощь стали бить Хабаряна ногами.

– Сучара! На! Получай!

Били до тех пор, пока Хабарян не заполз под стеллаж для одежды. Судьба его была решена.

Подошла моя очередь. К этому моменту я уже мало что понимал. Происходившее казалось сном, в который трудно поверить.

– Ну что, Серого пригретыш? Может, сразу под стеллаж залезешь? Зато бить не будут... – сказал Шишок.

Я молча нагнулся, уперся руками в колени и локтями в живот. Закрыв глаза. Закусил губу. Последовал удар. Из глаз полетели искры, ноги подкосились и задрожали, но я устоял. Губа была прокушена, из нее текла кровь.

– Давай, Бокс! Дай ему еще! Второго удара ему не выдержать, – кричал Мощь.

Я стоял и ждал, но Бокс не спешил. Он ходил кругами вокруг меня, видимо, присматривал место, куда побольнее ударить. Удар был настолько неожиданным, что я едва не заорал, но спасла прокушенная губа – рот был полон крови. Правда, я упал на одно колено, но тут же вскочил.

– Добейте его валетом, – сказал Шишок.

Валет – это когда бьют в три кола. Я уже проходил через это, но и подумать не мог, что придется еще раз такое вытерпеть.

Когда Бак и Мощь тоже взяли колы, Шишок снова спросил:

– Может, под стеллаж?

Сказать я ничего не мог из-за крови во рту, да и мозг был просто отключен от реальности. Я лишь отрицательно мотнул головой. И тут же последовал тройной удар.

Страшная боль и мрак. Через секунду я очнулся, стоя на одном колене и упираясь одной рукой в пол. Мне что-то кричали, но я не понимал, чего от меня хотят, и не мог пошевелить пальцем.

Потом меня подняли и унесли в пустую секцию, в которой хранились матрасы, и бросили на них.

Когда я пришел в себя, рядом лежал Илья.

– Сколько я здесь? – спросил я его.

– Да с полчаса. Ты просто спал.

Потом встал, протянул мне руку и помог встать. С минуту мы смотрели друг на друга.

– Я выдержал? – спросил я.

Илья обнял меня и сказал:

– Мы выдержали. Мы выдержали оба.

Так мы стояли обнявшись и плакали. Нас никто не видел, и мы могли себе это позволить. Ведь мы были еще детьми. Нам было по 14 лет.

– Давай покурим.

Илья достал пачку махорки и газету.

– Шишок дал.

Мы свернули по тарочке. Спичек не было. Мы вырвали клоч ваты из матраса и бросили его на лампочку. Когда вата загорелась, мы с наслаждением задымили.

– Ты-то как? – спросил я Илью.

– Да нормально. Мне не впервой, не то что тебе. Да и валета мне не делали.

Мы помолчали. Потом Илья спросил:

– Ты стукаться сможешь?

– А что? С кем?

– Шишок сказал: «После отбоя». Сейчас в группе на наших местах фраерами Дранка и какой-то новенький. Нам снова нужно будет стукаться за свои же места.

– Илья, выбора у нас уже нет. Если мы бастанем, нас начнут гноить свои же, и ничего мы сделать не сможем – закон. А что с Хабаряном?

– Не знаю. Они там закрылись с ним в каптерке. Когда я уходил, они позвали Усранку, и тот гульманул (плюнул) Хабаряну в рожу. А это уже все, таких не разминируешь – ведь Усранка – говноед.

– Хабаряну пиздец. Опустят его. И ничего тут не сделаешь – закон. Выживает только сильнейший, и мы с тобой, Марата, должны выжить. Ну что, пойдем к нашим? Посмотрим, что там за перемены? Или отдохни еще здесь. Шишок сказал, чтобы сюда никто не заходил.

– Я бы еще поспал. Что-то мне нехорошо совсем.

– Ну спи, а я еще тарочку курну.

– Дашь мне курнуть?

Пока Илья мастырил тарочку и чухмарил вату, я заснул.

Перед отбоем Илья разбудил меня и сказал, что меня зовут в секцию к стареньким.

Я встал. Тело слушалось, но все болело. Особенно болела спина. Я попробовал нагнуться. Получилось, хотя и с трудом. Пару раз присесть тоже удалось.

– Ну, я пошел...

– Держись там.

В секции вся группа была в сборе.

– Стукаться будешь? – спросил Шишок.

– Буду.

– А с кем, знаешь?

– Какая разница. У меня все равно нет выбора.

– Вот это точно.

– А выдержишь? – съехидничал Бокс.

– Не знаю...

– Позовите Дранку, – велел Шишок.

– Ну что, Дранка, вот у тебя есть еще одна возможность доказать, что ты достоин занимать место за первым столом.

Шишок внимательно следил за реакцией, а Дранка стоял как потерянный.

– Стучайся! Бей Марату!

Дранка как-то съежился, потом распрямылся и резко бросился на меня. Я же просто упал ему в ноги. Он потерял равновесие, перелетел через меня и шлепнулся на пол, ударившись головой о ножку кровати. Он еще не очухался, а я уже сидел у него на спине.левой рукой я рвал ему рот, а правой давил на глаз. При этом я не чувствовал ничего – ни боли в спине, ни эмоций. Была лишь цель: либо победить, либо...

– Бастуй, – сказал я ему. – Бастуй или я тебе пасть разорву.

При этом я сильнее растянул ему рот и надавил на глаз так, что палец ушел в глазницу.

Дранка заскулил и попытался скинуть меня, но я еще сильнее надавил ему на глаз, и он сдался.

– Бастуешь? – спросил Шишок.

– Да, – промямлил Дранка.

– Марата, ты можешь снова занять свое место, – сказал Шишок. – А ты, – обернулся он к Дранке, – с завтрашнего дня будешь стучаться за право сидеть за вторым столом. Потом за третьим...

Тут объявили отбой. Я снова был на своем месте, но покоя не было. Во-первых, болело все так, как будто меня и до сих пор били. Стоило расслабиться, сесть или прилечь, становилось еще хуже. Но я не мог и не имел права показывать свою слабость пацанам – это было бы равносильно самоубийству. Во-вторых, не был разрешен вопрос Ильи с новеньким, Капо, который сейчас занимал его место – за столом, в секции, в строю...

Сейчас они оба сидели на шконке, которую занимали по праву. Но было одно «но». У Капо сейчас прав было больше. Надо было решать это сразу. Если кто самоходом ляжет на другое место, там и останется.

Я занял свою шконку, а они сидели напротив. За это время они познакомились и сумели найти общий язык. Со стороны казалось, их совсем не тревожит, что вот-вот их позовут и им придется жестоко драться. Сейчас их заботило, как я себя чувствую и не надо ли мне чего.

Это трудно понять, но такова жизнь, и, если хочешь выжить, надо принимать ее такой, какова она есть.

Когда Илья и Капо ушли, я лежал и ждал их возвращения. Думал о Светке. Наверное, потому что мне было очень плохо. Я лежал не шевелясь, иначе боль одного потревоженного места отзывалась во всем теле. Я беспокоился за Илью, хотя он и был на голову выше Капо, хорошо сложен и был кандидатом в мастера по боксу. Но и Капо ему не уступал и понаторел в уличных драках.

Они стучались в свободной секции, где я отлеживался после пробики. Пацаны пришли минут через тридцать–сорок, а Капо лег в угол напротив. Это значило, что он такой же фраер, как и мы, хотя и побит Ильей. Они ведь бились не за фраера, а за место. Капо сейчас занимал третью пару в строю и место за вторым столом.

Илья сразу лег спать, сказал только:

– Завтра поговорим!

И без того было понятно, что пришлось ему очень трудно. Через минуту и я уснул.

Утром, после завтрака, нас всех, пятерых фраеров, позвали в каптерку.

– Если кто-то из вашей группы не будет врубаться, за всех огреться будете вы, – сказал Шишок.

Когда мы вышли, Спец сказал:

– Нужно всю группу пропустить через кол. Чтоб знали – мы их жалеть не будем.

До вывода на работу и в школу оставался час.

Мы с Ильей сидели на футбольном поле, он рассказывал, как стучался с Капо.

«В секции, куда нас позвали, были лишь фраера: Бокс, Бак, Мощь и сам Шишок.

– Стучаться будете?

– Будем.

Ответ был очевиден, но по закону Шишок обязан был его задать.

С минуту мы кружили, присматриваясь.

– Ну хватит танцевать! Стукайтесь! – нетерпеливо рявкнул Бокс.

Минут пять мы обменивались ударами руками. Темп был такой, что воздух в секции стал горячим, а с нас пот лил ручьями. Боли не было, я не чувствовал, хотя каждый пропущенный удар ощущал. Капо бил как из пушки. Но когда я попал ему в нос, пришлось остановиться. Капо не

упал, нет. Он только отскочил, низко нагнулся как бы для того, чтобы кровь, которая лила ручьем, поскорее вылилась.

– Что, Капо, бастуешь? – спросил Шишок.

Я стоял от него в метре, но после этих слов он резко выкинул ногу и достал меня в пах. Я упал, а он стал пинать меня. Правда, мы оба были босиком, удары были не очень, но он сообразил и стал бить меня пяткой сверху. На третьем ударе я перехватил его ногу и тут вспомнил, как ты бил Пса в кандее. Я вцепился зубами. Он заорал и упал.

– Да ты сучара! – крикнул Шишок.

– Нет! – выкрикнул Капо, и мы вновь повторили марафон руками, как вначале. Но через минуту темп был уже не тот, и мы стали осторожнее. Мне он выбил два зуба, остальные шатались.

Я видел, что Капо устал и, чтоб отдохнуть, ушел в защиту. Это его и сгубило. Я сделал движение правой прямой, он подсел, и в этот миг я достал его ногой, снова в сломанный нос. Пару минут он был в отключке. Я бесспорно победил и по праву занял свое место. Но боец Капо классный. Поэтому Шишок и сказал, что в нашей группе он будет пятым фрэером».

В этот день случилось еще одно событие, которое я не забыл по сей день.

Мы были в школе, урок вела классная, и он уже подходил к концу, когда в класс вошла Сергевна.

– Тишина в классе! Слушайте меня очень внимательно! Сейчас в класс войдет новенький. И не дай бог с его головы упадет хоть волос! Всем ясно? Я не шучу. За этого пацана огребетесь все.

Сергевна не первый год работала и знала все наши законы. Такой ее еще никто никогда не видел. Было видно, что она сама в шоке. И было от чего...

Когда она открыла дверь и впустила новенького, в шоке были все. В класс вошел мальчишка в школьной форме, белой рубашке и... в пионерском галстуке. Класс замер, классная в испуге прижала руки к губам, словно боялась вскрикнуть. И тут класс взорвался.

– Пионер! – в один голос орали все 20 человек.

– Пионер! Пионер! Пионер!

– Тишина, я сказала, – пыталась унять нас Сергевна.

Классная тихо плакала за столом, а новенький прятался за ней. Тут прозвенел звонок, все хлынули в коридор, прихватив с собой и новенького.

В школе одновременно бывает два отряда человек по семьдесят. На перемене вся эта толпа собирается на первом этаже, где яблоку негде упасть. А поэтому, как Сергевна с Ниной ни пытались вырвать Пионера из рук разъяренной толпы, им это не удалось. По всей школе стоял сплошной рев:

– Пионер!

В коридоре его сразу же сбили с ног. Используя галстук как поводок, его тащили через весь коридор, передавая из рук в руки. Поэтому получалось так, что никакого движения в коридоре не происходит, но и Пионера тоже нет. Его заволокли в каптерку под лестницей, где хранятся ведра и швабры с тряпками, и там закрыли.

Сергевна промчалась по коридору в оба конца. Нет Пионера!

Мастера появились минут через пятнадцать. Перемена уже кончилась, шел урок. Пионер сидел за первой партой. Следов побоев на нем не было. Не было и галстука.

– Тебя били? – спросил мастер.

– Нет, – запинаясь, проямлил пионер.

Но мастеров и Сергевну трудно было обмануть, тем более было видно, что он перепуган насмерть. Пионера увели. Его не было до вечера. Но за ужином он появился.

Сергевна сама посадила его за последний стол, где сидели пидерасы. Это означало одно – Пионер все рассказал. А рассказать было что. За десятиминутную перемену его изнасиловали несколько человек. Спротивляться было бы бесполезно.

По закону насиловать нельзя. Можно делать с жертвой что угодно, чтобы она сама согласилась, но насиловать нельзя. Пионер – случай особый. Здесь закон молчит, так как масть «пионер» даже хуже, чем сука, даже хуже пидераса. По закону это не люди, они должны быть уничтожены.

На питере стояла гробовая тишина. Никто не ел. Все взгляды были обращены на Пионера, а тот сидел, низко опустив голову, и быстро-быстро запихивал в себя кашу и хлеб.

Сергевна стояла возле него и гладила по голове. Когда Пионер поел, она опять погладила его по голове и подошла к столу, за которым сидел Шишок.

– Ну вот что я вам скажу. Волки! Скоты! Шишок, я ваши законы знаю не хуже вас, но предупреждаю: за этого воспитанника ты ответишь головой. Понял?

Шишок молча встал из-за стола, обошел Сергевну, приблизился к Пионеру и с минуту смотрел на него, а два отряда – на них обоих. Пи-

онер видел в нем свое спасение. Как он ошибался... При всем желании Шишок не смог бы избавить его от мучений. Он мог избавить его лишь от смерти.

– Собрать парашаи! Первый – на выход. Второй...

Шишок был вне себя. Он оказался в сложной ситуации. С одной стороны, закон, который не давал ему права спасти Пионера, с другой – он понимал, что за Пионера его могут раскрутить на малолетку, а это уже срок, судимость.

Где-то с месяц Пионера никто не трогал и пальцем, так как три раза в день его проверяли на наличие побоев. Его просто насиловали... насиловали все, кто этого хотел. Каждый день. Каждую ночь. По многу-многу раз.

Через месяц надзор за ним ослаб, а вскоре и вообще прекратился. И началось...

Через день на нем чистым оставалось одно лицо, а на теле не было живого места. Он превращался в мразь, в животное. Те, кто не хотел пачкать о него руки, обходили его, но таких было мало. Его били все, даже пидерасы. Его заставляли есть говно и опарышей. Он стал «дельфином» – в нужнике пятнадцать дырок, он ныряет в первую, выныривает, ныряет во вторую... И так – до конца. От него постоянно воняло. С ним невозможно было рядом находиться. Был такой случай: к нам из четвертого отряда перевели Сиву – за нарушения. Сива сидит на толчке, а кто-то снизу через очко хватает его за яйца. Сива с воплем вылетает на улицу без штанов. Напротив – санчасть. На крыльце сидит Мальвина (молодая медсестра, направленная к нам на практику), а вокруг фраера из всех отрядов. Смех не стихал долго...

Пионера нафаловали, чтобы он тихонько залез сзади через люк, подполз к Сиве и напугал того. Когда Сива узнал об этом, для Пионера начался настоящий ад. В этот же вечер его отправили в санчасть с сильным сотрясением мозга. Сива забил бы его кирзовым сапогом, но сапог у Сивы отобрали.

В тот же вечер нас пятерых позвали в пустую секцию.

– Я вас предупреждал, что за группу будете огребаться вы, – с порога налетел на нас Шишок. – Что встали? Зю!

Но мы стояли, так как ничего не понимали.

– Хоть объясни, что случилось, – начал было Капо, но тут же получил удар в челюсть.

– Кому еще объяснить? – Шишок был вне себя, но потом смягчился.

– Ладно, зовите всю группу, я им объясню.

Пока группа собиралась, Шишок объяснил:

– Сегодня были берданы, и Рубцовский не принес свою мне. Где бердана, Рубцовский?

– Не отдам! Хоть убивайте! Мать своими руками собирала посылку, а я так вот возьму и отдам!

– Тебе объясняли законы? – спросил Мощь. – Ты должен все принести нам, а мы уже будем уделять тебе.

– Да? Вон Жаба получил, а что ему дали?

Рубцовского несло. Так еще никто и никогда не смел говорить с буграми. Это походило на бунт. Наступил момент, когда на кону стояла честь старенькой группы и Шишка лично.

Но он совсем не нервничал. Он смотрел на перепуганных пацанов и улыбался. Никто из нашей группы не смел бы поддержать Рубцовского, и Шишок это видел по перепуганным лицам.

– А ты знаешь, Рубцовский, что сейчас из-за твоего косяка будут пробиты ваши фраера, а потом пострадает вся группа?

Казалось, Шишка даже забавляет эта ситуация.

Все ждали ответа, но Рубцовский молчал. Шишок был очень силен. С одного удара он вырубил Рубцовского.

– Что встали? Живо растяжку из одеяла!

Пока пацаны растягивали одеяло, он бил всех подряд. Бил всех подряд, пока восемнадцать пар рук не нашли нужное положение и не натянули одеяло как следует. Тогда он взял Котяха на руки и закинул на это полотнище.

– Бегом раскачали его! Бегом! Бегом!

Котях потихоньку начал подлетать, но с каждым приземлением подлетал все выше и выше. Когда он уже начал касаться потолка, Шишок крикнул:

– Сильно!

Восемнадцать пар рук рванули одеяло изо всех сил. Котях взлетел и со страшной силой хряпнулся спиной о потолок.

Назад он падал уже без сознания, но впереди были еще два раза – колонская совесть.

Их он уже не чувствовал – можно сказать, повезло. Нам повезло меньше, хотя как знать...

Пока летал Котях, мы поняли, что нужно поймать момент и успеть выставить руки. После Котяха летал Спец. Ему не очень повезло, но все же он не раскумарился. После первого выстрела он не распрямил ноги и разбил колено о потолок. После второго пострадал локоть. А с

третьего выстрела он врезался в потолок боком. Сам с одеяла он слезть не смог – его стащили за ноги.

Илья и Капо продемонстрировали класс акробатики: они легко касались потолка носками ног и пальцами рук и еще умудрялись от него отталкиваться. Создавалось впечатление, что пацаны недостаточно сильно их подкидывали. Я уже летал как из пушки. Первые два раза мне тоже удалось встретиться с потолком пальцами и носками ног, но в третий раз Шишок крикнул: «Сильней!» – и если бы я врезался, как Котях, то мозги бы мои точно остались на потолке, но вся сила удара пришлась на руки, а ноги едва коснулись потолка. Я сильно вывихнул три пальца на правой руке, неделю не мог ими шевелить.

После аттракциона старенькие забрали Рубцовского в каптерку, а нам оставили черенок от лопаты, чтобы мы пробили всю группу. Можно было лишь выбирать – сильно бить или не очень. Котях и Спец били с особым удовольствием. Капо бил щадяще, а мы с Ильей вообще едва касались. Кеся был в кандее.

Я все время думал о Рубцовском. Я уважал его за его дух. Я уже говорил, что это был первый такой случай за всю историю, чтобы новенький отказался нести бугру бердану. Я знал, что простым избиением не обойдется, но того, что произошло, мне и в страшном сне не приснилось бы.

Рубцовского принесли ночью. Он был без сознания и все время громко стонал. Через час стон перешел в крик. Он сорвал с себя одеяло, а потом и трико с трусами вместе. И снова отрубился. Проспал часа два-три, попросил воды и позвал меня.

– Ты мне pomoжешь? – спросил он. В голосе была мольба, и я, не зная, в чем состоит просьба, согласился.

Я лег рядом с ним, так как говорил он с трудом. Просьба заключалась в том, чтобы я помог ему ходить... У него были разбиты яйца и весь пах – сплошная гематома.

– Если меня определят воспеты или мастера, то меня сломают, а я не могу после этого доставить им такого кайфа.

Вот что с ним случилось.

«Когда меня завели в каптерку, то вначале Бокс прошелся по пончикам.

(Это на вдохе закрывается рот и воздухом надувается щека. По этой щеке бьется фаска. Если удар правильный, то раздается хлопок, как будто лопнул надутый пакет, при этом рвется щека с внутренней стороны, а снаружи она становится лиловой.)

– Бокс бил пончики по правой щеке, а Мощь – по левой. После этого меня распяли на стеллаже и стали проверять пресс и фанеру. Ногами, руками. Я два раза терял сознание, но молчал. Тогда меня поставили под кол. Я выстоял всего один удар, а потом падал, но молчал. Шишок пока не участвовал, сидел в углу с кайфушкой (пакетом с краской) и смотрел.

– Отдашь бердану? – спросил он меня после пробивки.

– Нет!

– А в жопу дашь?

– Нет!

– А вот это мы сейчас посмотрим...

Шишок уже почти ничего не сообщал.

– Стелите матрас, – сказал он своим.

Когда на пол кинули матрас, мне сказали лечь на него. Я снова сказал: „Нет!“ Тогда меня повалили и растянули рогаткой – двое за руки, двое за ноги. Шишок взял кол, встал у меня между ног и спросил: „В жопу дашь?“ Кол был поднят. Я смотрел на него и не мог поверить, что это реально происходит. Я думал, меня пугают.

– Я спросил – в жопу дашь? – заорал Шишок.

– Западло, – сказал я, и Шишок ударил меня колом между ног. От боли я отключился... а потом стал орать на них. Чего я только не орал, как не называл... Руки и ноги мне не отпускали, и я мог только орать. Если б мог, я бы кинулся на них, а потом пусть убивают. Когда я замолчал, Шишок снова спросил: „В жопу дашь?“ И снова удар колом по яйцам. Я отрубился. Меня, наверное, облили водой, так как когда я очнулся, то был весь мокрый и лежал в луже, но руки и ноги мне не отпускали.

– Соглашайся, Рубцовский, – говорит Шишок. Никто не узнает. Ты будешь наш личный пидор, а для остальных такой же, как все.

От боли я уже ничего не сообщал и, когда Шишок снова поднял кол, чуть было не согласился.

– Дашь?

– Нет! Я убью тебя, Шишок! – заорал я. И больше вообще ничего не помню».

Рубцовский замолчал и заплакал. Он плакал долго, а я лежал рядом и молчал.

– У меня ведь теперь стоять не будет никогда, – вновь заговорил он. – Как я жить буду? Ведь я ни разу еще девушку не целовал даже, не говоря о прочем.

Он снова заплакал, а я молчал, хотя внутри все клокотало от злости.

«А ведь подобное может произойти с любым из нас, и со мной», – вдруг подумал я.

– Сашка, – позвал я Рубцовского. Не знаю почему, но я вдруг вспомнил, что его так однажды назвала воспитательница. – Рубцовский! Их надо остановить.

– Вот оклемаюсь и убью, – отозвался он сквозь слезы.

– Ты в это не лезь. Я сам. Зачем тебе со мной подельником? У тебя еще будет время свое отстоять.

– Ты, Марата, только помоги мне не определиться.

– Легко сказать, Рубцовский, а если ты вообще ходить не сможешь?

– А давай прямо сейчас попробуем...

Вставали мы с ним, а точнее, я ставил его на ноги минут десять. Потом мы шаг за шагом начали передвигаться. Я сам как будто чувствовал ту боль, какую испытывал Рубцовский. Ходили мы до самого подъема, около часа. К подъему мы уже оба знали, как поддерживать, как ходить, как прикрывать... Но была одна проблема – левая щека опухла и посинела – пончики. Тем не менее мы умудрились четыре дня протянуть, не определившись. А на пятый день в обед на питер зашла Сергевна. Проходя мимо стола, за которым сидел Рубцовский, она остановилась.

– А ну-ка посмотри на меня, – потребовала она.

Рубцовский сидел, низко наклонившись над миской.

– Подними голову, я сказала! – прикрикнула она на него и, взяв за подбородок, подняла голову резко вверх. – О, да у тебя пончик! – еще громче завопила Сергевна.

– В башке у тебя пончик, а у меня флюс, – огрызнулся Рубцовский.

– После обеда в санчасти разберемся, что и откуда.

Тут уже спорить было бесполезно, и после обеда Рубцовского повели в санчасть. А так как сам он ходил очень плохо, на полусогнутых растопыренных ногах, то в санчасти определилась и та болячка, что была у него между ног. Но, как ни билась с ним Сергевна и мастера, Рубцовский стоял на своем! На лице – флюс, а гематома оттого, что катался в школе на перилах и ударился об столб, не успев вовремя соскочить. Ему, конечно, никто не верил, но версий у них не было, и поэтому от него отвязались, продержав в санчасти целый месяц.

Я каждый день ходил к нему по три раза. За это время мы договорились, что после выписки его из санчасти устроим бунт в отряде, даже распланировали свои действия теоретически. Эту тему мы мусолили

каждый день. Нас не волновали последствия и то, что могут пострадать и пострадают невинные! Закон ужасный – слабого уничтожают...

Рубцовского выпустили вечером, перед отбоем, а поэтому свою акцию мы отложили до утра. Утром перед акцией предупредили Илью, Кесю, Капо и Спеца, чтобы те не заходили в отряд...

Мы подождали, пока весь отряд зашел, и тогда пошли следом. Я снял с пожарного щита лом, а Рубцовский, уже перед входом в отряд, в вестибюле сорвал со стены висевшее на ней переходящее знамя, которое каждую пятницу по подведению итогов за неделю давали лучшему отряду (оно у нас висело уже 2 месяца и не снималось).

Тряпку Рубцовский сорвал, а наконечник на древке оставил, получилась своеобразная пика.

Мы на миг задержались перед дверью, посмотрели друг на друга: в глазах у Рубцовского была пустота, у меня, по всей вероятности, тоже.

Мы открыли дверь и с криком «слепого не мудят!» ворвались в отряд. Перед дверью попался проходивший мимо Жаба из нашей группы, которого Рубцовский тут же ткнул пикой в ногу. Жаба свалился на пол, схватившись за пробитую ногу, и завыл, тогда я добавил ему в живот, и он замолк. Вход в отряд находился аккурат по центру коридора, я двинулся вправо, а Рубцовский влево, но тут же оба осознали, что так мы становимся уязвимыми со спины. Поэтому было решено, что двигаться будем спиной к спине.

Первой на пути была ленкомната. С криком «берегись, кто может!» я переступил порог и, не разбирая кого и куда, стал бить ломом направо и налево. Рубцовский работал своим древком сзади. Началась страшная паника: кровь брызгала во все стороны. Крик и стон перешли в дикий вопль. Вылетели рамы из окон – это их выдавили наружу те, кто не успел пострадать. Через две минуты с ленкомнатой было покончено. Мы поменялись оружием и местами: теперь я прикрывал Рубцовского со спины.

Выйдя в коридор, мы столкнулись с Боксом. У него в руках был кол, но он не успел им даже размахнуться. Одним ударом лома Рубцовский сломал ему обе ноги. Бокс визжал, как поросенок на бойне. На крик выскочили из воспитательской Ольга – воспетка и старший воспет.

– Закрылись на ключ, и чтоб не слышно было, – прикрикнул я на них и для верности ткнул пикой воспета в плечо.

Дважды им не пришлось повторять. Воспет схватил Ольгу за руку и потащил ее, упирающуюся, в кабинет, дверь которого тут же захлопнул изнутри.

Эта заминка стоила бы нам жизни, так как с двух сторон к нам подступала с колами и дужками от коек старшая группа. Но в тот момент, когда нас неминуемо смяли бы численным преимуществом, в отряд влетели Капо, Илья и Спец, в руках у каждого был кол. Драка продолжалась не более 2–3 минут. Шишок с разбитой головой и сломанной рукой вместе с оставшимся на ногах Баком с разбегу выскочили в окно и помчались на вахту. Остальные лежали у нас под ногами. Трупов не было.

Кипиш был похож на цунами. Набежали все мастера, учителя, воспитаны со всех концов. Пацаны со всех отрядов собрались вокруг нижнего барака. Тащили земляков: кого в санчасть, кого просто подальше от эпицентра кипиша, чтоб не попали под замес.

Санчасть еще ни разу не была загружена таким количеством пострадавших: переломов, ушибов, вывихов было не счесть. Многих поспешно грузили на машины и увозили на вольную больницу.

Трупов не было.

Мы особо не пострадали: отделались легкими ушибами, синяками.

Когда в отряд ворвались мастаки, мы сидели в ленкомнате и как ни в чем не бывало смотрели мультфильм.

– Вы что это здесь побоище устроили! – налетел на нас старший мастер.

– Не орал бы ты так, а? – оборвал его Илья. – Не видишь – отдыхаем...

– Вы что здесь устроили? Я вас спрашиваю! – все так же орал мастак, но близко к нам не подходил – у нас рядом лежали колья с ломом.

– Мы сидим и смотрим мультики, а что там случилось? – затупил Спец.

– Да вы все под суд пойдете! – Это влетела разъяренная Сергевна. – Там вас, ублюдков...

Договорить ей не дал Морячок, он закрыл ей рот рукой и что-то зашептал на ухо. После чего все вышли, а он один остался с нами в ленкомнате.

– Ну, молодцы! Ну, герои! Да вам памятник при жизни надо ставить прямо на плацу. Ну, что я тебе говорил? – обратился он ко мне. – Я редко ошибаюсь в людях. – Быть тебе бугром...

Все с недоумением уставились на нас.

– Пацаны не в курсе того, что ты мне плел, а поэтому не надо этих непоняток, – обратился я к мастаку.

– А вам все потом расскажу, – это я уже к пацанам. Потом спросил Морячка: – Ну, что будем делать?

– Сейчас вам нужно спокойно избавиться от всякого оружия, – он указал на колья, но перед этим сотрите с них ваши отпечатки. А потом мы вместе спокойно пойдём в кандей – там и поговорим обо всем.

– Мы всё это понимаем и сделаем, но... если нас начнут прессовать, я слово пацана даю – будут убитые!

– Вам это надо? Нет? И нам не надо.

Нас четверых заперли в кандей и даже дали взять с собой курево и спички. День прошел тихо, если не считать, что за стеной сидели Шишок, Бокс и Бак. Они постоянно стучали в стену и выкрикивали угрозы, на которые мы не отвечали и даже не замечали их.

Им троим повезло, они вовремя ломанулись в окна и отделались легкими ушибами, хотя все остальные пацаны пострадали из-за них. Вечером, после ужина, пришел Морячок, и мы долго говорили, вырабатывая тактику для следствия. Когда он уходил, то сказал лишь одно:

– Я верю в вас. А пацанам в зоне я все объясню, и они поймут.

Мы не думали о последствиях для пацанов, а он все предвидел. Когда мы через месяц вышли в отряд, то нам никто не предъявил претензий. Морячок все уладил, объяснив, что за нормальную жизнь нужно бороться и нельзя обойтись без жертв. Все пострадали за правое дело и все герои, как и мы...

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Преступность в России за январь – октябрь 2008 года (по данным МВД РФ)

В январе – октябре 2008 года органами внутренних дел рассмотрено 17,81 млн. заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что на 4,3% больше, чем за первые 10 месяцев 2007 года. Почти по каждому восьмому сообщению (12,5%) принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 2229,2 тыс. уголовных дел, что на 12,4% меньше показателя аналогичного периода прошлого года.

В январе – октябре зарегистрировано 2730,4 тыс. преступлений, или на 10,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 5 субъектах Российской Федерации, снижение – в 78 субъектах. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных снизился с 27,2% в январе – октябре 2007 года до 26,7%.

Почти половину всех зарегистрированных преступлений (49,6%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 1123,4 тыс. (-14,8%), грабежа – 201,4 тыс. (-19,0%), разбоя – 28,8 тыс. (-24,4%). Почти каждая третья кража (31,2%), каждый двадцать пятый грабеж (4,0%) и каждое четырнадцатое разбойное нападение (6,9%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

Каждое девятнадцатое (5,4%) зарегистрированное преступление – квартирная кража. В январе – октябре 2008 года их число снизилось на 18,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем – октябрём 2007 года возросло на 5,3% и составило 27,5 тыс., а количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств снизилось на 14,2% (1339 фактов).

В январе – октябре 2008 года с использованием оружия совершено 8412 преступлений (–29,9%). Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в г. Санкт-Петербурге (472), Иркутской (468), Свердловской (402), Московской (375) областях, Ставропольском (321), Забайкальском (279) краях, Республике Саха (Якутия) (265), Чеченской Республике (262).

По сравнению с январем – октябрем 2007 года на 2,6% снизилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 405,0 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 14,8%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 120,3 млрд. руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 38,5%.

Подразделениями органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями выявлено 207,6 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 51,3%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 41,33 млрд. руб., а сумма возмещенного ущерба – 22,47 млрд. руб.

Подразделениями органов внутренних дел по расследованию налоговых преступлений выявлено 25,2 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений данной категории составил 6,2%. Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 61,0 млрд. руб., а сумма возмещенного ущерба – 46,85 млрд. руб.

В январе – октябре 2008 года выявлено 198,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 0,3% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с январем – октябрем 2007 года на 2,9% снизилось число преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, снизился с 53,9% в январе – октябре 2007 года до 52,5%.

В общественных местах зарегистрировано 524,3 тыс. преступлений. На улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано 318,5 тыс. преступлений, в том числе: 88,4 тыс. грабежей, 96,7 тыс. краж, 9,7 тыс. разбойных нападений. На дорогах и трассах вне населенных пунктов совершено 258 разбойных нападений (–28,1%), 504 грабежа (–31,2%), выявлено 200 фактов незаконного приобретения, передачи, сбыта,

хранения, перевозки или ношения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (+7,0%).

В январе – октябре 2008 года раскрыто 1468,1 тыс. преступлений (-2,6%), в том числе 759,1 тыс., следствие по которым обязательно, и 709,1 тыс., следствие по которым необязательно. Не раскрыто 1209,8 тыс. преступлений, что на 22,0% меньше аналогичного показателя за январь – октябрь 2007 года. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 25,5% (в январе – октябре 2007 года 25,0%). Остались нераскрытыми 1780 убийств и покушений на убийство (-35,2%), 6746 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (-20,8%), 711,8 тыс. краж (-21,7%), 127,2 тыс. грабежей (-27,5%), 11,8 тыс. разбойных нападений (-38,7%). Преступлений прошлых лет в январе – октябре 2008 года раскрыто 71,2 тыс., что на 45,0% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Более половины (56,3%) раскрытых преступлений прошлых лет составляют кражи (40 053) и четырнадцатую часть (7,2%) мошенничества (5137).

Выявлено 1066,9 тыс. лиц, совершивших преступления (-4,0%), удельный вес лиц без постоянного источника дохода вырос с 59,5% в январе – октябре 2007 года до 60,5%, а удельный вес ранее судимых лиц – с 23,2% до 23,7%. Почти каждое третье (30,0%) оконченное расследованием преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое восьмое (13,3%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое пятнадцатое (6,6%) – несовершеннолетними или при их соучастии.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 46,2 тыс. преступлений, что на 7,3% больше, чем за январь – октябрь 2007 года, в том числе гражданами государств – участников СНГ 41,7 тыс. преступлений (+7,4%), их удельный вес составил 90,4%.

Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства снизилось на 5,2% и составило 12 947 преступлений.

Зарегистрировано: 250 фактов бандитизма (в январе – октябре 2007 г. – 322), 607 фактов похищения человека (755), а также 10,0 тыс. фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего (10,6 тыс.), и 11,1 тыс. фактов нарушения Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекших по неосторожности смерть человека, двух или более лиц (13,0 тыс.).

Число зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. человек населения в январе – октябре 2008 г. составило 1923 против

2152 в январе – октябре 2007 г. (снижение на 10,6%). Максимальное значение этого показателя зафиксировано в Хабаровском (3407), Пермском (3035) краях, Иркутской области (3015), Республике Бурятия (2944), Приморском крае (2836).

Число зарегистрированных в октябре 2008 г. убийств и покушений на убийство уменьшилось по сравнению с октябрём 2007 г. на 8,7%, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 4,6%, изнасилований и покушений на изнасилование – на 9,9%, разбоев – на 14,0%, грабежей – на 17,3%, краж – на 18,3%, фактов присвоения или растраты – на 10,6%, хулиганств – на 29,6%, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков – на 0,8%. Одновременно увеличилось число фактов хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (на 14,5%), выявленных фактов взяточничества (на 10,4%).

Число лиц, совершивших преступления

	<i>Январь– октябрь 2008 г., тысяч</i>	<i>В % к январю– октябрю 2007 г.</i>
Выявлено лиц, совершивших преступления	1066,9	96,0
из них:		
женщины	171,8	101,1
несовершеннолетние	92,0	83,1
не имеющие постоянного источника дохода	645,6	97,6
из них безработные	57,5	91,3
ранее совершавшие преступления	317,8	98,8
из них ранее судимые	253,0	98,2

В январе – октябре 2008 г. число лиц, совершивших преступления в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации), составило 9,8 тыс. человек, что на 4,6% меньше, чем за соответствующий период предыдущего года. Число несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, составило 9,2 тыс. человек (уменьшение на 21,9%).

Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы РФ

По состоянию на 1 ноября 2008 г. в учреждениях УИС содержалось 891,7 тыс. человек, в том числе в 758 исправительных колониях – 737,9 тыс., в 222 следственных изоляторах, 7 тюрьмах и 164 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов – 145,0 тыс. человек, в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 8,8 тыс. человек. В учреждениях содержится 68,2 тыс. осужденных женщин, при женских колониях имеется 12 домов ребенка, в которых проживает 784 ребенка.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 131 больница различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС входят также 2441 уголовно-исполнительная инспекция, в которых состоят на учете 570,2 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Производственный потенциал УИС составляют 262 федеральных государственных унитарных предприятия, 495 центров трудовой адаптации осужденных, 35 лечебно-, 32 учебно-производственных мастерских.

При исправительных и воспитательных колониях функционирует 309 вечерних общеобразовательных школ и 482 учебно-консультационных пункта, 334 профессионально-технических училищ, действуют 464 храма, 722 молитвенные комнаты.

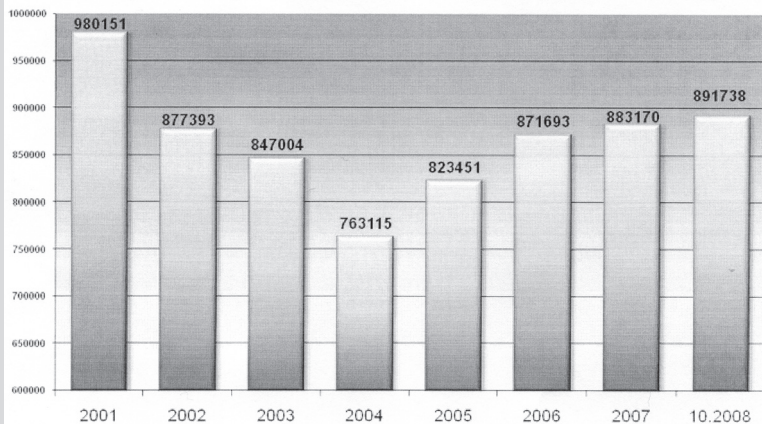
Штатная численность персонала УИС составляет 327,9 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 264,8 тыс. человек.

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 47 учреждений здравоохранения, в том числе 25 центров медицинской и

социальной реабилитации, 13 больниц, 6 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют 8 высших учебных заведений (с 7 филиалами), в том числе Академия права и управления Минюста России, 74 учебных центра, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий с филиалами в городах Иваново, Владимир, Челябинск, 2 кадетские школы-интерната: «Московский кадетский корпус юстиции» и «Симбирский кадетский корпус юстиции». Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание» и «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

ЧИСЛЕННОСТЬ ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Василий Малинин

Борьба с наркоторговлей: успех или фабрикация уголовных дел?

В своем выступлении на заседании Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека в феврале 2008 года Валерий Абрамкин говорил:

«В последние два года в правозащитные организации и СМИ поступает все больше жалоб на фабрикацию уголовных дел по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков. Причем для “организации” таких дел используются самые безнравственные способы: обман, фальсификации и предательство.

Сотрудники оперативных служб, выловив накурившегося или наглотавшего таблеток потребителя наркотиков, доставляют его в отделение милиции и обрабатывают: угрожают возбуждением уголовного дела, запугивают, пытаются. А потом предлагают “помочь органам”: позвонить кому-нибудь из знакомых по “общему пристрастию” к зелью и уговорить его продать ему дозу для “раскумарки”¹. Как правило, соглашаются предать другого человека люди, находящиеся в одурманенном состоянии, или те, у кого из-за длительного потребления наркотиков заметно ослаблена воля. У сотрудников оперативных служб такая операция называется “контрольной закупкой”. Роль покупателя разыгрывает “provokator”, а жертва обмана в случае успеха операции проходит по делу “подозреваемым в сбыте наркотических средств” или хотя бы “подозреваемым в попытке сбыта”. Последнее гораздо проще оформить, даже когда потенциальный “сбытчик” или просто случайный человек, не употребляющий зелье, никаких наркотиков с со-

В. Малинин – доктор юридических наук, адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов.

¹ Так на жаргоне наркоманов называется выход из состояния абстиненции.

бой не приносит. Намерение можно подтвердить показаниями запущанных участников оперативной разработки»².

С подобным делом мне пришлось столкнуться на практике.

К.А. Полуда был осужден районным судом г. Санкт-Петербурга к девяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Суд признал его виновным в том, что в сентябре 2005 г. на территории Санкт-Петербурга он у не установленного следствием лица незаконно приобрел наркотические средства – амфетамин, весом не менее 4,23 грамма, т. е. в крупном размере, и МДМА, весом не менее 3,847 грамма, т. е. в особо крупном размере, которые незаконно хранил при себе, а также по месту своего проживания. Затем Полуда К.А. встретился с Горбулей П.Б. и Мирошниченко К.О., которым сбыв часть наркотических средств, а именно наркотическое средство амфетамин, при этом получил от Горбули П.Б. и Мирошниченко К.О. деньги в сумме 20 000 рублей в качестве оплаты. При этом суд обвинил его в том, что наркотическое средство МДМА Полуда К.А. незаконно сбыв Горбуле П.Б. и Мирошниченко К.О., непосредственно сообщив последнему о месте расположения закладки с указанным наркотическим средством, которая была устроена в коробке, находившейся в подъезде дома, в котором проживал Полуда К.А.

По мнению суда, Мирошниченко извлек наркотическое средство МДМА из тайника, получив его таким образом от Полуды, однако преступление не было доведено до конца по не зависящим от Полуды обстоятельствам, поскольку наркотическое средство было изъято из незаконного оборота сотрудниками РУ ФС РФ по контролю за оборотом наркотиков.

Адвокаты Полуды в нескольких судебных инстанциях требовали оправдать своего подзащитного и обосновывали вывод о непричастности Полуды к покушению на незаконный сбыт наркотических средств.

Обвинительный приговор был основан лишь на показаниях свидетелей обвинения, которыми являлись Гаршин А.В., Мирошниченко К.О. и Горбуля П.Б. У защиты имелись все основания не доверять показаниям этих свидетелей, которые могли оговорить подсудимого под психологическим давлением следственных органов и оперативных служб, а также с целью уклонения от более сурового наказания за содеянные ими преступления.

² Абрамкин В. О ситуации в системе уголовного правосудия и исполнения наказания // Неволя. 2008. № 16. С. 7.

Подтверждением этому являются, в частности, показания Мирошниченко, данные им на первом допросе и в судебном заседании.

Так, в суде Мирошниченко указал, что в процессе предварительного следствия он был вынужден оговорить Полуду с целью самому уйти от ответственности за более тяжкое преступление («перебить статью со ст. 228-1 ч. 3 УК РФ на ст. 228 ч. 2 УК РФ»). Он также показал, что Горбуля подговорил его изменить первоначальные показания.

На изменении показаний настаивал и следователь, который угрожал ему затянуть сроки этапирования из Архангельска в Санкт-Петербург. Именно по двум этим причинам он и указал на Полуду как на сбытчика наркотиков. Он раскаивается в том, что оговорил Полуду и просит суд учесть его правдивые показания, данные и в судебном заседании, и в ходе первичного допроса (они имеются в деле).

Эти показания были проигнорированы судом. Протокол первоначальных показаний Мирошниченко К.О. не был оглашен и исследован в судебном заседании, несмотря на ходатайство об этом защиты. Тем самым суд незаконно освободил себя от обязанности оценивать все противоречивые доказательства, чем грубо нарушил право Полуды на защиту.

Суд не указал в приговоре, по каким мотивам он отдал предпочтение тем показаниям Мирошниченко, которые он дал в конце следствия, и не разъяснил, почему не рассматривает иные его показания. Между тем по общему правилу суд должен отдавать предпочтение тем показаниям свидетеля, которые даны непосредственно в ходе судебного разбирательства, когда – в силу уголовно-процессуального принципа состязательности – у всех участников процесса появляется возможность задать свидетелю вопросы, уточнить какие-либо моменты и устранить противоречия.

Признательные показания Мирошниченко подтверждаются тем, что после изменения своих показаний и изобличения Полуды как сбытчика наркотиков следствие изменило квалификацию действий Мирошниченко и Горбули и предъявило им обвинение по менее тяжкой статье – ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Показания свидетеля Гаршина, данные им в ходе следствия, также менялись. Его показания были оглашены в судебном заседании в порядке ст. 281 УПК РФ, поскольку Гаршин вторично не явился в суд. Однако в своих первоначальных показаниях Гаршин даже не упоминает о Полуде.

Суд не уточнил, почему принял одни его показания за основу и не принял другие. Суд не имел права основывать свой приговор на данных показаниях Гаршина в силу п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, устанавливаю-

щей, что показания свидетеля, основанные на догадках, предположениях, являются недопустимыми доказательствами.

Показания свидетеля Горбули тоже были оглашены в судебном заседании, поскольку он дважды не явился в суд.

По мнению защиты, к показаниям данного свидетеля обвинения суд должен был отнестись критически. Горбуля как никто иной был заинтересован в том, чтобы переложить вину на Полуду. Об этом прямо говорили в своих показаниях в суде Полуда и Мирошниченко.

О том, что Горбуля оговорил Полуду, свидетельствуют материалы уголовного дела, оглашенные в судебном заседании: Горбуля, находясь под стражей, дважды отказывался от дачи показаний, ссылаясь на ст. 51 УПК РФ. При этом Горбуле было предъявлено обвинение в совершении такого преступления (п. «г» ч. 3 ст. 228-1 УПК РФ, максимальное наказание за которое предусматривает лишение свободы на срок до двадцати лет). Однако после того, как Горбуля дал показания и оговорил Полуду, обвинение было изменено, и он был осужден условно.

Это подтверждается также показаниями свидетеля Юрьева, который пояснил, что оперативно-розыскные мероприятия проводились в отношении Горбули, а не Полуды. По показаниям Мирошниченко, наркотики его просил перевезти в Архангельск именно Горбуля.

Все это доказывает, что именно Горбуля сбывал наркотики Гаршину. Еще 19.09.2005 года он располагал наркотическими веществами и самостоятельно определял их цену.

Суды первой и кассационной инстанций необоснованно отвергли все доказательства защиты, посчитав их надуманными и имеющими целью освободить Полуду от ответственности.

Между тем защита представила последовательную цепочку фактов и объяснений, с достоверностью доказывающих непричастность Полуды к данному преступлению.

1) Показания самого подсудимого Полуды К.А., в которых он правдиво и последовательно отрицал свою причастность к сбыту наркотиков, заявил, что ничего не знал об этом, имеет алиби в отношении своего местонахождения после 19 часов 20 сентября 2005 года, когда якобы было совершено преступление.

Все это не было мотивированно опровергнуто судом. По мнению Полуды, Мирошниченко и Горбуля оговорили его с целью избежать ответственности по более тяжкой статье.

2) Показания свидетелей Широковой и Алексева, которые доказывали алиби Полуды К.А.

3) Справка из ООО «МТС», в которой подтверждается местонахождение Полуды, который звонил по мобильному телефону вечером 20.09.2005 года, а также зафиксированы его передвижения по городу, доказывающие его алиби.

4) Заключение судебной дактилоскопической экспертизы, согласно которому след пальца руки на пакете оставлен не Полудой.

В приговоре суд вообще не оценил данное доказательство, не придал ему значения.

5) Справка ЖСК, согласно которой доступ в подъезд Полуды осуществляется с помощью домофона, лестничные площадки перегорожены металлическими решетками или кирпичными перегородками.

То есть Мирошниченко не мог самостоятельно войти в этот дом без сопровождения лица, проживающего в этом подъезде. Этим документом опровергаются показания Мирошниченко, в которых он указывает, что он самостоятельно извлек наркотики в указанном Полудой месте.

Получается, что оформить уголовное дело на рядового наркомана, назвав его сбытчиком, совсем нетрудно. И показатели раскрытия уголовных дел по сбыту наркотиков пойдут в гору, и звезды на погонах будут увеличиваться в размерах.

Может быть, конечно, что в данном конкретном случае просто допущена юридическая ошибка – тогда пусть Верховный суд Российской Федерации, жалоба в который сейчас направлена, разберется в этом деле и исправит указанную ошибку.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Акции протеста и нарушения прав заключенных: октябрь – декабрь 2008 года

Ленинградская область

2 октября 2008 года

Заключенные колонии № 9 в Косиново объявили голодовку. По словам родственников, заключенных перевели в бараки, которые находятся в аварийном состоянии и непригодны для жизни. Там нет окон, выбиты двери, спать приходится в телогрейках, осужденные сильно мерзнут ночами. Кроме того, родным запретили передавать постельное белье и теплые одеяла. По сообщениям родственников, голодовка продолжается несколько дней. От еды не отказываются максимум 150 человек, а это лишь шестая часть от всех сидельцев «девятки». Родственники осужденных говорят, что пишут жалобы, но никаких результатов это не дает. Официальную позицию озвучил начальник пресс-службы областного УФСИН Николай Цибульский: «Никто там не голодает, а бараков на территории колонии вообще нет. Все заключенные живут в хороших общежитиях».

Брянская область

3 октября 2008 года

В колониях Брянской области (ИК-6 и ИК-5) в связи с репрессиями со стороны нового начальства УФСИН **начались волнения.** В знак протеста заключенные вскрывают вены и объявляют голодовки. В ко-

лонию ИК-6 в г. Клинцы введен ОМОН. Конфликтную ситуацию спровоцировал новый начальник УФСИН по Брянской области Сергей Мороз, который был назначен 2 месяца назад. Он прибегает к силовым методам решения проблем, а сами заключенные указывают на «отвратительные бытовые условия проживания». По словам заключенных, аналогичная ситуация сложилась в ИК-5 в городе Стародуб Брянской области, где 14 человек вскрыли себе вены.

Свердловская область

29 октября 2008 года

Осужденные, которые содержатся в ШИЗО, **нанесли себе увечья** – вскрыли вены и животы. Этот факт подтвердил президент общественной организации «Правовая основа» Алексей Соколов. Он пояснил, что беспорядки — итог отсутствия нормальной оперативной работы со стороны сотрудников ГУ ФСИН области. По информации ФСИН, «заключенные **ивдельской колонии ИК-62** сами нанесли себе травмы с целью шантажа». Согласно официальной версии, 29 октября в ИК-62 мужчина, осужденный по статьям 228 (изготовление, перевозка, хранение и сбыт наркотиков), 158 (кража), находился в камере ШИЗО и готовился к этапированию в Ивдельский городской суд для участия в судебном заседании в качестве свидетеля. Однако мужчина решил, что его готовят в этапированию в другую колонию, и пустил слух по другим камерам, что администрацией колонии готовится массовый вывоз осужденных из помещения ШИЗО в другие исправительные учреждения. Распространение этих слухов привело к тому, что с 9 до 13 часов 9 осужденных, находящихся в разных камерах помещения ШИЗО, совершили демонстративные членовредительства, порезав себе предплечья. Таким образом осужденные пытались воспротивиться переводу в другие колонии, что не предполагалось. Всем порезавшимся была оказана медицинская помощь. По данному факту ивдельская прокуратура проводит проверку.

Согласно сообщению от 31 октября, еще 12 осужденных колонии нанесли себе накануне резаные раны рук и предплечий. Все раненые заявили о своем несогласии с тем, как их содержат в изоляторах. Представителям прокуратуры, проводившим проверку по данному факту, осужденные заявили о своем несогласии с водворением в штрафной изолятор и ненадлежащими условиями содержания в ШИЗО – их не выводят на регулярные прогулки и изымают при водворении в изолятор личные вещи.

Якутия

5 ноября 2008 года

В исправительной колонии № 7 в пригороде Якутска **несколько осужденных причинили себе увечья**. Якутская прокуратура провела проверку по этому факту и признала действия администрации колонии правомерными. Как объяснили в территориальном управлении ФСИН, все эти осужденные являются злостными нарушителями установленных в исправительном учреждении правил и распорядка. «Эти заключенные содержались в отряде строгих условий. В знак протеста против выполнения требований администрации колонии по заправке кроватей по единому образцу в соответствии с правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений совершили акт членовредительства. Зачинщики установлены и изолированы». В то же время заместитель председателя комитета профсоюза осужденных Республики Саха (Якутия) Наталья Зарубина сообщила, что четырнадцать осужденных нанесли себе увечья после того, как их «обработали» физически в профилактических целях. Четверо были госпитализированы в больницу на территории исправительной колонии.

Кабардино-Балкария

5 ноября 2008 года

Десять жителей Ингушетии и двое жителей Чечни, **заключенные** в изолятор временного содержания в столице Кабардино-Балкарии, **проводят** с 21 октября **полную голодовку**. Причиной объявления голодовки, по словам адвоката троих голодающих Магомеда Гандарова, названо необоснованное затягивание судебного следствия по делам 12 обвиняемых. Объявившие голодовку заключенные имеют в основном один и тот же состав обвинения. Это различные тяжкие и особо тяжкие преступления. Адвокат утверждает, что осужденных подвергают пыткам и избиениям, заставляют подписать признательные показания. Руководитель представительства российского правозащитного центра «Мемориал» Тимур Акиев сказал, что его организация следит за этим процессом с самого начала и они возмущены тем, как искусственно затягивается дело 12 обвиняемых.

Саратов

13 ноября 2008 года

С 10 на 11 ноября в исправительной колонии № 33 Саратова **чуть не произошли массовые беспорядки**. Около сотни заключенных, подойдя к помещению дежурной части учреждения, потребовали вызвать для переговоров руководство ГУФСИН по Саратовской области, а также работников прокуратуры. Причиной массовых волнений стало избивание одного из заключенных пьяным сотрудником оперативной части. Заключенный был избит за то, что отказался делиться с тюремщиком информацией о других заключенных. По факту произошедшего саратовский городской отдел СУ СК возбудил уголовное дело. Офицера-тюремщика подозревают в превышении должностных полномочий с применением насилия.

Свердловская область

20 ноября 2008 года

В исправительной колонии строгого режима, расположенной на территории поселка Сосьва, **проведена прокурорская проверка по факту голодовки** 67 заключенных. 12 ноября во время ужина в помещениях камерного типа и единых помещениях камерного типа колонии 34 осужденных отказались от приема пищи, а на следующий день еще 33 осужденных, содержащихся в помещениях штрафного изолятора, отказались от завтрака. В связи с этим с голодающими встретился уральский прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Одной из причин голодовки явился отказ администрации учреждения удовлетворить требования осужденных не носить одежду и обувь предусмотренного образца. Уральский прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях разъяснил голодающим необоснованность их требований. В результате осужденные прекратили акцию.

Архангельск

24 ноября 2008 года

В соответствии с планом мероприятий по передислокации исправительной колонии № 22 УФСИН России по Архангельской области на минувшей неделе в исправительную колонию строго режима № 5, находящуюся в г. Корьяжма, прибыли 19 осужденных, ранее отбывавших

наказание в исправительной колонии № 22. 21 ноября после подъема в колонии данные осужденные были выведены для проведения физической зарядки согласно установленному распорядку дня. Однако осужденные отказались от зарядки. При этом они выражались в отношении сотрудников нецензурной бранью и жаргонными выражениями. Затем осужденные также отказались заправить спальные места и навести порядок в помещении, вели себя агрессивны. Сотрудниками учреждения **к осужденным были применены физическая сила и специальные средства**. По данному факту в УФСИН России по Архангельской области проводится служебная проверка. О происшествии сообщено в прокуратуру с целью правовой оценки степени противоправности действий осужденных и применения к ним физической силы.

Волгоградская область

10 декабря 2008 года

Районным судом Фроловского района Волгоградской области **поставлена точка в громком деле о бесчинствах начальника колонии № 25**. В ходе проведенной ранее прокурорской проверки выяснилось, что начальник колонии № 25 Петр Никитин заставлял осужденных работать в его частном домовладении. А одного из зеков он даже избил в своем служебном кабинете. Никитин был уволен из учреждения исполнения наказаний, а недавно и осужден за злоупотребление служебным положением и превышение должностных полномочий по ч. 1 ст. 285 и п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Суд назначил ему наказание в виде 3 лет 2 месяцев лишения свободы условно. Всего в текущем году прокуратурой Волгоградской области выявлено свыше 900 нарушений в деятельности учреждений исполнения наказаний. В адрес руководителей учреждений ГУ ФСИН внесено 490 представлений, по итогам рассмотрения которых 320 должностных лиц привлечены к дисциплинарной ответственности. Опротестовано 58 незаконных приказов и распоряжений.

Страсбург

16 декабря 2008 года

Европейский суд по правам человека рассмотрит жалобу матери больного диабетом заключенного из Коми в приоритетном порядке. Письмо Страсбургского суда о принятии такого решения поступило в Коми, в правозащитную комиссию «Мемориал». Суд в Страсбурге

будет выяснять, соответствуют ли условия содержания осужденного требованиям статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека. Последняя запрещает пытки и другие формы бесчеловечного и унижающего людей наказания. Заключенный страдает сахарным диабетом в тяжелой форме, который осложнен диабетической катарактой. В декабре 2006 года был осужден на два с половиной года колонии общего режима. В настоящее время отбывает наказание в Микуни. По его словам, в колонии он не снабжался нужным ему инсулином и не получал необходимой диеты, в результате чего практически лишился зрения. В администрации УФСИН *утверждают*, что больной заключенный, отбывающий наказание за изнасилование, получает все необходимые ему лекарства и продукты и что он поступил в колонию практически слепым. Как следует из письма Европейского суда, председатель соответствующей палаты суда принял решение о рассмотрении дела в приоритетном порядке и незамедлительно переслал жалобу правительству России. Это дает надежду, что больного все-таки отправят на операцию по удалению катаракты в тюремную больницу имени Гааза в Санкт-Петербурге.

Хакасия

17 декабря 2008 года

Прокуратурой Хакасии окончена проверка соблюдения требований законодательства в Абаканской воспитательной колонии. Эта колония – самое старое в республике исправительное учреждение, она образована в 1945 году. Сейчас в колонии отбывают наказание в виде лишения свободы 165 человек, 143 из них – несовершеннолетние. Большая часть осужденных (111 человек) направлены в колонию для отбывания наказания из Красноярского края. Проверкой установлено, что условия содержания осужденных в колонии соответствуют требованиям закона. Администрацией учреждения проводится воспитательная работа с осужденными, принимаются меры по недопущению нарушений установленного режима отбывания наказания. Вместе с тем прокурорской проверкой выявлены нарушения требований законодательства при производстве удержаний и перечислений денежных средств осужденных по исполнительным документам, а также факты несвоевременного перечисления денег с личных счетов осужденных в случае их перевода в другие исправительные учреждения. В адрес начальника Управления ФСИН РФ по РХ внесено представление об устранении выявленных нарушений действующего законодательства.

Мурманская область

17 декабря 2008 года

Мурманским прокурором по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях **проведена проверка** исполнения законодательства о пожарной безопасности в исправительной колонии № 17, в результате которой установлены грубые нарушения требований Федерального закона «О пожарной безопасности». В жилых помещениях, где проживают осужденные, в производственных зданиях, в здании школы и ПТУ, а также в административных зданиях на протяжении длительного времени не оборудуется автоматическая пожарная сигнализация, отсутствуют первичные средства тушения пожара. Мурманский прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях обратился с иском в суд о возложении на исправительную колонию № 17 обязанности устранить указанные нарушения закона. Кроме того, этим же прокурором установлены нарушения исправительным учреждением ИК-17 законодательства о материально-бытовом обеспечении лиц, осужденных к уголовному наказанию в виде лишения свободы и отбывающих наказание этой колонии. В нарушение требований ст. ст. 99, 123 УИК РФ осужденные проживают в общежитиях, где жилая площадь менее установленных законом двух квадратных метров. Общежития не оборудованы коммунально-бытовыми помещениями – комнатами для хранения продуктов питания и приема пищи, сушилками. Мурманским прокурором по данным фактам нарушения законности предъявлен иск о возложении на ФБУ ИК-17 обязанности оборудовать общежития соответствующими бытовыми и подсобными помещениями, а также обеспечить размещение осужденных в соответствии с установленной нормой жилой площади.

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

ХОТИТЕ СДЕЛАТЬ ДОБРОЕ ДЕЛО? –

Передайте «вещи на освобождение» девочкам и мальчикам из воспитательных колоний!

Только в Новооскольской колонии для девочек содержится 275 девочек от 14 лет до 21 года.

В каждый месяц за ворота зоны выходит 10–15 девочек.

У большинства из них нет никого, кто бы мог им прислать достойную одежду, в которой бы они не слишком отличались от своих более удачливых сверстников.

Все, что им нужно, это:

Обувь (кроссовки или сапоги), куртка, брюки, кофта, футболка (без горла), носки (короткие), косметика: губную помаду, тушь, тени, дезодорант.

Одежда должна быть достаточно модной и, конечно, чистой, косметика – без алкоголя.

Кроме того, для тех, кто еще в зоне, всегда нужны: **мыло, шампунь, заколки и резинки для волос.**

Мы посещаем колонию каждые три месяца, и с удовольствием передадим ваши подарки!

В Новооскольской колонии:

30 девочек из 275 – сироты, у большинства – только один родитель, у 50 – расстройство психики,

37 страдают алкоголизмом и наркоманией,

92 – другими заболеваниями.

У многих – розовые мечты на жизнь после освобождения, но большинству их надежд не суждено сбыться, потому что дома их ждет тот же мрак, что привел их в тюрьму...

Ваше добро может сделать их сильнее и изменить их жизнь!!

Звоните в любое время:

8(926)310-8708; 8(906)767-0983

Центр содействия реформе уголовного правосудия

Олег Павлов

Барак

Памяти Александра Исаевича Солженицына

Русская литература дала миру образы «зеков», уподобив сам этот мир лагерному бараку. Но литературные герои, получившие благодаря своим великим авторам всемирную известность, – это две оказавшиеся роковыми для России и её истории ипостаси русского человека – правильный зек и душевный раб.

«Один день Ивана Денисовича» – это вещь прямого столкновения. Бывают взрывы, их называют «направленными», таким вот «направленным взрывом», в смысле выхода энергии, был этот рассказ, заряженный от русской жизни, будто от гигантской живой турбины, которую во вращение приводили и реки, и ветры, и вся людская, меренная на лошадиную, сила. Этой машиной, махиной, молохом был уподобленный миру лагерный барак.

Многое в «Одном дне Ивана Денисовича» совпадает деталями, обрисовкой, обстоятельствами с толстовской легендой о Платоне Каратаеве, так что порой кажется, что совпадения направлены, сознательны. Однако здесь и важно отделить сознательные совпадения в образах Шухова и Каратаева от бессознательных – того, что есть в таком герое уже даже не типического, а архетипического (ведь это, повторимся, *атом* человека, то есть не тип, из жизни взятый, в жизни подсмотренный да обобщённый, это архетип, обобщённое природой, историей).

Архетипическое, бессознательное совпадение – в обстоятельствах. Это главное обстоятельство – *барак*. И с Иваном Денисовичем Шухо-

вым, и с Платоном Каратаевым знакомимся мы в бараке. Этот человек, на которого каждый из своего века глядели Толстой и Солженицын, был не подневольный, не просто угнетённый, а заключённый, лишённый свободы даже в передвижении. Заключение, барак, такая вот не-свобода, превращающая людей в одну сплошную безликую массу сдавленных друг с другом тел, – это среда, где и высекается из массы атом человека, который, по Толстому, не мыслит себя отдельно, а имеет смысл только как частица целого, так что «каждое слово его и каждое действие было проявлением неизвестной ему деятельности, которая была его жизнью»; а по Солженицыну, не верит ни в рай, ни в ад, считая их обманом, и, не желая жизни вечной, бессмертия души, не понимает своего интереса в жизни, кроме исполнения самых простых нужд, так что «он не знал, хотел он воли или нет». Этот человек в заточении обретал самого себя и неожиданно раскрывался в природных своих чертах – в сырости барачных прорастало семя, что должно было прорасти, будь ему земная-то жизнь волей. Этот человек абсурдным образом омужичивается именно в бараке, в неволе. А прорастало в нём семя христианское-крестьянское, но по-рабски уродливое. Рабство дало ему лживую свободу, безысходную свободу, свободу тайного действия. У Достоевского в «Записках из мёртвого дома», где в подземелье каторги обнаруживает он галерею лиц и душ из народа, встречается тоже точно такой вот атом – Чекунов, человек с такой душой и лицом, даже повадками, как у Шухова и Каратаева. Это тот добровольный раб, который старался прислуживать герою «Записок» в остроге, – как бы душевный раб, потому что услужить старался именно по доброй воле. Образы душевных рабов потом двоятся и троятся у Достоевского – это и Акулькин муж, и Смердяков, и мужик Марей... Но, повторяю, этот атом человека не подглядывали и не писали его как с натуры; именно он, уже как не тип, а как архетип русского человека, рождал сложное и чем-то кровно тяжеловатое, тягостное к себе отношение – тот самый *серьёзный* взгляд. Серьёзность отношения порождала в свой черёд тот эффект, как если бы кусочек глины лип к рукам, и уже из этого кусочка начинали лепить, ваять на свой взгляд фигурку – эффект переноса на фигурку собственного скрытого внутреннего смысла, так что фигурка стала магической, мистической, имела уже особый сокровенный смысл. Такой сокровенный смысл стала иметь в русской литературе фигурка *душевного раба*; в общеупотребительном стыдливом понимании – фигурка *маленького человека*.

Метафорическое «маленький человек» сначала для обозначения только фигурки Каратаева употребляет настойчиво и Толстой, зная, что

каратаевы в России – это вовсе не люди в правах своих, а крепостные рабы. Также бессознательно направлен был Солженицын отыскать в лагерном бараке, уподобленном миру, магическую фигурку маленького человека, тоже, однако, зная, что шуховы в России советской – рабы; но именно человеческое, а не рабское желает видеть и Солженицын в судорогах выживания да повадках уже советского лагерного раба.

Сознательные совпадения Шухова с Каратаевым даются в деталях. Именно детали возможно без труда изменить, подменить на другие, но Солженицын деталями будто бы сознательно и сталкивает Шухова с Каратаевым, а уже только своей обрисовкой продолжает он линии, скрытые или недописанные Толстым, давая свою дальнейшую версию каратаевщины, но вольно или невольно уже только разоблачая, что было скрыто за фантомом, за недосказанностью.

Уже начало «Одного дня Ивана Денисовича» – это раскрытие всех деталей, зароненных Толстым в полуслове. Сказано у него, что Каратаев ходил за чужими посылками, без разъяснения, отчего это было нужно ему, а Шухов как нарочно с этой мысли начинает день, и с первой страницы нам Солженицын разъясняет: за посылкой мужичок этот сбегает, чтобы услужить, это одна из «лагерных подработок», но вот только подработать может лишь тот, «кто знает лагерную жизнь». Подработать: «...шить кому-нибудь из старой подкладки чехол на рукавички; богатому бригаднику подать сухие валенки прямо на койку, чтоб ему босиком не топтаться вкруг кучи, не выбирать; или пробежать по каптёркам, где кому надо услужить, подмести или поднести что-нибудь; или идти в столовую собирать миски со столов и сносить их горками в посудомойку – тоже накормят...» Ремеслом этим владеет Каратаев – из *деталей* этого ремесла выживания, что даны Толстым, разворачивает уже *картину* жизни лагерной, самого выживания Солженицын.

Не скоро, но совпадает ещё одна важная деталь: мы узнаём, что Шухов не какой-нибудь заключённый, а солдат и что его барак теперь – это, по сути, продолжение плена. Так и Каратаев – солдат; и он в балаган засажен как пленный, а это состояние и подразумевает – безвинный. Не за грехи, а по велению рока засажены в барак два русских солдата – осколки двух величайших для своих веков войн. Этот рок войны лишил личной судьбы, и солдат весь во власти его. Судьбы нет. Жизнь, где корни были этой судьбы, прекращена – вот то, что и сделало этот атом человека поневоле-то «частью целого». Ещё деталь – в обрисовке: Шухов и Каратаев женоподобны, слащаво мягонько говорят; «с нежно-певучей лаской, с которой говорят старые русские бабы». Если мужчине не служит женщина, жена, а по солдатской службе за-

были они своих жён, то женское является в его характере. Все служки так или иначе женоподобны, зато их избалованные холеные господа напиваются неожиданно мужественной грубой силой. Барство внешне воинственно, по-мужски крепко, потому ему прислуживают. А у Солженицына читается и другая неожиданная мысль: его Иван Денисович никогда не мог быть хозяином, не мог быть господином в своей семье, потому что столько денег, чтоб её содержать, никак нельзя было ему честно заработать. И снова, если не хозяин, не господин, хоть уже и в семье, то мужская сила убывает. Мягкость, кротость в Иване Денисовиче и Каратаеве является будто б не от душевной силы, а от слабости душевной. «Младшего нарядчего разве Шухов боится»; а вот пугается в балагане по-бабы Каратаев, когда Пьер громко возмущается о расстрелянных: «– Тц, тц... – сказал маленький человек. – Греха-то, греха-то, – быстро прибавил он...» Какого греха-то? Кого он боится? Кругом ведь свои, да и то храпят вповалку, а французы из конвоя русской речи-то не поймут. Значит, боится сам себя, страхом уже бессознательным, страхом слабости своей, добровольно себя страхом угнетая, когда даже нет для него причины.

Жизнью барачной, рабской в России разрушено прежде всего мироздание семьи. Бабы стали за мужиков – там, в них, есть та сила, что убывала по-рабски в их мужьях; что это за сила – расследовать будет Солженицын в «Матрёнинном дворе», а Толстой – во всех своих женских образах, которые тем его и притягивали, что в русской женщине чувствовал он неосознанно сокрытую другую волю к жизни, сохранившийся заповедник души, где всё ещё можно было спастись от затхлости балагана, барака.

Внутри повествования как у Толстого, так и у Солженицына введены также легенды человеческих судеб, где есть обобщения, схожие с библейскими притчами, – рок уже как Божья воля, причинность временная раскрыта уже как причинность вечная. Легенда о безвинном купце – катарсис по Толстому, катарсис, которым разрешается бытие для Платона Каратаева. И тоже о безвинно виноватом – это сказ бригадира Тюрина, легенда о комвзвода, и это катарсис, но другой. Купец, оклеветанный в убийстве, мучаясь за чужой грех, понимает так, что мучается за свои грехи и по воле Божьей, потому что «мы все, говорит, Богу грешные»; с ним встречается на каторге настоящий убийца, раскаивается, но как приходил указ выпустить невинного купца на волю, стали искать, а он помер – «его уж Бог простил». Тюрин же, уличённый как сын кулака, после своих и не мучений, а мытарств, продолжая жить, вспоминает, что позднее узнал о судьбе своих командиров-судей:

«...расстреляны в тридцать седьмом. Там уж были они пролетарии или кулаки. Имели совесть или не имели... Перекрестился я и говорю: "Всё же ты есть, Создатель, на небе. Долго терпишь, да больно бьёшь"».

Солженицын однажды высказал прямо свою личную версию Каратаева. Насколько была она для него определяющей в его собственной работе, то есть имела ли на неё такое же прямое влияние, – об этом утверждений его нет. Не соглашался же он с Толстым так, будто б Каратаев принадлежал не толстовской эпопее, а самой жизни: он, Каратаев – вовсе не всепрощенец и не такой уж простодушно «круглый», так вот утверждал Солженицын, он хитрит, ловчит, понимая по-своему, что в этом мире да почём... Что же затаилось в Каратаеве, какая такая душа? Все душевные качества каратаевщины проявляются ясно, резко в Шухове, обретая вовсе другой смысл.

Является не праведный человек, а «правильный зек». Праведности нет, а есть правила, неписанные лагерные рабские законы: «Вкалывай на совесть – одно спасение». Но в том, что делал Каратаев ради спасения, исполняя правила жизни в бараке, Толстой увидел глазами уже другого своего героя, Безухова, – осмысленность и праведность муравья, что тащит и тащит свою соломинку в общую кучу, созидая мир и жизнь. Безухов различил мужика в бараке по запаху, но ведь и мужик без ошибки различил в полутьме, в потерявшем свои сословные одежды человеке, барина – не иначе ведь тоже по запаху: «– А много вы нужды увидали, барин? А? – сказал вдруг маленький человек». После делится с ним он «важнущей» из супа картошечкой, а откуда она у него? почему вдруг-то *барина* подкормил?

Вся суть в том, что вот перед нами два природно русских человека, барин да мужик; тот, кто ничего не умеет сам себе добыть, и который – всегда себе заработает, кому «деньги приходили только от честной работы». Служить – это и есть честная работа душевного раба, а чтобы работать да выживать, нужен ему так вот душевно барин, хозяин.

Тут уже не один атом, а два, в своём соединении: Каратаев – Безухов, Шухов – Цезарь. Мужики – и через сто лет солдаты, а господа сменяли профессию; Цезарь не граф и не дворянского сословия, а, видимо, из творческой интеллигенции, но этот советский интеллигент – барин. Что удивительно, барством не веет от конвоя, от начальства, но шибает от Цезаря, хоть он в бараке такой же арестант, как и Иван Денисович. Шухов же притягивается именно к Цезарю как магнитом; как магнитом притягивает во тьме крошечной барака мужика к барину. Между двумя этими людьми, этими атомами есть такая вот притягательная сила даже в бараке, потому что Цезарю «разрешили» но-

свить чистую городскую шапку, а Безухову «разрешили» выбирать, в каком балаганчике, с офицерами или с солдатами, сидеть. Француз-конвоир тоже никогда бы не поделился табачком с Каратаевым, а с Безуховым ему есть о чём говорить, Безухова он угощает как равного. И потому барин так важен становится мужику, что только через барина может просыпаться и ему крошка табачку: манит запрещённое, манит та действительная явная свобода, воля, которая в самом есть только как тайное действие.

Но Цезарь делает то, на что Иван Денисович, работяга, не способен уже нравственно: Цезарь устроил себе и в бараке полубарскую жизнь тем, что «смог подмазать начальству» и ещё вовсе-то не постыдился взять в услужение себе подобных, поставить себя во всех смыслах выше таких же, как сам, собригадников, выше шуховых. А на каком основании? А на том, даже внешнем, что ему «не о чем было с ними говорить», что он с ними общих не имел мыслей и прочее, скажем, об искусстве. Из всех Цезарь близок только с кавторангом, остальные – не ровня, и если даст он Ивану Денисовичу окурочек, то за службу, а не по душе.

Шухов, раб лагерный, способен без всякой выгоды вдруг пожалеть Цезаря. Такой же жалостью к Безухову способен проникнуться и Платоша Каратаев. Но вот и Безухову было не о чем говорить с Каратаевым – он только его *слушал*. Окажись Безухов на сталинской каторге – быть ему, как и Цезарю, придурком, сживал бы тоже в натопленной конторке. Даже когда должны Каратаева пристрелить как собаку – нечего Пьеру сказать и жалости существенной к издыхающему солдату нет; потому нет жалости, потому не жалеет, что слабее ведь он этого мужика – даже умирая доходягой тот оказывается духом своим сильней барина. Оказывается, барин в России душевно слабее своего раба! Но не иначе и Каратаев ждал, как ждал Иван Денисович, стоя столбиком при Цезаре, что заметит его Безухов да «угостит покурить», но и о нём – *не помнили*.

Загадка другая – почему барак для мужика становится как дом родной? Для него работа – свобода. Что считает Шухов в лагере *своим* – всё, до чего коснулся своим-то трудом. Он кладёт и стену лагерную как свою. Ему жалко обломка пилки, и он рискует из-за неё жизнью, потому что жалко уже-то как своего. Что воля, что неволя, будто ничего у него не отнимают. Но единоличие, с другой стороны, тому же Шухову в мыслях его о колхозных мужиках, что не ходят на *общие работы*, ради своего огорода и прочее, отчего-то претит. Он общее воспринимает как своё – вот разгадка. Он делает для людей, то есть во имя *об-*

щего, как для себя. А для барина своё – это то, что он отделил себе от общего. Только конторка для Цезаря – своя, и он не ходит на лагерные *общие работы*, потому что именно работать может только единолично, только для себя.

Но в то же время в барстве есть неожиданное моральное превосходство над мужиком: чего нельзя честно заработать, то Иван Денисович или Каратаев умыкнёт, сворует – лишнюю порцайку или обрезков на обмоточки. Вот и скармливает Платоша «важнущую картошку» Безухову, и тот съедает с восторгом жизни, не согрешив, а ведь могла это быть та картошина, которую б Каратаев умыкнул, своровал из котла, как делает это без зазрения совести Иван Денисович – с него-то, с мужика русского, станется, «что он, миску стережа, из неё картошку выловил». Так подкармливает русский мужик безгрешного русского барина ворованной картошкой, продлевая-то барский век!

Но ловчить на лету – для мужика «правильно», потому что нет в его голове мыслей о праведности, а есть вот уж именно простодушная мысль, что мир никому не принадлежит, а если и принадлежит, то всем – и это правильное, справедливое положение мира. Каратаев в солдаты попадает, как в наказание, потому что поймали на порубке в чужом лесу, понимай так, что в барском. Так вот, для барина грех – это когда мужик дровишек в его лесу нарубил. А мужик и не подумает, что грешит, для него всегда подспудно этот барский лес был ничьим, общим, всечеловеческим. И за такие грехи не заставишь мужика мучиться. Потому есть ложь в том, что Каратаев умиляется, когда Бог ему смерть дал, будто грехи простил, но нет лжи в том, что Иван Денисович крестится, когда надо пронестись над гибелью, а «с благодарностью» за спасение уже не крестится.

Толстой хотел видеть религиозный тип в Каратаеве; Солженицын в Шухове увидел без прикрас честную земную мужицкую веру, проговорив, что страдает Иван Денисович не за Бога, и главный его вопрос: за что?! Так и Безухов не понимает: за что?! за что страдают люди безвинные? И это вопрос, который чуть не отменяет в России Бога. Возвращает «счастливый билет» в Царство Божие Иван Денисович, но это же и карамазовский вопрос, вопрос уже для человека по-господски просвещённого, образованного. В России будто б никто – ни мужики, ни бары – не в силах верить в такого Бога, каков он есть, но как духовные рабы уже в высшем порядке жаждут душевно Господина, Хозяина над собой: жаждут *другого* Бога с такой силой, что уже ему и служат и верят, как если бы не пусто это место, как бы где-то там он уже есть, тот создатель, что долго терпит да больно бьёт! Вопрос «за что?!» ре-

шается почти ветхозаветной мезью жизни; таким сиротством, таким раскольничеством, что вся-то жизнь уходит в барак, где грехи всех сваливаются в один грех, в одно греховное месиво: «Я же не против Бога, понимаешь. В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и в ад. Зачем вы нас за дурачков считаете, рай и ад нам сулите?»

Солженицын миловал Ивана Денисовича – не казнил. Он сродняется с ним душой, оставляет кое-где недосказанности, чтобы было ему куда расти, но честно сам же описывает, что расти ему только и можно – от сих до сих. Шухов почти освободился, почти отбыл свой срок, но на свободу уйдёт – делать, как на лагерной фабричке, всё равно что зек, «дешёвые крашенные коврики»... «Один день Ивана Денисовича» – это не лагерь, увиденный глазами мужика; это лагерь, увиденный глазами Писателя. Солженицын заблуждался, когда утверждал, что Толстой писал *свободно*, – в силу своих обстоятельств эти два писателя свои взгляды самые сокровенные всё же глубоко запрятывали, отбрасывали от сокровенного обманную тень. Хоть был сокровенен Толстому этот мужик, а вот оглупил он его, принизил лиловой кривоногой собачкой.

Солженицыну, кажется, в рассказе его был сокровенным не только Иван Денисович, но и мелькнувший под самый конец рассказа человек, и мелькнувший-то не иначе как тенью Ивана Денисовича: «Теперь рассмотрел его Шухов вблизи. Изо всех пригорбленных лагерных спин его спина отменна была прямизною, и за столом казалось, будто он ещё сверх скамейки под себя что подложил. На голове его голой стричь давно было нечего – волоса все вылезли от хорошей жизни. Глаза старика не юрили вслед всему, что делалось в столовой, а поверх Шухова невидяще упёрлись в своё. Он мерно ел пустую баланду ложкой деревянной, надщерблённой, но не уходил головой в миску, как все, а высоко носил ложки ко рту. Зубов у него не было ни сверху, ни снизу ни одного: окостеневшие дёсны жевали хлеб за зубы. Лицо его всё вымотано было, но не до слабости фитиля-инвалида, а до камня тёсаного, тёмного. И по рукам, большим, в трещинах и черноте, видно было, что не много выпадало ему за все годы отсидиваться придурком. А заселотак в нём, не примирится: трёхсотграммовку свою не ложит, как все, на нечистый стол в росплесках, а – на тряпочку стираную».

Только в полуслове даны детали, только взгляд молчаливый указывает – вот он! Тот, который знает, за что терпит. Но и терпение его – это не всепрощение, а это терпение в непокорности, в сопротивлении окружающим нечистотам и злу. Это тот человек, в ком сохранилось достоинство человеческое. Не раб и не барин – человек. Тот, что не покорился общему во зле и жить не стал по тем правилам, что и все.

Но ни Толстой, ни Солженицын так и не сознались до конца и не произнесли *свободно*, что Каратаев и Шухов были лишены всех человеческих прав, были примерными рабами.

Сострадая рабам, желая видеть в рабских, рождённых неволей чертах русского человека не темноту и порчу, а свет страдальческий, добровольно обманывалось и всё сословие русских писателей. Всё это сословие – свободное – вместо того, чтоб проклясть рабское и в человеке и в жизни, раскаивалось безуховыми да цезарями в своём барстве, а каратаевыми да шуховыми изывало виноватость за свободу своего-то положения перед порабощённым русским мужиком. Раба в России это сословие не осуждало и не проклидало, а жалело да любило, делая само рабство уже религиозным, надмирным каким-то состоянием, видя в рабах святость да праведность. Иван Денисович, по Солженицыну, оказывается в конце концов тоже праведником, за праведность всё он и прощает ему, однако из-за плеча этого праведника указал нам уже не раба, а человека – на того, кто «трёхсотграммовку свою не ложит, как все, на нечистый стол». Этот стойк, узник своей совести – такое же русское явление, что и раб душевный. Солженицын написал этот образ в помощь Ивану Денисовичу, желая видеть уже двух этих русских людей – праведника и стойка – основой, твердью. Но что скрепляет своим душевным рабством Иван Денисович? Кажется, только рабство он и делает в своей душе сильней.

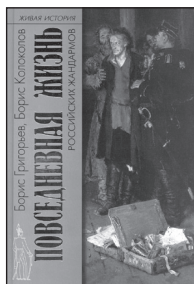
Так по пути ли им?

Солженицын, наделяя Шухова частичкой своей души и прошлого, сам не обратился в это же обаятельное рабство своей судьбой: любя шуховых, сострадая шуховым, и он-то в своей жизни «трёхсотграммовку свою не ложит, как все, на нечистый стол». Но, с другой стороны, Солженицын писал уже в ту эпоху, когда для большинства русских людей растворилось понятие Родины, понятие их русскости и общности как народа. У одних не было ничего за душой, кроме советского их настоящего. У тех, кто призывал восстать из скотского состояния, было сильно убеждение, что люди жили в советское время не на своей родной земле, а в «системе», в «коммунистической империи», будто с рождения надо знать, что та земля, где ты родился по воле Божьей, – это не родина, а чужое тебе «системное» образование, где уже затаился в твоём же народе внутренний враг, душитель твоей свободы.

Это отражение зеркальное советского иезуитского духа воспитывало уже в людях свободомыслящих ту же чуждость, как у бездомных – что у них ничего родного и святого, кроме пресловутой этой «свободы». Солженицыну в Иване Денисовиче было сокровенным, что этот

человек хранил в себе чувство родины... Всё кругом родное, хоть и скотское. Страшно восстать – страшно рушить родное. Страшно бежать, потому что некуда бежать со своей родиной. «Но люди и здесь живут». Катастрофу Солженицын почувствовал в том, что некому Россию полюбить, будто и нету её у русского человека, родины-то. Катастрофа – это лагерный русский народ без своей земли и чувства родины, да лагерная русская земелюшка – без своего народа, что давно уже никому не родина. А с этой своей простодушной любовью к родине, ко всему родному и делается Иван Денисович неожиданно стойким и главным для Солженицына человеком, его-то атомом восстановления.

Где находит успокоение, согласие духовное с миром русский человек, где же его «счастливый день» – это стало развязкой обоих творений, но ведь их финалом не кончалась сама русская история... Да и что там история... А если на другой раз не обманет Иван Денисович вертухая, пронося что-то запретное на зону? Круги расходятся и расходятся – не даром замысливал Достоевский «Житие великого грешника», потому что никогда в судьбе русского человека первым кругом ничего не кончалось, а скорее даже, что наоборот – первый круг только давал разгона роковой судьбе. «Красное колесо» должно было провести нас всеми этими кругами, но круги расплылись дальше и дальше; стоило одолеть один круг истории, как возникал новый – колесо не катилось, а охватывало обручем своего рокового бесконечного кольца. Но Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича» показал то, что кроется внутри этих кругов.

Борис Григорьев, Борис Колоколов.
Повседневная жизнь российских жандармов.
М.: Молодая гвардия, 2007.
Серия «Живая история. Повседневная жизнь
человечества».

Алексей Мокроусов

О русском жандарме замолвили слово

«Охранники – это всего лишь статисты на подмостках любой исторической сцены», – утверждают на первых страницах книги ее авторы. Но и через статистов пишутся портреты времени и населяющих его народов.

Классический портрет русского жандарма обычно связан с пышными усами и нездоровой, но столь жизнерадостной полнотой. Однако подробный рассказ – а книга пухла под стать ее героям, 852 страницы! – Григорьев и Колоколов начинают с петровских времен. А подлинным началом книги можно все же считать историю декабристов и их тайных обществ. Вот где доносы могли сыграть, но так и не сыграли спасительной для государства роли – уж больно к ним невнимательно относились поначалу. И дело тут не только в хрестоматийной расхлябанности власти, но и в особом отношении Александра к заговорщикам. Впрочем, те, чьи доносы все-таки были приняты во внимание, получали по заслугам. Так, капитан Вятского пехотного полка А.И. Майборода, донесший на своего командира П.П. Пестеля, стал в итоге командиром Апшеронского пехотного полка (правда, вскоре после увольнения в отпуск в 1842 году кончил жизнь самоубийством). Сразу же после подавления восстания его перевели в лейб-гвардии Грена-

дерский полк в Петербург. С одной стороны – повышение, с другой, как замечают исследователи, «оставлять его в полку, на командира которого он сделал персональный, хотя и вполне справедливый донос, было невозможно».

Любопытно, что качество доноса не являлось решающим при определении последующей награды. Так, донос унтер-офицера И.В. Шервуда уступал по степени информативности другим текстам подобного рода, но именно Шервуд единственный удостоился высочайшей аудиенции и множества отличий. Надо отдать должное новым сослуживцам Шервуда по столичному Драгунскому полку: вместо «Шервуда Верного», как ему повелели теперь называться, они прозвали его «Шервудом скверным» и «Фиделькой». Так проявилось характерное для русской культуры специфическое понятие чести, тождественное которому вряд ли найдешь в Западной Европе. Дескать, сами мы в заговоре не участвовали, товарищей арестовывали, сажали и казнили, но руки предателю не подадим.

Самой почетной наградой Шервуд, видимо, мог бы считать тот факт, что его изображение открывало портретную галерею агентов и осведомителей в Третьем отделении императорской канцелярии, из которого позднее и образовался Департамент полиции. Третье отделение было создано в июле 1826 года и состояло из четырех экспедиций. Первая занималась лицами, находящимися под полицейским надзором, вторая раскольниками, фальшивомонетчиками и политическими преступниками, третья – иностранцами, а четвертая – крестьянами и «всеми прочим». Из этого «прочего» в 1842 году было выделено важнейшее. На ту пору им оказался театр (видимо, как средство распространения идеологии и массового воздействия на публику); так в России появилась первая цензура в сфере искусства, театральная. Позднее, впрочем, выяснилось, что и она ни от чего не спасает.

В 1827 году появляется корпус жандармов, становящийся вскоре Отдельным корпусом. Начальником его штаба и управляющим Третьим отделением с 1839 года становится одно и то же лицо, совмещающее тем самым военную и гражданскую службу. Удачный образ для ситуации, когда в обществе начинается смешение двух противоположных начал, а само понятие государственности вырастает в понятие о милитаристском духе и специфически понимаемой гражданственности.

Кризис этой модели проявлялся непрерывно: управление страной пребывало в постоянном коллапсе и, кажется, не способно было ответить ни на один серьезный вызов времени. Николай I мог еще гонять петрашевцев по этапам и каторгам с тем же энтузиазмом, с каким

он до этого гонял молоденьких фрейлин по залам Зимнего дворца. Но, как только дело дошло до Крымской войны, бессилие системы аукнулось унижительным поражением. Странно было бы ожидать в этой обстановке покорного доверия со стороны молодых поколений. Народолюбцы сфокусировали в себе недовольство образованной части общества, их противостояние с властью становится одним из центральных сюжетов книги.

О том, насколько беспомощными в той ситуации ощущали себя верхи, говорит хотя бы указ Александра II от 5 августа 1879 года. Отныне обвиняемые в политических преступлениях могли быть преданы суду на основании лишь полицейских документов, без предварительного следствия. В это же время как жанр расцвело провокаторство. Когда после революции решили опубликовать список всех тайных агентов охранного отделения, выяснилось, что таковых было около десяти тысяч: с охранкой не сотрудничал только ленивый. Сами революционеры зачастую охотно шли на контакты с охранкой – то ли из желания поиграть с огнем, то ли пытались обернуть ситуацию себе на пользу – и чаще всего проигрывали партию задолго до эндшпиля. Как пишет мемуарист, цитируемый в «Повседневной жизни российских жандармов»: «...жандармерия лишь выбирала их (тайных агентов. – А.М.) из революционной среды. Их создавала сама революционная среда. Прежде всего они были членами своих революционных организаций, а уж затем шли шпионить про своих друзей...»

Вину за проигрыш в той изнурительной борьбе с инакомыслящими и инакодействующими в наименьшей степени можно возложить на Департамент полиции (многие члены которого, кстати говоря, искренне верили в свои идеалы). Это был исторически предreshенный процесс для большого и слабого государства, которым традиционно управляли плохо приспособленные к этому элиты. Не лучше и не хуже страны в целом было и охранное отделение. В книге приводится немало трагикомических историй о том, на что расходовались его силы и средства, предназначенные в общем-то для других целей. Так, видный петербургский начальник, директор Департамента полиции с говорящей фамилией Дурново, отправлял тайных агентов в Париж за казенный счет, чтобы следить там за своими любовницами. При этом любовницам он тоже выдавал госсредства на «оперативные расходы» (император, хочется воздать ему должное, уволил Дурново с рескриптом «Убрать эту свинью в 24 часа!», что, впрочем, не помешало последней стать позднее министром внутренних дел). А уж сколько было случаев ложной информации, сознательно отправлявшейся из нижних

эшелонов тайной полиции по начальству наверх – исключительно с целью выслужиться, оправдать расходование средств, добиться наград и повышения... Расследованиями подобных историй тогда занимались беспрерывно, их описания читаешь, смеясь сквозь слезы. Мало того, что следов патриотизма в подобных деяниях не найти, так еще и делалось все на редкость топорно. Опытному глазу достаточно было лишь взглянуть на отчет, чтобы понять, о липе каких масштабов идет речь, когда, например, съезд эсеров вдруг собирается в Тамбове, в котором никогда никаких организаций эсеров не было. Для лжесвидетельств готовили секретных агентов, но те во всем признавались проверяющим, едва войдя в комнату.

Авторы переработали множество архивных источников, мемуаров и специальной литературы (библиография едва уместилась на шести страницах), их книга просто подавляет обилием фактуры. Иногда повествованию явно не хватает концептуальной стройности, а попытки авторов превратиться в газетных публицистов вряд ли можно назвать удачными. Конечно, порой им удаются любопытные наблюдения и параллели. Например, в 1909 году рассматривался вопрос о школе филеров, для последних был подготовлен сборник с описанием разных ситуаций и практических советов. Школу не создали, но зато выработали пять инструкций по наружному наблюдению. Как замечают Григорьев и Колоколов, «их потом с успехом применили на практике советские чекисты», Но иногда из-за неспровоцированного пафоса авторам явно изменяет чувство меры – когда они пытаются объяснить, почему евреи столь массово пошли в революцию, или актуализируют прошлое через нынешние реалии.

Так, в начале XX века охранка почувствовала потребность в том, что сегодня мы бы назвали «пиаром». Вопрос об издании брошюр и книг, посвященных благодатной роли агентов, их реабилитации в общественном мнении многим казался актуальным. Предложения о написании подобного текста поступали к заведующему особым политическим отделом Департамента полиции Сергею Васильевичу Зубатову. Комментируя ситуацию, авторы не удерживаются от неожиданного сарказма, который, на их взгляд, вероятно, актуализирует ценности охранного отделения: «Зубатов не успел или не захотел написать такой брошюры, возможно понимая, что людям, которым это нужно для работы, и без брошюры ясно все ее значение, а людям посторонним, злонамеренным или не заинтересованным в *охране* русской государственности, все равно ничего не докажешь.

И правда: вопрос об оперативных средствах спецслужб неоднократно поднимался нашими „демократами“ еще в конце прошлого века и нет-нет – да и затронется снова».

Здесь примечательны не столько эти демократы в кавычках, сколько завершающая весь абзац цитата из Ключевского: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание своих уроков». Вопрос лишь в том, что понимать под уроками. Кажется, класс у нас один, а уроки почему-то у всех разные.

ОТ СУМЫ И ТЮРЬМЫ... Книга для всех.

М.: Даниловский благовестник, 2007. – 240 с.

Задача этой книги – напомнить обществу, что есть люди, страдающие за решеткой, и людям этим нужны участие, сострадание, помощь, наша молитва, наконец. Среди авторов сборника – и те, кто посвятил свою жизнь тюремному служению, и те, кто пережил покаяние в неволе. Жизнь этих людей наполнена настоящим смыслом, и мы надеемся, что их судьбы и рассуждения послужат хорошим примером для всех нас.

Ростислав Горчаков

Граждане пираты

«Высшая точка массового террора падает на первую половину 1938 года. В последующие месяцы давление несколько снизилось». Вряд ли кто-либо усомнится, что речь идет о сталинских репрессиях, и это действительно так: приведенная цитата взята из исторического исследования Роберта Конквеста «Большой террор». Но когда я, называя автора, произнес ту же фразу в кругу тайских друзей, те согласно закивали головами: да, все так и было, этот период оказался самым кровавым в истории судопроизводства их страны.

О сталинском терроре знает весь мир. О политических процессах, сотрясавших в конце тридцатых далекий Сиам, за его пределами известно лишь немногим исследователям. Да и сам масштаб репрессий представляется несопоставимым: миллионы узников в СССР – и тысячи в Сиаме. Причем из этих тысяч было казнено лишь... 18 человек. По современным меркам, это как бы и вообще не репрессии: ООН давно уже не удостоивает внимания несравнимо более страшные человеческие потери, привычно относя их к печальным, но неизбежным результатам мелких региональных конфликтов.

Но в самом Таиланде свой 38-й помнят. Уж слишком контрастно он выглядит на фоне общего хода развития этого буддистского королевства, никогда до этого не знавшего ни трибуналов, ни тем более расстрельных приговоров. Первые признаки тревожных перемен появились в июне 1932 года, когда революционные повстанцы провозгласили одним из своих лозунгов, казалось бы, совершенно невинное «Граждане, а не подданные!». Движущей силой переворота явилась неудовлетворенная медленным продвижением по службе армейская хунта, подстрекаемая группой социалистически настроенных реформаторов во главе с молодым приверженцем марксизма Приди Баномьенгом. Тремя главными итогами бескровного переворота стали (помимо появле-

ния массы новых генералов и полковников, разумеется) замена Королевского совета на Народный комиссариат, замена королевских указов на декреты и, наконец, замена прежнего многообразия почтительных тайских обращений на единообразное «гражданин». Российские читатели могут усмотреть во всем этом определенное сходство с нашими событиями начала прошлого века – и не слишком ошибутся. В Кембридже, где получила свое образование заметная часть будущих тайских революционеров, ленинские идеалы борьбы за права трудового народа были тогда весьма популярны: именно благодаря этой популярности НКВД не понадобилось практически никаких усилий, чтобы завербовать свою знаменитую «кембриджскую пятерку». Ни Филби, ни Блант, ни прочие ее участники исключениями отнюдь не были. Будь у наших резидентов побольше наблюдательности и денег – в советские шпионы с энтузиазмом записался бы едва ли не весь университет.

По счастью, отличий от Великого Октября в Сиаме имелось больше, чем сходства. Прежде всего монархия пользовалась у населения неколким авторитетом, причем авторитет этот был вполне заслуженным: за время правления своей королевской династии тайцы никогда не знали ни рабства, ни колониальной зависимости. Да и само слово «Таи» означало «свободный», в чем не раз убеждались вторгавшиеся в страну тайцев полчища бирманских, вьетнамских, кхмерских завоевателей: ни одна из бесчисленных попыток поработить Сиам успехом не увенчалась.

При таких условиях провозглашение лозунга «Долой короля!» было бы равносильно самоубийству. Поэтому прагматик Баномьенг поставил перед участниками переворота ограниченную цель: превратить абсолютную монархию в конституционную. Он верил, что дальнейшее движение к социализму осуществится волей народа, а лишенный инструментов власти гражданин Рама VII ни в чем не сможет воспрепятствовать развитию прогресса. Король препятствовать переименованию своих подданных в граждан и впрямь не стал. Будучи последовательным буддистом, он считал, что основой праведной жизни всегда являются дела, а не слова. Зато у военной хунты слово «национализация», все чаще повторявшееся Баномьенгом, вызвало самое активное неприятие: граждане офицеры затевали революцию вовсе не ради раздачи гражданам беднякам своих плантаций, наделов и лесопилок.

Поскольку уважение к частной собственности разделяло с офицерами немало торговцев, ремесленников, промышленников и удаленных из правительства аристократов, то Баномьенг поспешил наложить на всех недовольных его декретами клеймо антинародных мятежников, используя против них новые для Сиам революционные меры: разгон собра-

ний, запрет на демонстрации, массовые аресты. Когда к началу 1935 года за решеткой очутились сотни видных общественных деятелей, ученые-экономисты, министры, уважаемые журналисты и даже несколько членов королевской семьи, возмущенный Рама VII заявил, что отрекается от престола, ибо не хочет править страной, где буддисты применяют насилие по отношению к другим буддистам. Отбывая в Лондон, король передал трон своему обучавшемуся в Швейцарии 10-летнему наследнику Раме VIII, до совершеннолетия которого делами монархии должен был управлять Совет регентов при Национальной ассамблее.

Население охотно соглашалось зваться гражданами, но, точь-в-точь как и король, отказывалось понимать правомерность насильственных декретов. Национальная ассамблея все чаще становилась выразителем этих настроений, поэтому вторая половина тридцатых годов прошла в Сиаме под знаком нарастающих репрессий и постоянной грызни между партийными фракциями. Ее накал достиг такой степени, что однажды бежать за пределы Сиамы пришлось даже самому Баномьенгу, обвиненному в связях с эмиссарами зарубежных компартий. Неугомонный сторонник прогресса сумел вернуться к власти уже через год, свергнув прежнее правительство при помощи очередной группы недовольных военных во главе с полковником Пибулом Сонгкраном. Победа Баномьенга ознаменовалась торжественным присвоением Сиаму нового названия «Свободная страна» (Таиланд), что, впрочем, ничуть не помешало дальнейшему заполнению тюрем гражданами, ожидающими суда. Многие из них находились в камерах по пять-шесть лет, но до процессов дело никак не доходило, потому что составы судов непрерывно менялись из-за арестов самих судей. При диктаторе Сонгкране межфракционная политическая борьба утихла, Баномьенг получил ключевой для дела прогресса пост министра внутренних дел, и 1938 год стал временем открытия столь долго откладывавшихся судебных процессов.

Все это вроде бы должно указывать на схожесть тайских событий с советскими, но уже первые судебные заседания, широко освещавшиеся бангкокской прессой, продемонстрировали разительные отличия от практики «синхронных» по времени московских процессов. Вины Баномьенга в том не было. Просто рядовые тайцы восприняли дарованное им революцией звание граждан так, как и положено людям с многовековой традицией свободы: в качестве законного подтверждения равенства своих прав. И когда гражданин обвинитель пытался уличить гражданина обвиняемого в предательстве, тот под сочувственные возгласы зала спокойно отвечал, что и он, и его предки хранили верность Сиаму на протяжении девяти столетий. Эта верность легко подтверждается летописями и добрым мнением соседей. Тогда как домыслы о

предательстве решительно ничем не подтверждаются, вызывая жалость к человеку, который лишает себя клеветой всяких шансов на успешное перевоплощение в будущей жизни. Допущенные на процессы французские и английские наблюдатели только диву давались, глядя, с каким достоинством держатся исхудавшие на тюремном пайке ремесленники, врачи, деревенские старейшины, не говоря уже об аристократах, военных и бывших чиновниках королевской администрации.

Священнослужители на скамьях подсудимых отсутствовали: Сонгкран с Баномьенгом хорошо понимали, что арест любого буддистского монаха был бы чреват для режима такими необратимыми последствиями, по сравнению с которыми показалась бы пустяком даже попытка опорочить институт монархии, – и поэтому безропотно примирились с категорическим отказом духовенства поддержать диктатуру.

Решимость тайского общества сплоченно защищать свою национальную религию и свои гражданские права была не единственным препятствием, осложнявшим в 1938 году жизнь бангкокских обвинителей. В пылу политических распрей революционеры не удосужились создать собственный криминальный кодекс и теперь оказались вынужденными использовать древнее Уложение о наказаниях, где упоминалось только одно-единственное политическое преступление: измена королю. Доказать, что люди, поддерживавшие короля, на самом деле ему изменяли, вероятно, не составило бы никакого труда для Ульриха или Вышинского, но тайландские юристы слабо владели искусством диалектики. Один за другим граждане прокуроры приносили гражданам обвиняемым свои почтительнейшие извинения, граждане председатели судов подавали в отставку, а граждане журналисты гадали, когда же, наконец, подаст в отставку сам гражданин министр внутренних дел.

Ни в какую отставку Приди Баномьенг подавать не собирался. Он разрешил процессуальный тупик в лучших марксистских традициях: поскольку многие заключенные из числа особо ненавистной ему аристократии принадлежали к военной касте, то их дела были внезапно засекречены в качестве воинских преступлений и переданы для закрытого рассмотрения революционными трибуналами. Всего через три дня газеты сообщили ошеломленным читателям о первой партии из 18 расстрелянных. Вторая партия своей очереди не дождалась: уже на следующее утро улицы городов страны заполнили толпы возмущенных тайцев, готовых отстаивать право своих сограждан на свободу. К ним присоединились монахи множества буддистских монастырей. Никакого оружия они, разумеется, не имели, но для режима уже само их появление среди протестующих было куда страшнее жерл тяжелой артиллерии.

Направляя дела в секретное производство, Баномьенг полагал, что приговор ревтрибунала устроит всех недовольных властью, позволит ему проводить дальнейшие репрессии без всяких юридических помех. Вместо этого он получил взрыв народного негодования, мгновенно поставивший Таиланд на грань гражданской войны. Более всего министра поразило тот факт, что детонатором взрыва оказалась судьба каких-то аристократов, которых, по всем революционным канонам, широким народным массам следовало бы ненавидеть особо жгучей ненавистью. В любом случае отступить перед мятежниками Баномьенг не собирался, продолжая верить, что вид нацеленных на толпу пулеметов заставит ее мгновенно разойтись.

Легко себе представить, как далее развивались бы события в странах, не исповедующих буддизм, но в Таиланде гражданская война так и не началась. Во избежание всеобщего кровопролития семьдесят самых видных политических заключенных выступили с обращением к нации, где согласились добровольно подвергнуться грозившей им пожизненной каторге – с тем, чтобы остальные ожидающие приговоров узники были освобождены, а сограждане разошлись бы по домам. Взвесив все «за» и «против», гражданин министр согласился: международный престиж режима был низок как никогда, и мирное разрешение конфликта, несомненно, способствовало бы его укреплению.

Угроза уличных боев миновала, но тут возникла новая проблема: управление исправительно-трудовых работ Таиланда не располагало лагерями для политических заключенных, а размещать уважаемых всей страной людей в обычных колониях для уголовников генеральный директор управления Прем Фонвичай наотрез отказался. Самым убедительным аргументом в свою пользу директор считал невозможность обеспечить в колониях ту полную изоляцию, которую подразумевала категория «Особо опасные государственные преступники». Баномьенг считал доводы гендиректора бюрократическими отговорками и настаивал на незамедлительном переводе приговоренных из тюрем в лагерь.

Фонвичай неожиданно выручил один из его подчиненных – комендант Нарит Онтонг, прибывший в Бангкок из провинциальной исправительной колонии согласовывать план ее снабжения в новом, 1939 году. Согласование двигалось плохо. Шеф раздраженно сокращал затребованные объемы поставок сельхозинвентаря, продовольствия, медикаментов, вновь и вновь возвращаясь к жалобам на правительство, которое не в состоянии понять, что ему негде размещать «политиков». Согласование близилось к концу, когда собеседник Фонвичая тихо сказал: «Мне кажется, гражданин генеральный директор, вашу проблему можно решить

у меня. На острове Тарутао. Там, где хватило места для двух тысяч, хватит и еще для семидесяти, только надо будет построить им отдельную зону. Строители есть». Фонвичай отложил перо в сторону, встал, подошел к висевшей на стене карте и начал молча ее изучать. Вернувшись к столу, он смял и бросил в корзину только что подписанные бумаги. «Вы получите все, что просили, гражданин комендант, – сказал он. – И даже много больше, с поправкой на особое снабжение дополнительного контингента из семидесяти политических заключенных».

Места изолированнее Тарутао не смог бы подыскать и самый ревностный отшельник: этот восточный форпост Андаманского архипелага в Индийском океане и сегодня зовется в проспектах местных авиакомпаний не иначе как «уединенным раем». Такая характеристика полностью подтверждается сетевыми форумами, где побывавшие на Тарутао туристы со всего света (в том числе и наши соотечественники) делятся своими счастливыми впечатлениями от дней, проведенных среди тропических чудес, затерянных в океане. О том, что когда-то здесь располагалась колония для самых жестоких уголовных преступников, туристические проспекты почти не упоминают. Да в это и трудно поверить: какое правительство, будь оно хоть трижды буддистское, отправит своих изгоев в самый настоящий рай?

Но центром туристского притяжения Тарутао смог стать лишь после того, как в 1974 году указом короля Рамы IX Андаманский архипелаг был объявлен национальным заповедником. Понадобилось почти десятилетие, чтобы превратить в рай остров, который до этого вполне заслуженно считался адом. Конечно, волшебные пейзажи, десятки уединенных бухточек с золотистыми песчаными пляжами, низвергающиеся с горных склонов водопады, сияние лесных озер в ожерелье алых бугенвиллий существовали на Тарутао испокон веку. Но все это изобилие красоты перечеркивалось изобилием ужаса: остров буквально кишел крокодилами и малярийными москитами. Тайские, индийские и малайские рыбаки уже много веков подряд избегали Тарутао как зачумленного, заплатив за неоднократные попытки основать там поселения десятками жизней. От материка Тарутао отделяло 15 миль, что и предопределило создание там в июне 1937 года каторжной колонии для отъявленных рецидивистов, у которых насчитывалось по несколько побегов из прежних мест отбытия наказания.

Комендант Онтонг сделал своим главным блюстителем порядка малярию: таблетки хинина регулярно выдавались только тем заключенным, кто не имел нарушений трудовой дисциплины. Островные заявки на медикаменты нередко превышали суммарный объем заявок из прочих тайс-

ких пенитенциарных учреждений, и все же общие расходы Тарутао были весьма скромными по причине экономии на штатах охраны. Бежать с острова было невозможно: Сатун, ближайший к нему порт на территории Таиланда, находился в часе плавания, а обе самоходные баржи лагерной администрации охранялись не хуже транспортов знаменитого «Дальфлота».

Одна из этих самоходок и доставила в феврале 1939 года первый в истории острова контингент политзаключенных. Теоретически его можно было бы назвать первым и последним, но после 1941 года отдельная «политзона» в бухте Тало-Уданг на южной оконечности Тарутао время от времени спонтанно пополнялась за счет британских, американских и голландских военнослужащих, предпочитавших японскому плену интернирование в Таиланде. Их было немного, чуть более двух десятков, и специального лагеря для такой ничтожной горстки иностранцев правительство создавать не стало (формально оно не участвовало в военных действиях, соблюдая по отношению к Японии благожелательный нейтралитет, выразившийся в разрешении на транзит японских войск через территорию страны). Всех интернированных направляли в единственный «привилегированный пункт заключения» – на Тарутао.

Сомневаться в привилегированном статусе его политзоны не приходилось: каторжная ферма в бухте Тало-Уданг, вплоть до введения цензуры ко второму году войны в Азии, продолжала оставаться центром внимания прессы. Внимание журналистов обеспечивал высокий общественный авторитет «фермеров», среди которых было несколько родственников короля, бывших министров и ученых с мировой известностью. На страницах газет тщательно перечислялись отправляемые на остров партии продовольствия, домашней птицы, удобрений, инвентаря, плантационных саженцев, одежды, противомоскитных сеток, хинина и прочих медикаментов. Не были пассивны в обеспечении собственного здоровья и сами заключенные. Используя знания и опыт недавнего министра сельского хозяйства Кейсонга Тепайсита и принадлежавших к королевской семье ботаников из университета в Чьянг-Раи, они, при активном содействии администрации, за первый же год сумели добиться полного самообеспечения продовольствием своей маленькой колонии (за исключением риса), а в 1941 году приступили к снабжению продуктами фермы и основного лагеря на севере острова.

Такая помощь оказалась более чем своевременной. Уже к середине 1942 года положение с поставками продовольствия и медикаментов начало резко ухудшаться. Захват японцами Сингапура, Малайи и Бирмы полностью изменил всю экономическую ситуацию в регионе. Судоходство в некогда оживленном проливе, отделявшем Тарутао от материка, теперь

поддерживалось лишь небольшими китайскими шхунами – крупные суда предпочитали дальние океанские маршруты, которые охранялись усиленным эскортом. Многие малайские деревни, ранее в изобилии снабжавшие рисом весь азиатский Юго-Восток, были стерты с лица земли в ходе военных действий, площадь сгоревших лесов и уничтоженных плантаций не поддавалась учету, а рыболовецкий флот региона из-за потерь и конфискаций сократился до четверти от своего прежнего состава. Командующий японской армией генерал Ямасита ввел драконовский режим безоговорочной реквизиции всего, в чем испытывали необходимость его подчиненные.

В «транзитном» Таиланде этот режим был символически смягченным, но комендант Онтонг не уставал благодарить судьбу, пославшую на его остров семьдесят предприимчивых, эрудированных и трудолюбивых «кормильцев». Ибо привычные ежемесячные рейсы самоходок с грузами для Тарутао сменились сначала ежеквартальными, а затем и полугодовыми. Какое-то время призрак голода удавалось отодвигать с помощью мер, принимаемых на совместном «административно-политическом» совете, где неизменно председательствовал экс-министр Тейпасит, а сам Онтонг согласился на скромную роль секретаря. Совместная работа граждан охранников и граждан заключенных оказалась весьма плодотворной. Экс-адмирал королевского флота Сомкьярт возглавил бригаду рыбаков, которой комендант доверил снятую с одной из самоходок спасательную шлюпку. Бригада ботаников, где трудилось два профессора, один доцент и трое голландских агрономов в военной форме, получила богатейший урожай тыквы. Из интернированных англичан и американцев была создана охотничья команда, которой под честное слово офицеров были выданы два карабина с амуницией. Но если с продовольствием на острове все оставалось более или менее в порядке, то справиться с отсутствием медикаментов не могли никакие бригады.

На мольбы коменданта острова о срочном выделении хотя бы трети причитавшегося лагерю хинина директор Фонвичай рассудительно ответил: «Если война прекратится, гарантирую вам скорое возвращение к прежнему объему поставок. Если она продлится еще хотя бы год, отправка медикаментов будет прекращена полностью, ввиду окончательного опустошения наших складов. Думаю, что последний вариант более реален. Но в любом случае ваша задача остается прежней – не допустить ни бунта, ни эпидемии. Оружия у вас достаточно, а в вопросах снабжения предоставляю вам полную свободу действий».

Когда ответ Фонвичая был доведен комендантом до сведения «административно-политического совета», там воцарилось молчание. Его нарушил голос адмирала Сомкьярта: «Медикаменты проплывают мимо нас

почти каждый день. На китайских и малайских джонках. Их запасы хинина невелики, но они есть. Иначе суда просто не выпустили бы в море. Мы можем обратиться к ним с просьбой войти в наше отчаянное положение. Поделиться, либо обменять на что-то». «Например, на крокодиловую кожу, которая гниет у нас без всякой пользы», – тут же подхватил идею адмирала американский глава бригады охотников Тим О'Брайен. «А если они не согласятся?» – усомнился министр Тейпасит. Вновь наступила тишина. На сей раз ее прервал комендант. «Если они не согласятся, – твердо сказал он, – то я воспользуюсь правом на полную свободу действий, которое предоставил мне гражданин генеральный директор».

Первый выход в море прошел благополучно: сраженный красноречием бывшего спикера Национальной ассамблеи, призывавшего проявить милосердие к бедствующим заключенным, капитан китайской шхуны передал на самоходку почти половину содержимого судовой аптеки, наотрез отказавшись от платы. Еще более успешным оказался контакт с малайским буксиром, тащившим в Пенанг две забитые лесом баржи. Правда, ораторский дар спикера на малайцев особого впечатления не произвел, но за дюжину обработанных крокодиловых шкур они согласились доставить на обратном пути запас медикаментов, вполне достаточный, чтобы предупредить угрозу эпидемии. Чуть позже с помощью такого же обмена (на сей раз с рыбаками из Ланкави) удалось немного пополнить тающие островные запасы риса – главной пищи любого жителя Юго-Восточной Азии.

По приказу коменданта на прибрежной скале была выстроена четырнадцатиметровая вышка с двумя постоянно следившими за горизонтом наблюдателями, по сигналу которых лагерная самоходка тут же выходила в море на «снабженческую операцию». Итогом одной из таких операций стало потопление китайского парусника, чей шкипер отказался принять на борт спикера с комендантом, для острстки положив на борт ствол охотничьего ружья. Онтонг, и секунды не колеблясь, пустил в дело свой пистолет. «Это была автоматическая реакция, – пояснил он потом ошеломленному Сомкьярту. – Не привык я, чтобы на меня направляли оружие». Шкипер был убит на месте. Та же участь постигла пятерых членов экипажа, пытавшихся отразить десант с помощью багров и топоров. Опустевший парусник сожгли, а его груз переправили в трюмы самоходки, обменяв позднее на драгоценный рис через племянника коменданта, который занимал весьма удобный для такого рода сделок пост начальника таможенного склада в Сатуне.

Единодушный отказ заключенных принимать дальнейшее участие в «снабженческих операциях» комендант воспринял философски. «Го-

ворите, что не хотите превращаться из граждан заключенных в граждан пиратов? Очень хорошо. Вы имеете право выбора. Но у меня его нет. Согласно распоряжению гражданина генерального директора, у меня есть лишь полная свобода действий по предотвращению бунта и эпидемии. Я обязан выполнять это распоряжение любыми имеющимися в моем распоряжении средствами. И я буду его выполнять».

Повинуясь распоряжению гражданина гендиректора, граждане пираты быстро вошли во вкус и принялись заполнять таможенный склад «трофейными» запчастями к тракторам, одеждой, содой, радиоприемниками и велосипедами настолько успешно, что потребовалось совсем немного времени, чтобы за водами вокруг Тарутао закрепилась слава «Андаманского треугольника», где бесследно исчезало одно судно за другим. Экипажи стали вооружаться, а судовладельцы – искать обходные пути. Соответственно, и граждане пираты, уже не дожидаясь появления добычи у своих берегов, начали выходить на дальний поиск в открытое море. Абордажные партии самоходок были усилены за счет добровольцев из числа уголовников. Их оказалось столько, что Онтонг смог бы укомплектовать ими хоть целый линкор, числится такая единица в лагерном флоте. Таким образом, на Тарутао история советских репрессий вновь сблизилась с тайской: и тут, и там преступный мир зарекомендовал себя самым социально близким к власти элементом!

Пиратский бизнес лагерной администрации приносил такой доход, что метастазы укоренившейся на маленьком таможенном складе коррупции вскоре распространились на столичную торговлю, а оттуда проникли в систему снабжения транзитных японских войск. Безнаказанный товароборот краденого продолжался вплоть до января 1945 года, когда небрежность уверившихся в собственной неуловимости чиновников стала причиной краха всей отлаженной цепочки перепродаж. Обнаружив на купленных ими в Бангкоке тюках с плащ-палатками нестертые клейма, которые значились в перечне армейских грузов, бесследно пропавших при транспортировке из Манилы, японские интенданты тут же обратились за помощью к Тигру Малайи – сражавшемуся на Филиппинах генералу Ямасита. У того было по горло хлопот с наступавшими американцами, но находка интендантов настолько разъярила Тигра, что он уделил несколько минут составлению краткой радиограммы своим «благожелательным нейтралам».

Через два дня после отправки радиограммы племянник коменданта застрелился, увидев направляющийся к складу полицейский грузовик, а на следующее утро обе пиратские самоходки спешно покинули Тарутао в неизвестном направлении, чтобы никогда уже не возвращать-

ся к родному причалу. Судьба первой неизвестна. Вторую осенью 1946 года потопил британский тральщик, патрулировавший прибрежные воды Андаманского архипелага.

История с «гражданами пиратами» вызвала в стране новую бурю возмущения. Долгой она не была: всех политических заключенных без проволочек освободили, приурочив этот правительственный акт к широкой амнистии по случаю окончания Второй мировой войны. Сонгкран посчитал несвоевременным провоцировать публичные протесты на фоне восстановления дипломатических отношений с демократическими державами-победительницами.

Окончательно освободиться от диктатуры Сонгкрана (провозгласившего себя пожизненным маршалом) вольнолюбивым гражданам Таиланда, после множества восстаний и повсеместного вооруженного противодействия армейской хунте, удалось лишь в 1957 году. Диктатор бежал через Камбоджу в Японию, для которой им было так много сделано в военные годы. Там он спустя семь лет и умер.

Его соратник по перевороту Баномьенг, в полном соответствии со своими марксистскими убеждениями, на протяжении всей войны противился вовлечению Таиланда в орбиту империи Восходящего солнца. Это не слишком способствовало укреплению его авторитета у маршала, но зато вернуло ему расположение рядовых тайцев. Вернуло настолько, что он – закоренелый антимонархист! – сумел добиться от Национальной ассамблеи звания единственного регента короля Рамы VIII, а в апреле 1946 года был избран вопреки яростному противодействию маршала Сонгкрана премьер-министром. Ровно через два месяца после этого вернувшийся из Европы на родину юный король был найден застреленным в собственной спальне.

Напрасно премьер по радио и в газетах твердил, что имело место всего лишь романтическое самоубийство на почве неразделенной любви: сограждане вновь отказали ему в доверии – на сей раз навсегда. Вновь вышедший на улицы народ потребовал от Верховного суда страны открытого и беспристрастного расследования истинных обстоятельств смерти своего короля, и, когда следствие начало получать все больше улик, бросавших тень подозрения на Баномьенга, премьер-министр предпочел, не дожидаясь начала процесса, сбежать в Китай. Оттуда он перебрался в Париж, где сумел благополучно дожить до девятого десятка и скончался в 1983 году. Он охотно раздавал интервью всем желающим и, вспоминая прошлое, не жалел ни о чем. Кроме одного. *«Теперь я понимаю, что начал не с того, – повторял он. – Мне надо было начинать с судов. Суды – вот что в реформах главное».*

ЗАКОН И/ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Юрий Александров

Раньше срока

Кто бы и что бы не говорил, каких бы «понятий» не придерживался, а мечта у любого человека, попавшего в места не столь отдаленные, одна – быстрее освободиться.

Одни прикладывают для этого определенные усилия, другие надеются на родственников, друзей и адвокатов, третьи, делая вид, что им все безразлично, мечтают, чтобы произошло что-то такое, что позволило бы им освободиться, сохранив при этом «лицо», – мол, я не просил, а меня вот взяли и выкинули из зоны.

Надо сказать, что российское законодательство предусматривает такое освобождение, которое называется условно-досрочным (УДО). Кроме УДО, досрочно можно освободиться в результате замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, пересмотра приговора, по помилованию или амнистии, а также по болезни. Кроме того, можно попытаться перевестись в колонию-поселение. Это, конечно, не полная свобода, но все же и не тюрьма.

Ниже мы рассмотрим все перечисленные возможности (кроме пересмотра приговора, так как этот случай требует отдельного разговора), позволяющие досрочно покинуть места лишения свободы.

Условно-досрочное освобождение

Применение условно-досрочного освобождения (УДО) регулируется следующими основными документами: УИК – ст. 175; УПК РФ – ст. 396, 397, 399; УК – ст. ст. 79, 93; Постановлением Пленума Верховного Суда СССР¹ № 6 – 1976 г., № 9 – 1971 г., № 12 – 1977 г., № 7 –

¹ По закону документы, принятые во времена СССР, действуют, если они не противоречат нынешнему законодательству и не отменены.

1984 г., № 11 – 1985 г.; Постановлением Конституционного суда РФ № 16-П от 22.11.2002 г., рядом других нормативных документов.

Условно-досрочное освобождение в России весьма распространено. Если при советской власти условно-досрочно освобождалось не более 5–10% осужденных (в основном несовершеннолетних), то российское законодательство в этом плане оказалось значительно гуманнее. На протяжении последних 10 лет условно-досрочно и в связи с заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. ст. 79, 80 УК РФ) из российских мест заключения освобождается примерно 50% от общего числа освобождаемых. Так, например, если в 1999 году из 282 тысяч освобожденных «удушники» составили 93 тысячи (33 %), то в 2006 году они составляли уже 51,9%, а в 2007-м – 49,2 %.

Из этих цифр видно, что все разговоры о том, что администрация колоний и суды «зажимают» применение УДО, по меньшей мере не соответствуют действительности. А ведь досрочно из мест заключения освобождаются не только по УДО: есть еще и амнистия с помилованием, освобождаются по болезни, в связи с пересмотром приговоров. Да и в колонии-поселения уходит немало осужденных. А ведь колония-поселение – это то, что на Западе называется полусвободный режим.

Сравните, в демократической Франции в 2004 году условно-досрочно было освобождено всего 5,8% заключенных. А общее число освобожденных досрочно по различным основаниям (по болезни, условно-досрочно, по амнистии и помилованию, на полусвободный режим и т. д.) составило 33%. Примерно такая же картина во Франции и сейчас. Правда, с каждым годом там все большее распространение получает досрочное освобождение под электронный надзор (так называемые «электронные браслеты»). В 2007 году под электронный надзор во Франции было освобождено 2506 человек (на 52% больше, чем в 2006 году).

Абсолютно не соответствуют действительности и слухи о том, что в России, мол, суды отказывают в УДО повсеместно (смотри вышеприведенную статистику), а на Западе УДО «стреляет с первого раза». Вот один из примеров рассмотрения УДО в США.

Убийце лидера легендарной британской группы «The Beatles» Джона Леннона 13 августа 2008 года в пятый раз отказано в досрочном освобождении из заключения. Соответствующее решение в отношении Марка Дэвида Чэпмена приняла комиссия по помилованиям штата Нью-Йорк. По итогам непродолжительного заседания этого органа было решено, что 53-летний Чэпмен должен оставаться за решеткой, поскольку он совершил преступление с «особой жестокостью» и оно носило «беспрецедентный характер». По мнению членов комиссии, его услов-

но-досрочное освобождение «не будет лучшим образом отвечать интересам общества». Чэпмен, который был признан судебно-психиатрической экспертизой невменяемым, продолжит отбывать пожизненное заключение в тюрьме строгого режима Аттика в штате Нью-Йорк. Согласно законам штата, после 20-летнего пребывания в тюрьме он имеет право подавать прошения о досрочном освобождении. Этот вопрос рассматривался уже четырежды, и всякий раз выносилось отрицательное решение. В следующий раз он сможет попробовать добиться досрочного освобождения через два года. Правда, шансов на то, что его просьба будет удовлетворена, практически нет. Вдова певца Йоко Оно выступает категорически против выхода убийцы на свободу.

Как видно из этого примера, при решении вопроса об УДО в США учитывается мнение потерпевшей стороны. В России же потерпевшие зачастую даже не знают, что осужденный за преступление в отношении их человек освобожден из мест заключения.

В России условно-досрочное освобождение может быть применено ко всем категориям осужденных, в том числе и к отбывающим пожизненное лишение свободы. Кстати сказать, у нас, в отличие от других стран, отсутствует деление «пожизненников» на тех, к кому может быть применено УДО, и на тех, к кому оно не может быть применено ни при каких обстоятельствах.

Любой осужденный, а также его адвокат (законный представитель) вправе обратиться в суд с ходатайством об УДО. В ходатайстве должны содержаться сведения, свидетельствующие о том, что осужденный не нуждается в полном отбывании наказания, так как, отбывая срок, он полностью или частично возместил причиненный ущерб или иным образом загладил причиненный им вред и раскаялся в содеянном. В ходатайстве могут содержаться и иные сведения, свидетельствующие об исправлении осужденного. Осужденный свое ходатайство в суд подает либо напрямую, либо через администрацию ИУ. Подавать ходатайство через администрацию ИУ удобнее, так как выигрывается время.

Администрация ИУ не позднее чем через 10 дней обязана направить поступившее ходатайство в суд по месту отбывания осужденного. К ходатайству администрация прилагает характеристику на осужденного. В характеристике должны содержаться следующие сведения об осужденном:

- о поведении осужденного;
- о его отношении к учебе и труду;
- об отношении к совершенному преступлению.

Характеристика заканчивается заключением администрации ИУ о целесообразности применения УДО. Личное дело направляется в суд по запросу.

Применение УДО к лицам, достигшим 18 лет

Часть срока, которую необходимо отбыть, для применения УДО		
1/3	1/2	2/3
Применяется к лицам, осужденным за совершение преступлений небольшой или средней тяжести	Применяется к лицам, осужденным за тяжкие преступления	Применяется к лицам: 1) осужденным за особо тяжкие преступления; 2) ранее освобожденным условно-досрочно, если условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным частью 7 статьи 79 УК

Применение УДО к несовершеннолетним

Часть срока, которую необходимо отбыть, для применения УДО		
1/3	1/2	2/3
Применяется к лицам, осужденным за совершение преступлений небольшой или средней тяжести	Применяется к лицам, осужденным за тяжкие преступления	Применяется к лицам, осужденным за особо тяжкие преступления

Фактически отбытый срок лишения свободы не может быть менее шести месяцев.

Осужденные, отбывающие пожизненное лишение свободы, могут быть освобождены условно-досрочно при наличии двух условий:

- если судом будет признано, что они не нуждаются в дальнейшем отбывании наказания;

- отбыли не менее 25 лет лишения свободы².

Для применения УДО необходимо выполнение двух условий: отбытие осужденным определенной части срока наказания и исправление осужденного, которое на практике означает, что осужденный во время отбывания наказания

- примерно вел себя;
- занимался общественно полезной деятельностью;
- не нуждается в дальнейшем отбывания наказания.

Представление к УДО на лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, может иметь место, если у этих лиц не было злостных нарушений в течение трех предшествующих представлению лет.

Применяя УДО, суд вправе освободить осужденного не только от основного, но и от дополнительного наказания (полностью или частично).

При решении вопроса о доказанности исправления осужденного суд учитывает:

- характер совершенного им преступления;
- причины и мотивы этого преступления;
- роль осужденного в совершении преступления;
- состояние здоровья;
- личность осужденного.

Фактически отбытая осужденным часть срока наказания исчисляется из всего срока наказания. При снижении наказания актом амнистии или помилования³ либо определением суда (в случае изменения приговора) суд исчисляет фактическую часть срока отбытого наказания, исходя из срока, установленного актом амнистии, помилования или судебного постановления.

При применении УДО суд вправе возложить на осужденного определенные обязанности:

- не менять постоянного места жительства, работы и учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего исправление осужденного (органы милиции);
- не посещать определенные места;

² Если во время отбывания пожизненного лишения свободы осужденный вновь совершил тяжкое или особо тяжкое преступление, он не подлежит условно-досрочному освобождению.

³ Следует напомнить, что акт помилования может предусматривать не только освобождение от отбытия наказания, но и снижение срока наказания.

- пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания;
- осуществлять материальную поддержку семьи.

Суд вправе возложить на осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих, по мнению суда, его исправлению. Возложенные судом обязанности исполняются осужденным в течение всей неотбытой части наказания.

Основанием для представления об отмене УДО является не только совершение нового преступления, но и антиобщественное поведение. Если осужденный нарушил общественный порядок, за что на него было наложено административное взыскание, если злобно уклонился от выполнения возложенных на него обязанностей либо совершил неумышленное преступление, суд может постановить об отмене УДО и исполнении оставшейся неотбытой части наказания. Суд каждый раз решает этот вопрос строго индивидуально, с учетом всех имеющихся данных и личности самого осужденного, и вправе не отменять УДО.

Если лицо находилось под стражей, затем мера пресечения ему была изменена, а затем оно было осуждено и вновь взято под стражу, то срок содержания под стражей до изменения меры пресечения входит в срок, который осужденному необходимо отбыть для возможности быть представленным к УДО.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания является мерой поощрения осужденного, которая применяется только в случаях, когда суд признает, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.

Такая степень исправления предполагает, что цели наказания достигнуты в полном объеме и у осужденного сформировано уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также правопослушное поведение.

Порядок оформления УДО довольно подробно расписан в УИК РФ.

Написав ходатайство в суд, осужденный сдает его (а также другие имеющиеся у него документы – различные справки, ходатайства и др.) начальнику отряда, обязательно приложив копии приговора и судебных постановлений.

В своем ходатайстве он должен указать причины, по которым, как он полагает, он не нуждается в дальнейшем отбывании срока наказания и может быть освобожден условно-досрочно. Например, во время отбывания наказания он полностью или частично возместил нанесенный ущерб или загладил вред иным образом, раскаялся в совершенном преступлении и так далее.

Администрация ИУ все остальные документы оформляет самостоятельно.

Окончательное решение о возможности дачи заключения о применении или отказе в применении УДО к каждому конкретному осужденному принимается начальником ИУ на основании характеристики и других документов. В ИУ приказом начальника могут создаваться комиссии, которые подробно анализируют поведение осужденных и представляют начальнику свои рекомендации.

Суд обязан принимать во внимание, но не вправе отказывать осужденному в УДО по причинам отсутствия сведений об избранном им месте жительства, согласия родственников и иных лиц, согласия на его трудоустройство на то или иное предприятие, наличия исков, алиментов, кратковременности пребывания в данном ИУ.

В случае если судом отказано в условно-досрочном освобождении, повторное рассмотрение этого вопроса может иметь место не ранее чем через шесть месяцев со дня отказа⁴.

Участие осужденного в суде по рассмотрению вопроса об его условно-досрочном освобождении не является обязательным. Но если осужденный заявил о своем желании участвовать в рассмотрении его ходатайства об УДО, суд обязан обеспечить его право на участие в судебном заседании для изложения своей позиции и представления необходимых документов⁵. Если осужденный участвует в судебном заседании, он вправе:

- 1) ознакомиться с представленными администрацией ИУ в суд материалами;
- 2) участвовать в рассмотрении представленных администрацией ИУ материалов;
- 3) заявлять ходатайства и отводы;
- 4) давать объяснения;
- 5) представлять документы, с которыми, по мнению осужденного, должен ознакомиться суд.

Осужденный в суде может осуществлять свои права с помощью адвоката.

Участие прокурора в суде, рассматривающем дело об условно-досрочном освобождении, в соответствии с п. 7.2 приказа Генерального

⁴ Не ранее чем по истечении трех лет со дня отказа в отношении лиц, отбывающих пожизненное заключение.

⁵ Определение КС РФ от 11.07.2006 г. № 351-О.

прокурора Российской Федерации № 61 от 17.08.2006 г., является обязательным.

Необходимо помнить, что ограничений в действующем законодательстве по применению УДО к осужденным, больным туберкулезом и проходящим лечение в больнице, не имеется.

Следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а также в отношении осужденных на срок не свыше 6 месяцев, оставленных в СИЗО с их согласия (ч. 1 ст. 74 УИК РФ).

Условно-досрочное освобождение осужденных, оставленных для отбывания наказания в следственных изоляторах, рассматривается судом по месту дислокации следственного изолятора и оформляется аналогичным образом.

Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания

Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ, ч. 4 ст. 113 УИК РФ) предусмотрена для лиц, осужденных к ограничению свободы, содержанию в дисциплинарной воинской части и лишению свободы. Категория преступлений, совершенных осужденными, значения, согласно ст. 80 УК, не имеет. К сожалению, эта норма УК используется довольно редко, хотя по своему воспитательному эффекту она мало уступает УДО и превосходит перевод в колонию-поселение.

Решение о замене наказания более мягким видом наказания принимается с учетом поведения осужденного в период отбывания наказания.

Более мягким наказанием может быть признан любой вид наказания, предусмотренный ст. 44 УК, расположенный выше пункта «л» (лишение свободы на определенный срок), а именно:

- штраф;
- лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;
- лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград;
- обязательные работы;
- исправительные работы;
- ограничение по военной службе;

- ограничение свободы;
- арест;⁶
- содержание в дисциплинарной воинской части.

Так же, как и при УДО, при замене неотбытого наказания более мягким видом наказания суд может принять решение о полном или частичном освобождении осужденного от отбывания дополнительного наказания.

Фактический срок отбытия наказания, после которого возможна замена на более мягкий вид наказания, составляет:

- для лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, – не менее 1/3 срока наказания;
- для лиц, совершивших тяжкие преступления, – не менее 1/2 срока наказания;
- для лиц, совершивших особо тяжкие преступления, – не менее 2/3 срока наказания.

При этом обязательный ограничительный срок нахождения в местах лишения свободы, как это требуется при УДО (ч. 4 ст. 79 УК), не устанавливается.

Другие виды наказания при замене ими неотбытой части лишения свободы не должны превышать пределов, предусмотренных для них УК. Например, лицу было назначено наказание в виде 4 лет лишения свободы за преступление средней тяжести. После отбытия 1/3 назначенного наказания судом принимается решение о замене лишения свободы исправительными работами. Неотбытый срок лишения свободы составляет 2 года и 8 месяцев. Таким образом, назначенные в качестве замены лишению свободы исправительные работы не могут превышать срока в 2 года, поскольку это высший предел для этого вида наказания (ч. 2 ст. 50 УК).

В своем Постановлении от 26 ноября 2002 года № 16-П по делу о проверке конституционности положений ст. 77.1, 77.2, ч.ч. 1 и 10 ст. 175 УИК РФ и ст. 363 УПК РСФСР КС РФ указал, что право каждого осужденного за преступление просить о смягчении наказания, являясь непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности в сфере уголовно-правовых отношений, гарантирует каждому осужденному возможность добиваться смягчения своей участи вплоть до полно-

⁶ Арест не применяется до сих пор и вскорости будет отменен, но он устанавливается максимально до 6 мес., и если человеку остается сидеть три года, а ему эти 3 года заменяют на 4 месяца ареста – это облегчение.

го снятия всех тех ограничений в правах и свободах, которые установлены для него на основании закона обвинительным приговором. Эта правовая позиция имеет общее значение, чем предопределяются необходимость обеспечения осужденному права при наличии предусмотренных законом оснований и условий (ст. 80 УК РФ) обратиться непосредственно в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания и возложение на суд обязанности рассмотреть такое ходатайство по существу в установленном законом порядке. Таким образом, порядок оформления материалов в суд о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания практически тот же, что и при условно-досрочном освобождении.

Но имеется разница в названиях документов, которые администрация направляет в суд. Что касается УДО, то администрация готовит и направляет в суд характеристику, в которой должны содержаться данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию, а также заключение администрации о целесообразности условно-досрочного освобождения (ч. 1 ст. 175 УИК РФ). В случае же замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, администрация вносит в суд представление, в котором должны содержаться данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию (ч. 3 ст. 175 УИК РФ).

Амнистия

Амнистию ждут всегда. Амнистию ждали при царе, ее ждали при советской власти, ее ждут и в современной России. Слухи о том, что «вот-вот ее объявят», циркулируют в местах лишения свободы повсеместно. Надо сказать, что амнистия – не такое уж и редкое явление.

Только за последнее время Государственной Думой приняты Постановления от 20.04.2005 г. № 1761-IV ГД «Об объявлении амнистии в связи с 60-летием победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и от 19.04.2006 г. № 3043-IV ГД «Об объявлении амнистии в связи со 100-летием учреждения Государственной Думы в России».

Отношение к амнистии как среди населения, так и среди экспертов и государственных деятелей, различное. Так, например, Президент Франции Николя Саркози считает, что амнистий быть не должно (не отрицая при этом возможность индивидуального помилования). С ним солидарен писатель и ученый Даниил Корецкий, многие другие представители науки, а также некоторые практические работники пени-

тениарных учреждений, считающие, что амнистия дает лишь временную «разгрузку» тюрем. Спустя некоторое время, по их мнению, подавляющее большинство амнистируемых возвращаются в «места не столь отдаленные».

Другие ученые, а также правозащитники, считают, что амнистии способствуют в какой-то мере исправлению судебных ошибок, которых, особенно в России, достаточно много.

Но есть еще и потерпевшие, мнение которых при объявлении амнистии не учитывается, хотя вполне вероятно, что многие из них были бы против того, чтобы их обидчик освобожден раньше срока.

Так что вопросы о том, нужно ли проводить амнистии, как часто, кого амнистировать, не столь однозначны.

«Амнистия» в переводе с греческого означает забвение, прощение. В соответствии с п. «е» ст. 103 Конституции России объявление амнистии относится к ведению Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Все амнистии предусматривают освобождение от уголовной ответственности, от наказания и сокращение неотбытой части наказания. Амнистия, в отличие от помилования, объявляется в отношении индивидуально неопределенного круга лиц. В то же время в акте об амнистии указывается, к какому кругу лиц она применяется и какие определены основания к ее применению. Кроме того, в постановлении указывается категория лиц, к которым акт амнистии не может быть применен. Как правило, это лица, совершившие преступления, относящиеся к категории тяжких (отчасти) и особо тяжких.

Акт амнистии имеет, как правило, универсальный характер. Он может быть применен как к лицам, находящимся под следствием, так и к осужденным. В первом случае решается вопрос об освобождении лица от уголовной ответственности, а во втором – об освобождении от наказания. В отношении лиц, дела которых находятся в суде, но рассмотрение не начато, выносится определение (постановление) об их освобождении от уголовной ответственности, а в отношении лиц, дела которых начали рассматриваться, выносится обвинительный приговор, и осужденный освобождается от наказания.

Лица, приговоры в отношении которых вынесены, но еще не вступили в законную силу, подлежат освобождению от наказания. Решение о применении акта об амнистии принимается в отношении каждого лица индивидуально. При отсутствии необходимых сведений об этом лице рассмотрение вопроса о применении акта об амнистии откладывается до получения дополнительных документов.

Если приговор обжалован и в кассационном порядке дело рассматривается после вступления в действие акта амнистии, суд второй инстанции оставляет приговор без изменения и освобождает осужденного от наказания (при условии, если приговор не подлежит изменению или отмене по другим основаниям).

Как правило, акт амнистии содержит не только указание об освобождении от уголовной ответственности или наказания, но и положения, касающиеся сокращения назначенного наказания или его замены более мягким видом наказания. Амнистией может быть решен вопрос об освобождении от дополнительных видов наказания. Отдельными актами амнистий решается вопрос о снятии судимости с лиц, отбывших наказание.

Государственная Дума РФ вместе с Постановлением «Об объявлении амнистии...» в обязательном порядке принимает также Постановление «О порядке применения Постановления об амнистии...», в котором подробно расписывается порядок и условия реализации амнистии.

Организация исполнения актов об амнистии возлагается на администрацию органов уголовно-исполнительной системы России.

При применении амнистии от заключенных, включая содержащихся в следственных изоляторах, подачи каких-либо заявлений не требуется.

Но не надо думать, что амнистия применяется ко всем осужденным без разбора. В Постановлении «О порядке применения Постановления об амнистии...» всегда имеется пункт, гласящий, что злостные нарушители режима отбывания наказания амнистии не подлежат. Так что, кроме необходимости попадания в круг лиц, к которым амнистия может быть применена, необходимо также, чтобы претендент на применение к нему амнистии не был признан злостным нарушителем.

Помилование

В последнее время вокруг вопроса о том, следует ли продолжать практику массовых помилований или нет, развернулась целая полемика. Одни считают, что ограничивать количество помилований нельзя, другие говорят о том, что помилования не должны быть массовыми, а должны применяться в исключительных случаях.

Вопрос этот очень серьезный. С одной стороны, буквально несколько лет назад число помилованных превышало семь тысяч человек в год, что конечно же вызывало удивление. Ведь среди помилованных были в основном лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления. Ряд экспертов утверждает, что и рецидив среди помилованных был необычайно высок.

В последнее время число помилований резко сократилось, а процедура обращения к Президенту России значительно усложнилась.

Помилование осуществляется Президентом РФ (п. «в» ст. 89 Конституции РФ и ст. 85 УК РФ) и касается (в отличие от амнистии) одного или нескольких конкретных лиц. Помилование президентом осуществляется на основании заключения Комиссии по вопросам помилования на территории субъекта Федерации, утвержденного высшим должностным лицом субъекта Федерации после тщательного изучения ею прошения о помиловании и других документов, приложенных к прошению.

Помилование – это акт милосердия, применяемый только по отношению к уже осужденным за преступления лицам. На лиц, привлекаемых или привлеченных к уголовной ответственности, акт помилования не распространяется.

По акту помилования осужденный за преступление может быть:

- освобожден от наказания;
- ему может быть сокращен срок наказания;
- наказание ему может быть заменено более мягким;
- с уже отбывшего наказание может быть снята судимость.

Помилование может быть применено к лицу, совершившему преступление любой степени тяжести. Смертная казнь в порядке помилования может быть заменена либо на пожизненное лишение свободы, либо на лишение свободы сроком на 20 лет.

Деятельность комиссий по вопросам помилования и порядок рассмотрения ходатайств о помиловании регламентируются Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ № 1500 от 28 декабря 2001 г. (в редакции Указа Президента РФ № 359 от 16.03.2007 г.).

Согласно Положению, основными задачами Комиссии по вопросам помилования на территории субъекта Российской Федерации являются:

- предварительное рассмотрение ходатайств о помиловании осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, находящихся на территории субъекта Российской Федерации, а также лиц, отбывших назначенное судом наказание и имеющих неснятую судимость;
- подготовка заключений по материалам о помиловании для дальнейшего представления высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации);
- осуществление общественного контроля за своевременным и правильным исполнением на территории субъекта Российской Федерации

Федерации указов Президента Российской Федерации по вопросам помилования, а также за условиями содержания осужденных;

- подготовка предложений о повышении эффективности деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, иных государственных органов, находящихся на территории субъекта Российской Федерации, по вопросам помилования осужденных, а также социальной адаптации лиц, отбывших наказание.

Состав Комиссии по вопросам помилования на территории субъекта Российской Федерации и председатель комиссии утверждаются высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации). В состав комиссии входят не менее 11 человек. Членами комиссии могут быть граждане Российской Федерации, имеющие высшее образование, пользующиеся уважением у граждан и имеющие безупречную репутацию. Решение комиссии считается правомочным, если на ее заседании присутствуют не менее половины членов комиссии. Решения принимаются большинством голосов присутствующих на заседании членов комиссии. При равенстве голосов членов комиссии голос председателя комиссии является решающим. Состав комиссии обновляется на одну треть один раз в два года. Не менее двух третей состава Комиссии по вопросам помилования на территории субъекта Российской Федерации формируется из представителей общественности. Члены комиссии осуществляют свою деятельность на общественных началах.

Помилование осуществляется путем издания Указа Президента Российской Федерации о помиловании на основании соответствующего ходатайства осужденного или лица, отбывшего назначенное судом наказание и имеющего неснятую судимость.

В Российской Федерации помилование применяется:

- в отношении лиц, осужденных судами в Российской Федерации к наказаниям, предусмотренным уголовным законом, и отбывающих наказание на территории Российской Федерации;
- в отношении лиц, осужденных судами иностранного государства, отбывающих наказание на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации;
- в отношении лиц, отбывших назначенное судами наказание и имеющих неснятую судимость.

Помилование, как правило, не применяется в отношении осужденных:

- совершивших умышленное преступление в период назначенного судом испытательного срока условного осуждения;
- злостно нарушающих установленный порядок отбывания наказания;
- ранее освобождавшихся от отбывания наказания условно-досрочно;
- ранее освобождавшихся от отбывания наказания по амнистии;
- ранее освобождавшихся от отбывания наказания актом помилования;
- которым ранее производилась замена назначенного судом наказания более мягким наказанием.

Осужденный должен обратиться с ходатайством о помиловании к Президенту Российской Федерации только в письменной форме.

Ходатайство о помиловании регистрируется администрацией учреждения или органа, исполняющих наказание, в специальном журнале учета ходатайств о помиловании в день его подачи.

Ходатайство о помиловании направляется администрацией учреждения в территориальный орган уголовно-исполнительной системы не позднее чем через 20 дней со дня его подачи.

К ходатайству о помиловании администрацией учреждения прилагаются следующие документы:

- копия приговора (приговоров), в соответствии с которым (которыми) осужденный отбывает наказание, и копии решений вышестоящих судебных инстанций относительно указанного приговора (приговоров);
- извещение о вступлении приговора суда в законную силу;
- справка о состоянии здоровья осужденного;
- сведения о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением (если имеются);
- анкета с указанием биографических данных осужденного и сведений о его семейном положении;
- сведения о результатах рассмотрения предыдущих ходатайств о помиловании, если они подавались ранее и об этом имеется информация;
- справка о применении в отношении осужденного акта амнистии или помилования либо о применении условно-досрочного освобождения от наказания в отношении лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности;

- представление администрации учреждения с характеристикой осужденного, содержащей сведения о его поведении, отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, отношении к совершенному деянию.

Копия представления администрации учреждения направляется прокурору, осуществляющему надзор за соблюдением законов администрацией учреждения, в котором исполняется наказание.

К ходатайству о помиловании по просьбе осужденного могут прилагаться иные материалы, имеющие существенное значение для решения вопроса о помиловании.

Администрация учреждения уведомляет осужденного о направлении ходатайства о помиловании в территориальный орган уголовно-исполнительной системы под расписку на копии соответствующего сопроводительного письма. Отказ в направлении ходатайства о помиловании не допускается.

Ходатайство о помиловании в виде снятия судимости направляется заявителем самостоятельно в Комиссию по вопросам помилования на территории субъекта Российской Федерации по месту жительства заявителя.

Территориальный орган уголовно-исполнительной системы не позднее чем через семь дней со дня получения ходатайства о помиловании представляет его в комиссию, а также информирует о ходатайстве Федеральную службу исполнения наказаний.

ФСИН России ежемесячно, не позднее 15-го числа следующего за отчетным месяца, представляет Президенту Российской Федерации обобщенные сведения о ходатайствах о помиловании, поступивших в территориальные органы юстиции и направленных в соответствующие комиссии.

Комиссия не позднее чем через 30 дней со дня получения ходатайства о помиловании представляет заключение о целесообразности применения акта помилования в отношении осужденного высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации).

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) не позднее чем через 15 дней со дня получения ходатайства о помиловании и заключения комиссииносит Президенту Российской Федерации представление о целесообразности применения акта помилования в отношении осужденного или

лица, отбывшего назначенное судом наказание и имеющего неснятую судимость. К представлению высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) прилагаются ходатайство о помиловании, заключение комиссии, а также документы, указанные в п. 5 Положения.

При рассмотрении ходатайства о помиловании принимаются во внимание:

- характер и степень общественной опасности совершенного преступления;
- поведение осужденного во время отбывания или исполнения наказания;
- срок отбытого (исполненного) наказания;
- совершение осужденным преступления в период назначенного судом испытательного срока условного осуждения;
- применение ранее в отношении осужденного акта амнистии, помилования или условно-досрочного освобождения от наказания;
- возмещение материального ущерба, причиненного преступлением;
- данные о личности осужденного: состояние здоровья, количество судимостей, семейное положение, возраст;
- другие обстоятельства, если комиссия сочтет их существенными для рассмотрения ходатайства.

При рассмотрении ходатайства о помиловании высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) или комиссия вправе запросить у администрации учреждения, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления дополнительные сведения и документы, необходимые для подготовки материалов о помиловании осужденного. Указанные органы обязаны направить ответ на запрос высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) или комиссии не позднее чем через 10 дней со дня получения запроса.

Указ Президента Российской Федерации о помиловании в течение двух дней после его издания направляется высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), в Министерство внутренних дел Российской Федерации, тер-

риториальный орган уголовно-исполнительной системы, администрацию учреждения.

Об отклонении Президентом Российской Федерации ходатайства о помиловании осужденный уведомляется письменно высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) либо, по его поручению, председателем комиссии.

В случае отклонения Президентом Российской Федерации ходатайства о помиловании повторное рассмотрение обращения осужденного допускается не ранее чем через год, за исключением случаев возникновения новых обстоятельств, имеющих существенное значение для применения акта помилования.

Почтовые расходы, связанные с пересылкой ходатайств о помиловании (снижении срока в порядке помилования), производятся за счет самих осужденных, подавших ходатайство. За счет средств ИУ прошения направляются в следующих случаях:

- если подавший прошение осужденный является инвалидом I или II группы;
- если у осужденного на личном счете нет денег.

Особое значение при оформлении помилования имеет характеристика, в которой отражаются объективные данные на заключенного (его поведение, отношение к труду и учебе, его намерения и т. д.).

Освобождение по болезни

Из положений ст. 81 УК РФ и ст. 172 УИК РФ следует, что к досрочному освобождению от отбывания наказания по болезни могут быть представлены осужденные: а) заболевшие во время отбывания наказания психической болезнью, лишающей их возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими; б) заболевшие иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания. По смыслу ст. 81 УК РФ освобождение от наказания в связи с болезнью не может быть применено по отношению к подозреваемым (обвиняемым) и подсудимым.

До недавнего времени нормы права, регулирующие порядок освобождения осужденных в связи с тяжелой болезнью или психическим заболеванием, были изложены в УИК РФ таким образом, что было непонятно, кто же в этих случаях должен являться инициатором освобождения таких заключенных. Внесенными в январе 2006 г. изменениями в ст. 175 УИК РФ этот пробел устранен. Внесенные в УИК позитивные изменения направлены на обеспечение прямого доступа осужденных к пра-

восудию в соответствии со ст. 50 Конституции РФ (каждый осужденный за преступление вправе просить о смягчении наказания).

В случае наступления у осужденного психического расстройства, препятствующего отбыванию наказания, он сам либо его законный представитель вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении от дальнейшего отбывания наказания. Ходатайство об освобождении от дальнейшего отбывания наказания в связи с наступлением психического расстройства осужденный либо его законный представитель подает через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание. При невозможности самостоятельного обращения осужденного либо его законного представителя в суд представление об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания вносится в суд начальником учреждения или органа, исполняющего наказание. Одновременно с указанным ходатайством или представлением в суд направляются заключение медицинской комиссии и личное дело осужденного.

В этом случае судья на основании заключения врачебной комиссии выносит постановление об освобождении данного лица от дальнейшего отбывания наказания. Такому лицу суд может назначить принудительные меры медицинского характера или передать его на попечение органов здравоохранения.

Осужденный, заболевший иной тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания. Ходатайство осужденный подает через администрацию учреждения или органа, исполняющего наказание. Одновременно с указанным ходатайством в суд направляются заключение медицинской комиссии или учреждения медико-социальной экспертизы и личное дело осужденного.

В этом случае судья решает вопрос о его освобождении от отбывания наказания с учетом тяжести совершенного этим индивидом преступления, особенностей его личности и других обстоятельств.

Правила медицинского освидетельствования и представления к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью регулируются Постановлением Правительства РФ № 54 от 6 февраля 2004 г. (в ред. Постановления Правительства РФ от 30.12.2005 г. № 847). Некоторые вопросы, связанные, например, с транспортировкой освобожденных по болезни, регулируются совместным Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ и Министерства юстиции РФ от 17 октября 2005 г. № 640/190.

Медицинскому освидетельствованию подлежат осужденные, страдающие болезнями, включенными в перечень заболеваний, препятству-

ющих отбыванию наказания. Перечень заболеваний утвержден тем же Постановлением Правительства РФ № 54 и включает в себя значительное число болезней, в том числе различные формы прогрессирующего туберкулеза, злокачественные новообразования, болезни эндокринной системы, органов кровообращения, дыхания, пищеварения и т. д.

Осужденные, заболевшие в местах лишения свободы заболеванием, препятствующим дальнейшему отбыванию наказания, после всестороннего обследования в условиях стационара с привлечением в необходимых случаях специалистов лечебно-профилактических учреждений государственной и муниципальной систем здравоохранения, освидетельствуются специальной комиссией врачей уголовно-исполнительной системы в установленном порядке.

Медицинское освидетельствование осужденных осуществляется медицинскими комиссиями лечебно-профилактических учреждений УИС. В специализированных (психиатрических и туберкулезных) лечебно-профилактических учреждениях создаются свои специализированные медицинские комиссии. Медицинская комиссия состоит не менее чем из трех врачей. К работе комиссии могут привлекаться в качестве консультантов специалисты других учреждений здравоохранения.

Осужденные направляются на медицинское освидетельствование лечебно-профилактическими учреждениями и медицинскими частями УИС, а также лечебно-профилактическими учреждениями государственной и муниципальной систем здравоохранения при наличии у них заболевания, включенного в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, подтвержденного клиническими данными обследования его здоровья в условиях стационара лечебно-профилактического учреждения. В направлении на медицинское освидетельствование указываются сведения о состоянии здоровья осужденного, отражающие степень нарушения функций органов и (или) систем организма в связи с заболеванием, а также результаты проведенных лечебных мероприятий.

Осужденный должен быть в доступной форме ознакомлен с порядком и условиями проведения медицинского освидетельствования и заблаговременно уведомлен о дате проведения освидетельствования.

Отказ в направлении осужденного на медицинское освидетельствование осужденный или его законный представитель может обжаловать в порядке, установленном законодательством Российской Федерации⁷.

⁷ Вышестоящему в порядке подчиненности начальнику (УФСИН или ГУ ФСИН, а затем директору ФСИН), прокурору, в суд.

Медицинское освидетельствование осужденного проводится не позднее 10 дней со дня поступления в медицинскую комиссию медицинских документов. При необходимости медицинская комиссия может запросить дополнительные сведения о состоянии здоровья освидетельствуемого из учреждений здравоохранения, в которых он наблюдался, или направить его на дополнительное обследование.

По результатам освидетельствования комиссия выносит медицинское заключение о наличии или отсутствии у осужденного заболевания, включенного в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания. Решение принимается простым большинством голосов.

Медицинское заключение (с соответствующими разъяснениями) объявляется под расписку осужденному или его законному представителю. Копия медицинского заключения направляется осужденному не позднее трех дней со дня вынесения заключения, о чем делается отметка в журнале регистрации медицинских освидетельствований осужденных.

При ухудшении состояния здоровья осужденного повторное медицинское освидетельствование проводится независимо от времени, прошедшего со дня предыдущего освидетельствования.

В отношении осужденных, болезнь у которых наступила в результате умышленного причинения себе повреждений во время отбывания наказания или содержания под стражей, администрацией учреждения проводится проверка, по результатам которой выносится постановление о представлении либо об отказе в представлении к освобождению от отбывания наказания, за исключением случаев, когда в момент причинения себе повреждений лицо находилось в состоянии острого психического расстройства, подтвержденного врачами-специалистами.

В случае излечения лиц, освобожденных от отбывания наказания по болезни или вследствие наступления психического расстройства, они подлежат уголовной ответственности и наказанию, если не истекли сроки давности привлечения их к уголовной ответственности или исполнения обвинительного приговора⁸.

Если подлежащий освобождению осужденный в силу имеющихся у него заболеваний, психического состояния и физических недостатков к избранному месту жительства самостоятельно следовать не может, начальник медицинской части ставит об этом в известность начальника ИУ, который обязан в установленном порядке выделить необходимое количество сопровождающих, в том числе (при необходимости) и медицинского работника.

Освобождаемые психически больные, выписываемые под наблюдение психоневрологического диспансера по месту жительства, а также под опеку или на попечение родственников, передаются им непосредственно в ИУ (больнице). В случае отсутствия родственников или невозможности их приезда за больным он сопровождается до места жительства или лечения медицинскими работниками ИУ (больницы).

Перевод в колонию-поселение

Колония-поселение как вид пенитенциарного учреждения в уголовно-исполнительной системе появилась относительно недавно – в 60-х годах прошлого века, хотя, по мнению ряда исследователей, прототипом этого вида исправительных учреждений стала получившая достаточно широкое распространение еще в XVIII столетии ссылка на жительство, или простая ссылка.

Как отмечает А.М. Фумм, ссылка на жительство применялась как административная мера за незначительные преступления (например, первую кражу) или в качестве помилования.

Колонии-поселения относятся к исправительным учреждениям открытого типа, режим в которых во многом похож на «полусвободный режим», существующий в тюрьмах открытого типа, распространенных в Западной Европе.

Согласно Уголовно-исполнительному кодексу РФ, перевод в колонию-поселение является одной из самых значимых мер поощрения, применяемых к осужденным, и имеет очень важное значение для их постепенной социальной реабилитации и подготовке к жизни на свободе.

Итак, кто же может претендовать на замену режима изоляции, существующего в исправительных колониях, на полусвободный режим колоний-поселений?

Как сказано в ч. 2 ст. 78 УИК РФ, положительно характеризующиеся осужденные могут быть переведены из колоний общего и строгого режимов в колонию-поселение.

Перевод в колонию-поселение может состояться:

– для осужденных, отбывающих наказание в колонии общего режима, – по отбытии осужденным не менее 1/4 назначенного судом срока наказания;

– для осужденных, отбывающих наказание в колониях строгого режима, – по отбытии не менее 1/3 срока наказания;

– для осужденных, ранее условно-досрочно освобождавшихся от отбывания лишения свободы и совершивших новые преступления в

период оставшейся неотбытой части наказания, – по отбытии не менее 1/2 срока наказания;

– для осужденных за совершение особо тяжких преступлений – по отбытии не менее 2/3 срока наказания.

Ч. 3 ст. 78 УИК РФ устанавливает перечень тех, кто не может быть переведен в колонию-поселение. Не подлежат переводу в колонию-поселение следующие категории осужденных:

- осужденные при особо опасном рецидиве преступлений;
- осужденные к пожизненному лишению свободы в случае замены этого вида наказания в порядке помилования лишением свободы на определенный срок;
- осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы;
- осужденные, не прошедшие обязательного лечения, а также требующие специального лечения в медицинских учреждениях закрытого типа;
- осужденные, не давшие согласия в письменной форме на перевод в колонию-поселение.

Немаловажное значение для правильного применения этой меры поощрения имеет Постановление Пленума Верховного суда РСФСР «О судебной практике рассмотрения материалов о переводе осужденных в исправительно-трудовые колонии-поселения и уголовных дел о побеге из этих колоний» № 1 от 19 марта 1975 года с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного суда РСФСР № 1 от 28 марта 1979 года.

Перевод в колонию-поселение осуществляется на основании решения суда, которому предшествует рассмотрение заявления осужденного о переводе его в колонию-поселение на административной комиссии учреждения.

Для того чтобы администрация могла направить дело в суд, необходимо отбыть определенную часть срока наказания, причем во время отбывания наказания иметь примерное поведение и добросовестно относиться к труду (если трудоустроен).

Не являются основанием для отказа в переводе в колонию-поселение такие не предусмотренные законом основания, как:

- тяжесть совершенного преступления;
- наличие исков (алиментов);
- отсутствие до осуждения постоянного места жительства и работы;
- кратковременность пребывания в данном ИУ и др.

Администрация ИУ, если у осужденного подошел срок, не вправе отказать ему в направлении его дела в суд для решения вопроса о переводе его в колонию-поселение. Она не вправе также откладывать решение этого вопроса на какой-то срок. Решение о том, достоин или не достоин конкретный осужденный быть переведенным в колонию-поселение, вправе принять только суд, учитывая при этом мнение администрации ИУ.

Заявление на имя начальника ИУ с просьбой направить его дело в суд для решения вопроса о переводе в колонию-поселение осужденный сдает начальнику отряда. Начальник отряда, в свою очередь, пишет на подавшего заявление характеристику и составляет справку о поощрениях и взысканиях, затем передает эти документы в спецчасть (отдел) ИУ. К этим документам могут быть приложены различного рода ходатайства, справки и т. д., если они имеют отношение к решению данного вопроса.

После того как спецчасть (отдел) оформит все необходимые документы, они представляются на административную комиссию, которая решает, поддержать или нет ходатайство осужденного. Присутствие самого осужденного при решении его вопроса обязательно.

Рассмотрев ходатайство осужденного о переводе его в колонию-поселение, администрация готовит представление в суд, направляя его вместе со всеми собранными материалами и прикладывая выписки из протокола заседания административной комиссии по этому вопросу.

Присутствие осужденного в суде во время решения о применении к нему такой меры поощрения, как перевод в колонию-поселение, обязательно.

В случае отказа суда повторное рассмотрение о переводе данного осужденного в колонию-поселение может иметь место не ранее чем через 6 месяцев со дня отказа.

Если осужденному в результате проведенного курса лечения против алкоголизма или наркомании судом отменено принудительное лечение, а также если осужденный прошел полный курс лечения венерического заболевания, он может быть представлен к переводу в колонию-поселение на общих основаниях.

Приложения

Классификация преступлений по степени тяжести⁹

К преступлениям **небольшой тяжести** относятся умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК, не превышает двух лет лишения свободы. К преступлениям **средней тяжести** относятся умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК, не превышает пяти лет лишения свободы. Под **тяжкими** понимаются преступления, совершенные умышленно и по неосторожности, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы. К **особо тяжким** законодатель отнес только умышленные преступления, за совершение которых предусмотрено наказание свыше десяти лет лишения свободы или более строгое наказание.

Преступления небольшой тяжести	Преступления средней тяжести	Тяжкие преступления	Особо тяжкие преступления
113, 114, 115, 116, 118, 119, 121, 122(1), 123(1,2), 124(1), 125, 127(1), 129(1,2), 130, 133, 136(1), 137, 138(1,2), 139(1,2), 140, 141(1), 143(1), 144(1), 145, 145 ¹ (1), 146(2), 147(1), 148, 153, 154, 155, 156, 157, 158(1), 165(1), 167(1), 168, 169, 170, 175(1), 177, 178(1), 179(1), 180, 182, 183(1), 184(1,3,4), 194(1), 195(2), 198(1), 200, 204(1), 212(3), 213(1), 214, 215 ¹ (1), 220(1), 222(4), 223(4), 224, 225(1), 231(1), 233, 234(1), 236(1), 237(1), 238(1), 239(2), 242, 243(1), 244(1), 245, 247(1), 249(2), 250(1), 251(1), 252(1), 253, 254(1), 255, 256(1,2), 257, 258, 260(1), 261(1), 262, 263(1), 264(1), 265, 266(1), 268(1), 270,	106, 107, 108, 109, 110, 112, 117(1), 120, 122(2,4), 123(3), 124(2), 127(2), 128(1), 129(3), 134, 135, 136(2), 138(3), 139(3), 141(2), 142, 143(2), 144(2), 146(2), 147(2), 149, 150(1), 151(1,2), 152(1), 158(2), 159(1), 160(1), 161(1), 163(1), 165(2), 166(1), 167(2), 171, 171 ¹ (1), 172(1), 173, 174(1), 174 ¹ (1), 175(2), 176, 178(2), 181, 183(2,3), 184(2), 185(2), 188(1), 189(1,2), 191(1), 192, 193, 194(2), 195(1,3), 198(2), 199(1), 201, 202, 203(1), 204(2,3,4), 207, 208(2), 213(2), 214(2), 215(1), 215 ¹ (2), 215 ² (1,2), 215 ³ (1), 216(1),	111(1,2), 117(2), 122(3), 126(1), 127(3), 128(2), 131(1,2), 132(1,2), 145 ¹ (2), 146(3), 150(2,3,4), 151(3), 152(2), 158(3,4), 159(2,3), 160(2,3), 161(2), 162(1), 163(2), 164(1), 166(2,3), 171 ¹ (2), 172(2), 174(2,3), 174 ¹ (2), 175(3), 178(3), 179(2), 180(3), 183(4), 186(1), 187, 188(2,3), 189(3), 190, 191(2), 196, 197, 199(2), 203(2), 206(1), 208(1), 210(2), 211(1), 212(1,2), 213(3), 215(2), 215 ³ (2,3), 216(2), 217(2), 219(2), 220(2), 221(2,3), 222(2,3), 223(2,3), 225(2), 226(1,2), 227(1), 228(2,3), 229(1,2), 230(2), 231(2), 232(2), 234(3), 238(2,3), 240(2), 247(3),	105, 111(3,4), 126(2,3), 131(3), 132(3), 152(3), 161(3), 162(2,3), 163(3), 164(2), 166(4), 174 ¹ (3), 186(2,3), 188(4), 205(1,2,3), 206(2,3), 209, 210(1,3), 211(2,3), 226(3,4), 227(2,3), 228(4), 229(3), 230(3), 275, 276, 277, 278, 279, 281, 290(4), 295, 317, 321(3), 353, 356, 357, 358, 359(2)

Преступления небольшой тяжести	Преступления средней тяжести	Тяжкие преступления	Особо тяжкие преступления
271, 272(1), 274(1), 288, 289, 290(1), 292, 293(1), 294(1,2), 296(2), 297, 298(1,2), 301(1), 303(1), 306(1), 307(1), 308, 309(1), 310, 311(1), 312(1), 314, 315, 316, 319, 320(1), 322(1), 322 ¹ (1), 324, 325, 326(1), 327(1,3), 328, 329, 330(1), 332(1,3), 336, 337(1,2), 339(1), 341(3), 342(1,3), 343(1), 344, 346(1), 347, 438, 349(1), 350(1)	217(1), 218, 219(1), 221(1), 222(1), 223(1), 228(1,5), 230(1), 232(1), 234(1,2), 235, 236(2), 237(2), 239(1), 240(1), 241, 243(2), 244(2), 246, 247(2), 248, 249(1), 250(2,3), 251(2,3), 252(2,3), 254(2,3), 256(3), 259, 260(2), 263(2), 264(2), 266(2), 267(1), 268(2), 269(1,2), 272(2), 273(1), 274(2), 280, 282, 283(1), 284, 285(1), 286(1), 287(1,2), 291(1), 292 (2), 292 ¹ (1), 293(2), 294(3), 296(1,3), 298(3), 299(1), 301(2), 302(1), 303(2), 304, 305(1), 307(2), 309(2,3), 311(2), 312(2), 313(1), 318(1), 320(2), 321(1,2), 322(2), 322 ¹ (2), 323, 326(2), 327(2), 327 ¹ , 330(2), 332(2), 333(1), 334(1), 335(1,2), 337(3,4), 340(1,3), 341(1,2), 342(2), 343(2), 345, 346(2), 349(2), 350(2), 354	260(3), 261(2), 263(3), 264(3), 266(3), 267(2,3), 268(3), 269(3), 273(2), 283(2), 287(3), 290(2,3), 291(2), 296(4), 299(2), 300, 301(3), 302(2), 303(3), 305(2), 306(2), 309(4), 313(2), 318(2), 333(2), 334(2), 335(3), 338, 339(2), 340(2), 349(3), 350(3), 351, 352, 355, 359(1,3), 360	

Примечание: В скобках указана часть соответствующей статьи УК.

Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания¹

Туберкулез

1. Прогрессирующий двусторонний туберкулез легких с явлениями легочно-сердечной недостаточности III степени:

фиброзно-кавернозный туберкулез легких;

казеозная пневмония;

диссеминированный туберкулез легких;

инфильтративный деструктивный туберкулез легких.

¹ Утвержден Постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54

2. Хроническая тотальная и субтотальная эмпиема плевры с явлениями легочно-сердечной недостаточности III степени.

3. Прогрессирующий деструктивный туберкулез позвоночника, крупных костей и суставов со стойким нарушением функции, осложненный амилоидозом внутренних органов.

4. Двусторонний кавернозный туберкулез почек, осложненный специфическим процессом мочевыводящих путей и развитием хронической почечной недостаточности в терминальной стадии.

5. Туберкулез органов брюшной полости с тотальным поражением висцеральной и париетальной брюшины, со спаечным процессом и нарушением проходимости кишечника с явлениями кахексии.

Новообразования

6. Злокачественные новообразования IV стадии (независимо от локализации) в соответствии с международной классификацией TNM.

Клинический диагноз должен быть подтвержден гистологическим исследованием.

7. Злокачественные новообразования лимфатической и кроветворной тканей. Миелопролиферативные опухоли.

Клинический диагноз должен быть подтвержден морфологическим исследованием.

8. Острый лейкоз (все формы):

хронический миелолейкоз с нарастающей кахексией, анемией, спленомегалией и геморрагическим синдромом;

хронический эритромиелоз, терминальная стадия;

эритремия, осложненная кровоизлияниями или тромбозами сосудов головного мозга;

хронический лимфолейкоз, осложненный анемией, тромбоцитопенией и непрерывно рецидивирующими инфекциями;

хронический моноцитарный лейкоз, терминальная стадия с анемией и геморрагическим синдромом;

множественная миелома с остеодеструктивными процессами (патологические переломы позвоночника и костей нижних конечностей);

лимфогранулематоз IV стадии с диффузным поражением одного или нескольких внутренних органов, с поражением лимфатических узлов.

Болезни эндокринной системы

9. Сахарный диабет, тяжелая форма с потребностью инсулина свыше 60 ед. в сутки:

с туберкулезом легких или хроническим сепсисом;

с диабетической репролиферативной и пролиферативной ретинопатией;

со склонностью к кетоацидозу;

с нефропатией (гипертоническая или нефротическая форма) в терминальной стадии;

с распространенной тяжелой полиневропатией;

с тяжелыми ангиопатиями.

10. Хроническая надпочечниковая недостаточность, тяжелая форма.

11. Несахарный диабет, тяжелая форма.

12. Гиперпаратиреоз, тяжелая форма с почечной недостаточностью.

13. Синдром Иценко – Кушинга, тяжелая форма.
14. Гипофизарная недостаточность (болезнь Симмондса) в стадии кахексии.
15. Опухоли гипофиза и гипоталамуса с необратимыми нарушениями зрения, выраженными неврологическими и психическими нарушениями.
16. Подагра с подагрической нефропатией и хронической почечной недостаточностью в терминальной стадии.
17. Феохромоцитомы, кризовое течение (при невозможности оперативной коррекции).
18. Диффузно-токсический зоб, тяжелая форма (при невозможности оперативной коррекции).

Психические расстройства

19. Хронические психические расстройства стойкого характера (психозы и слабоумие), лишаящие лицо возможности осознать характер и общественную опасность своих действий (бездействий).

Болезни нервной системы и органов чувств

20. Сосудистые заболевания головного и спинного мозга с выраженными стойкими явлениями очагового поражения мозга (гемиплегия и параплегия, глубокие гемипарезы и параспарезы, нарушение ориентировки в пространстве и времени, акинетико-ригидный синдром):

геморрагическое, ишемическое или смешанное острое нарушение мозгового кровообращения;

дисциркуляторная энцефалопатия III стадии;

первичные (нетравматические) субарахноидальные кровоизлияния при установленном диагнозе.

21. Инфекционные, демиелинизирующие и дегенеративные заболевания центральной нервной системы, сопровождающиеся органическими поражениями головного и спинного мозга с глубокими стойкими нарушениями функций организма (тяжелые параличи, глубокие парезы с распространенными расстройствами чувствительности, расстройствами функции тазовых органов и трофическими нарушениями, выраженный акинетико-ригидный синдром) и прогрессирующим течением процессов:

менингиты гнойные;

энцефалиты;

абсцессы головного мозга;

спинальные эпидуральные абсцессы и гранулемы нетуберкулезной этиологии;

нейросифилис;

поражение нервной системы при туберкулезе;

поражение нервной системы при ВИЧ-инфекции;

рассеянный склероз и рассеянный энцефаломиелит;

острая и хроническая воспалительная демиелинизирующая полиневропатия;

лейкоэнцефалит;

спиноцереbellарные атаксии, мозжечковые дегенерации и фуникулярный миелоз.

22. Заболевания подкорковых ганглиев:

паркинсонизм с выраженным акинетико-ригидным синдромом;

гепатоцеребральная дистрофия (гепатолентикулярная дегенерация и болезнь Вильсона – Коновалова);

хорея Гентингтона;

торсионная дистония (генерализованная форма);

другие экстрапиримидальные заболевания с выраженными двигательными нарушениями.

23. Травматические заболевания центральной нервной системы с выраженными стойкими явлениями очагового поражения мозга (гемиплегия и параплегия, глубокие гемипарезы и парапарезы).

24. Заболевания центральной и периферической нервной системы прогрессирующего течения с выраженными стойкими расстройствами двигательных, чувствительных и вегетативно-трофических функций и неэффективностью проводимого лечения: объемные образования головного и спинного мозга;

боковой амиотрофический склероз;

сирингомиелия;

вертеброгенная миелопатия;

нервно-мышечные заболевания (миастения, миопатия);

токсические и дисметаболические поражения.

25. Полная слепота.

26. Выраженное снижение остроты зрения на почве стойких патологических изменений (острота зрения глаза, который лучше видит, не превышает 0,05 и не может быть корригирована).

27. Выраженное концентрическое сужение полей зрения обоих глаз (10 и менее градусов).

Болезни органов кровообращения

28. Болезни сердца с недостаточностью кровообращения III степени:

констриктивный перикардит, не подлежащий оперативному лечению;

бактериальный эндокардит затяжного течения;

миокардический кардиосклероз;

ишемическая болезнь сердца;

стойкие нарушения ритма и проводимости сердца (частая, политопная, парная желудочковая экстрасистолия, пароксизмальные тахикардии и атриовентрикулярная блокада с синдромом Морганьи – Эдэмса – Стокса);

эндомиокардиальный фиброз.

29. Гипертоническая болезнь III стадии, вторичная артериальная гипертензия:

с повторным трансмуральным или крупноочаговым инфарктом миокарда со стойкими нарушениями ритма и проводимости и прогрессирующей недостаточностью кровообращения;

с недостаточностью кровообращения III степени;

с хронической почечной недостаточностью в терминальной стадии.

30. Приобретенные и врожденные пороки сердца с недостаточностью кровообращения III степени.

31. Кардиомиопатия (застойная, гипертрофическая и рестриктивная) со стойкими нарушениями ритма, тромбоэмболией или недостаточностью кровообращения III степени.

32. Болезни артерий с поражением магистральных и периферических сосудов конечностей с клинической и патоморфологической картиной острой или хронической артериальной недостаточности IV степени (гангренозно-некротических изменений) на уровне кистей рук и стоп (не менее двух конечностей):

эндартериит;

аорто-артериит;

облитерирующий атеросклероз;
болезнь (синдром) Рейно;
диабетическая ангиопатия;
тромбозы и эмболии;
тромбангиит.

Болезни органов дыхания

33. Хронические неспецифические заболевания легких с диффузным пневмосклерозом, эмфиземой легких, хроническим легочным сердцем в стадии декомпенсации, дыхательной недостаточностью III степени или с амилоидозом внутренних органов и хронической почечной недостаточностью в терминальной стадии:

хроническая обструктивная болезнь легких;
бронхиальная астма;
бронхоэктатическая болезнь;
абсцесс легкого;
эмпиема плевры;
пневмокониозы различной этиологии;
идиопатический фиброзирующий альвеолит;
саркоидоз;
эмфизема первичная;
муковисцидоз.

Болезни органов пищеварения

34. Заболевания кишечника и других органов пищеварения в стадии кахексии с выраженным синдромом нарушения всасывания.

35. Циррозы печени различной этиологии в стадии декомпенсации с гиперспленизмом, портальной гипертензией, печеночной недостаточностью III степени.

Болезни мочевыводящей системы

36. Болезни почек и мочевыводящих путей в терминальной стадии с хронической почечной недостаточностью.

Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани

37. Болезни костно-мышечной системы тяжелого прогрессирующего течения с выраженными и стойкими нарушениями функции органов и систем при следующих заболеваниях:

ревматоидный артрит;
анкилозирующий спондилоартрит (болезнь Бехтерева);
системные поражения соединительной ткани (васкулиты, красная волчанка, склеродермия, дерматомиозит, болезнь Шегрена и другие).

Анатомические дефекты

38. Анатомические дефекты, возникшие вследствие заболевания или травмы (во время последнего срока отбывания наказания), – высокая ампутация верхних или нижних конечностей, а также сочетание высоких ампутаций одной верхней и одной нижней конечностей.

Прочие заболевания

39. Болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), в стадии вторичного заболевания в виде генерализованной инфекции, злокачественного новообразования или поражения центральной нервной системы.

40. Гипопластическая и апластическая анемии, агранулоцитозы, тяжелая форма.

41. Острая и хроническая лучевая болезнь IV степени.

Адрес редакции:

119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: (495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 03.12.2008 г.
Отпечатано в типографии ИПК «Информкнига».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.
Распространяется бесплатно